

Джон Нивен

Второе Пришествие

Моей матери

«Вы что думаете, Иисус, явись он снова, захотел бы увидеть этот гребаный крест? Это как подарить Жаклин Кеннеди цепочку с кулоном в виде снайперской винтовки...»

Билл Хикс

Часть первая

Небо

«Что делают в раю, мы не знаем.
Зато нам постоянно вдалбливают, чего там не делают»

Джонатан Свифт

Глава 1

«Сейчас появится Бог, притворитесь занятыми делом!»

Это написано на мятом канцелярском стикере, приклеенном на металлический шкаф рядом с кулером питьевой воды. Но сегодня это не шутка: Бог действительно может появиться в любую минуту, и люди стараются выглядеть занятыми делом. Рафаил и Михаил бездельничают возле булькающего стеклянного купола. Они ловко перебирают бумаги, используя старый офисный трюк, придуманный еще в дремучие времена с целью придать незагруженным работой сотрудникам налет целеустремленности. В отличие от беспечной болтовни двух ангелов возле кулера, которой они наслаждались еще на прошлой неделе, их фразы отрывисты и торопливы, а тон приглушен и сопровождается нервными взглядами в сторону коридора.

«Когда старик возвращается?» спрашивает Рафаил.

«Каждую минуту может появиться. Джинни говорила что-то вроде «поздним утром», отвечает Михаил, не глядя на своего друга. Он концентрируется на кулере, нажимает на рычажок для подачи воды, отчего в баллоне поднимается большой булькающий пузырь.

«Черт, как ты думаешь, Он будет в плохом настроении?»

«В плохом?» Михаил думает и отпивает воды из стаканчика, а его взгляд блуждает по главному офису.

Главный офис на небе похож на любой другой большой офис с общим пространством: разделительные ширмы на уровне пояса, письменные столы с плоскими корзинками для бумаг, телефоны, урны, копировальные машины и полки, забитые папками, полными документов. Но есть и различия. На небе нет трубок дневного света. Наоборот, все залито чистейшим небесным светом, пронизано им, пропитано, как кому больше нравится. Это - девственный свет прекрасного майского утра. Хотя сегодня по объективным причинам чувствуется некоторое беспокойство, обычно здесь царит радостная, деловая, полная энтузиазма рабочая атмосфера, ведь в главном офисе на небе – разве может быть по-другому? – всегда вторая половина дня пятницы. И еще очень маленькое отличие: пчелиные соты ширм и письменных столов, окруженные похожими на вату облаками, простираются до горизонта. Кто-то, возможно, удивится, узнав, что на небе работают, но это была одна из гениальных директив Бога, а гениальных директив Бог, естественно, не чужд. «Люди хотят работать», сказал Он Петру. «Нет, черт меня возьми, люди *должны* работать. Посмотри на длительное время

безработных. Или на этих богатых бездельников. Ты думаешь, они *счастливы?*» Поэтому те на небе, кто хочет получить работу, а их большинство, работу получают.

Михаил допивает воду и восторженно закрывает глаза, когда последние капли стекают по горлу вниз. Вода на небе такая...ну, можете себе представить.

«В плохом настроении?» повторяет Михаил. «Полная хрень, да он слетит с катушек».

Даже Джинни, личная ассистентка Бога, которую обычно невозможно вывести из равновесия, и которая, как гроссмейстер, просчитывает ситуацию на пятнадцать или двадцать ходов вперед, даже Джинни сегодня утром чуть раздражена. Ей слегка за сорок, раньше она была безумно привлекательна, сейчас только очень. «Нет, Себ», указывает она одному из двух своих помощников, Он хочет все в хронологическом порядке. Поставь эти ящики вперед». Джинни готовит в приемной Бога презентацию последних земных лет этак четырехсот. За это время поневоле наберется приличное количество материала: коробки с документами, бумагами и DVD высятся на бесконечно длинной тележке. Одни только поддоны с CD, поставленные один к другому, выстроились на добрую милю: записи всей земной музыки за четыре столетия.

Себастьян переругивается с Лэнсом, другим помощником Джинни. «Нет, тупая корова! Эти там должны быть рядом с этими здесь, потому...»

«Ах, ты, моя прелесть, вы только послушайте!» отвечает Лэнс, прижимая одну руку к груди. Когда набирали персонал в святейший офис, Джинни очень быстро кое-что поняла. Что-то, что на земле, вероятно, поняли неправильно: Бог *любит* гомиков.

«Потому, что Джинни ясно сказала: в хронологическом порядке!»

«Ох, да ладно, будь хорошим!» говорит Лэнс и показывает выразительным жестом, чтобы тот отвалил. «Я просто попытался спрятать вот это». Он поднимает в руке фолдер с надписью: «КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ. СОВРЕМЕННОСТЬ». «Ты думаешь, Он захочет это читать?»

«Эй, вы, оба, заканчивайте ругаться», бросает Джинни, проходя мимо них к звонящему телефону. «Следите просто за тем, чтобы все было готово. И бесполезно что-то утаивать. Он будет читать все». Потом она снимает трубку: «Да?» Джинни прислушивается секунду. «Да-а. Да. Окей». Она кладет трубку. Себ и Лэнс смотрят на нее в ожидании.

«Он идет», говорит Джинни.

Бог идет по центральному коридору главного офиса, улыбаясь, хлопая встречающихся по плечам и ударяя по ладоням, здесь «привет», там «привет», останавливается, чтобы поговорить с сотрудниками в пчелиных сотах. На земле ему дали бы лет пятьдесят с хвостиком, и сказать, что Он привлекателен, значит не сказать ничего. У Него внешность голливудского сердцееда. В Его волосах, раньше черных, как моторное масло, сейчас заметны серебряные пряди. Серебряные иголки в Его недельной щетине. И эти глаза: такие светлые, цвета мелководной тропической лагуны летним днем в послеобеденное время. После короткой болтовни Бог берет Свою удочку и идет дальше по коридору.

Он одет по-отпускному: клетчатая рубашка, хлопчатобумажная жилетка, в карманы которой Он набил всякую мелочь, на голове сильно поношенная панамка, к которой приколоты яркие разноцветные блесны и наживки. В одной руке Он держит удочку и ящик, в другой на веревке, продетой через жабры, болтаются три жирных, в красивую крапинку форели.

«Хай, Марк!» кричит Бог чернокожему парню из отдела регистрации корреспонденции. «Как обстоят дела, сын мой?»

«Супер обстоят, а уж как стоят!» отвечает Марк и хватается себя между ног. Бог смеется. Бог любит черных.

Он проходит сквозь дверь к себе в приемную. «Сокровище, я снова дома!» говорит Он и обнимает Джинни, с которой так любит флиртовать.

«Добро пожаловать назад, Господь!» приветствует его Джинни.

«Вы по мне скучали?»

«Еще как».

«Салют, ребята», приветствует Бог Себа и Лэнса. «Как дела?»

«Отлично!» сияет Себ, немножко нервно.

«Ух, ты», говорит Лэнс и гладит ладонью засаленную жилетку Бога, «божественный прикид. Вообще-то, я не поклонник Джона Дира, но это...»

Бог смеется: «Что ты говоришь».

«И как Ваш отпуск?» спрашивает Джинни.

«О, фантастика, просто фантастика. Ты была абсолютно права, следующего отпуска я больше не буду ждать так долго».

«Мммм». Джинни натужно улыбается при мысли о том, как быстро поменяется Его мнение о сроках будущих отпусков. Ей больно видеть Его в таком хорошем настроении, ведь она знает, что от него скоро не останется и следа.

«Да, вот еще...» Бог поднимает вверх форелей и протягивает ей. «Тебе. Помажь их кисточкой маслом, посоли и поперчи. Спасибо, Себ», говорит Бог и принимает кружку дымящегося кофе с надписью Я НАЧАЛЬНИК, ТЫ ДУРАК. «Положи их в духовку на пятнадцать минут при 180 градусах. Когда они будут готовы, сбрызни лимонным соком. Мммм!» Бог целует ей кончики пальцев. «Я всю неделю таскал их из реки и так готовил. Ну, хорошо, что я пропустил?»

«В общем, так», говорит Джинни и проходит вперед, чтобы распахнуть двери: офис имеет размеры футбольного поля и заставлен коробками, башни из которых напоминают небоскребы.

«Вот, блин», говорит Бог и дует на кофе. «Те внизу изрядно потрудились, так?»

«Мммм-гммм», кивает Джинни, уводя глаза от Его взгляда. «Большая часть старых дел находится в этих папках, более новая информация на дискетах, CD, видеокассетах и на Вашем жестком диске».

«Прости, на чем?»

Бог учится быстро. Быстрее, чем другие. Под руководством Джинни ему надо где-то полторы чашки кофе, чтобы овладеть всей этой техникой, которая появилась за время его пребывания в отпуске: телефоны, электронная почта, компьютеры CD, DVD, телевизоры и тому подобное. Он даже немного занимается факсом, абсолютно ненужной сейчас технологией 20 века. Все эти классные вещички, которых еще не было до его отъезда. Старательные маленькие существа. Получая информацию о компьютерных играх, он с удовольствием отвлекается, скачивая на смартфон Angry Birds и не понимая, как они могли потратить четверть столетия на продвижение от автомата Donkey Kong до игры Halo 3, все уровни которой он проходит за семь минут.

Бог встает, потягивается и смотрит критическим взглядом на пирамиды коробок высотой с дом и на экран своего нового ноутбука, на котором мелькают непрочитанные файлы. «Джинни», говорит Он, наконец, «я буду сильно расстроен?»

«Я бы сказала, это обоснованное опасение, Господь».

Бог делает несколько шагов, ставит кружку с кофе на коробку и берет наугад одну из папок. На ней написано «18 СТОЛЕТИЕ: РАБОТОРГОВЛЯ». Эээ...? Рабство было Богу известно, к сожалению. Эти варварские фараоны были помешаны на рабстве. Но работоторговля? «Что такое, черт возьми, работоторговля?» спрашивает Бог и открывает папку.

«Я думаю, будет лучше, если Вы запасетесь временем, чтобы все это проработать», говорит Джинни.

Глава 2

Позвольте на этом месте коротко объяснить разницу между небесным и земным временем. Время проходит и в условиях вечности, но *медленнее*. Намного, намного медленнее. Один день на небе равен приблизительно 57 земным годам. Свой первый – до прошлой недели – и последний отпуск Бог брал 4,6 миллиарда лет назад во время рождения Земли. Тогда еще не было кислорода, и Земля была просто жидким шаром, таким свежим, что он еще дымился. С момента Большого взрыва, который, конечно, был не чем иным, как нелепой случайностью, прошло не больше десяти миллиардов лет. Бог любит с утра оттянуться, но время от времени жалеет об этом. Рыба-молот? Утконос? Зад павиана? Честно, кто не пожалел бы об этом? До возникновения океанов должны были пройти еще тысячи лет. Можно было сходить в отпуск, правда?

Когда Бог взял себе в этот раз недельный отпуск, на дворе стоял 1609 год, это была вершина ренессанса, эпоха, приносившая ему уйму радости. Время Коперника, Микеланджело, Да Винчи. Самое подходящее время для отпуска. Когда Он пустился в

путь, захватив ящик для рыбы и надев панамку на голову, в Лондоне как раз шла премьера «Короля Лира», а на другом конце города Бэкон сочинял свои «Препятствия на пути познания». Эль Греко писал, прижав кончик языка к верхней губе, полностью сконцентрировавшись, дрожащей кисточкой «Пятую печать апокалипсиса». Вглядываясь через окуляр своего прототипа телескопа, Галилео впервые наблюдал четыре спутника Юпитера. Монтеверди завершил сочинение оперы «Орфей». Идеальное время для рыбалки, решил Бог.

Когда Он, хорошо отдохнув, со связкой форелей под мышкой, вернулся из Своего путешествия в отдаленную небесную провинцию, прошли почти точно четыреста лет. На земле шел 2011 год. Как мы знаем, последние четыреста лет не были бедными на события...

Бог читает быстро. Быстрее, чем кто-либо другой. Он может практически одновременно читать тысячи исписанных мелким шрифтом документов и при этом смотреть видеокассеты и DVD и кликать на файлы в компьютере, содержащие все данные о времени, в течение которого он отсутствовал. Богу понадобилось все утро и часть обеденного перерыва, чтобы поднять Свою информированность на новый уровень. Мгновенно расширяет Он географические познания потоком страшных названий: Освенцим, Бухенвальд, Берген-Белсен, Гуантанамо, Белфаст, Камбоджа, Вьетнам, Нагасаки, Хиросима, Руанда, Босния. Время от времени Джинни, Себ и Лэнс вздрагивают за своими письменными столами, когда слышат Его приглушенные стоны и крики.

Во время работы над 20 столетием – Он должен постоянно сдерживать позывы к рвоте – Бог узнает о существовании совершенно новых и, мягко говоря, странных концепций капитализма и коммунизма. О ядерном устрашении и ядерном сдерживании. О военно-промышленном комплексе. О противниках аборт и нулевой толерантности. О высокодоходных рискованных займах и фальшивых авизо. О мыльных пузырях на рынке недвижимости и отрицательном уставном капитале. Фетва и джихад. Этнические чистки и коллекторские фирмы. Он видит фотографии, сделанные в жарких и пыльных уголках арабских стран: двое юношей-гомосексуалистов повешены. Неверная жена, зарытая по плечи в песок, а в нескольких шагах от нее толпа мужчин с булыжниками, которые они взвешивают в руках. Он поворачивается к компьютеру и щелкает мышкой на файл с названием «ИСЛАМСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ: УБЕЖДЕНИЯ И ОБЫЧАИ». Так, что-то под именем ТАЛИБАН. Посмотрим, что у нас с этими типами? Похоже, они только и делают, что меряются друг с другом своими идиотскими чудовищными бородами.

Пару минут спустя Джинни слышит сквозь тяжелые, напоминающие соборные двери, приглушенные крики и ругательства. Слышны удары ног по предметам.

Бог читает о парандже и хиджабе. Если он правильно понимает странную логику этих типов, их аргументация сводится примерно к следующему: все мужчины являются латентными насильниками, которых нельзя провоцировать, даже показав всего лишь лодыжку. Поэтому девушки должны ходить, закутавшись в черный мешок. С другой стороны, все женщины принципиально являются развратными шлюхами и хотят трахаться круглые сутки. Поэтому, если одна из них опозорит хорошего, порядочного, женатого мужчину, бесстыдно показав ему, например, голую коленку, а тот, не в силах сдержаться, возьмет и трахнет ее, то совершенно справедливым будет закопать виновницу по плечи, окружить ее со всех сторон и с близкого расстояния швырять ей со всей дури в голову камни, в то время, как мужчина-виновник должен будет заплатить штраф. Бог читает список вещей, которые Талибан решили запретить: свинину, свиней, свиной жир, изделия из натуральных волос, спутниковые тарелки, кинематограф, музыку и устройства, проигрывающие музыку, бильярдные столы, шахматы, маски, алкоголь, видеокассеты, телевизоры, компьютеры, видеомagnитофоны, все, связанное с сексом, вино, омаров, лак для ногтей, статуи, картины, журналы с выкройками, фейерверки и рождественские открытки.

Журналы с выкройками?

Он читает о казнях гомосексуалистов. О забивании камнями и порках людей за...ну, собственно, ни за что. О шестнадцатилетней школьнице, которую повесили за что-то, что они называют «преступлением против целомудрия».

Потом, стараясь сохранять спокойствие, Он смотрит выжимку из популярного американского телешоу. Невообразимо бредовый псевдодокументальный фарс:

безвкусная ерунда та тему «как стать богатым в одночасье». И тут он в течение нескольких секунд представляет себе, как должны чувствовать себя эти типы из Талибан: ты торчишь там в пещере со своим АК-47 и тарелкой серой вонючей бурды, мечтаешь трахнуть козу, и смотришь передачу «Новая американская топ-модель в гостях у семейства Кардашьян». Бог чувствует инстинктивную потребность собственноручно запретить телевидение.

Обеденный снэк в виде стакана с налитым на два пальца односолодовым виски и толстеного косяка помогает Ему немного при ознакомлении с самыми последними событиями: вырубкой тропических лесов, глобализацией, побочными эффектами. Верность бренду. Маркетинг. Продакт-плейсмент. Спонсирование предпринимательства. Планируемая амортизация. *Республиканцы*.

До конца обеда Бог горько плачет. В приемной Джинни выгнала ребят на обеденный перерыв. Она кусает нижнюю губу, прислушиваясь к Его всхлипам, звуку, который она услышала впервые. Ведь если отбросить в сторону Его общительность и любезность, Бог во всех отношениях является представителем «олдскул»: твердый орешек. Настоящий мужчина. Потом на некоторое время наступает тишина.

Когда Бог с шумом распахивает двери, Он снова собран. То, что Он только что пережил, слегка выдает лишь небольшая хрипотца в голосе. Джинни смотрит на него и глотает слюну. Он уже не выглядит безутешным, скорее взбешенным, сильно взбешенным. Что, собственно, является хорошим знаком, думает Джинни.

«Джинни», говорит Бог с мягкой интонацией, в своем гневе необыкновенно спокойный, давая понять, что все под контролем, «где прячется маленький засранец?»

Глава 3

«Это такой, э-э-э, соус, понимаешь? Ну, вроде баба гануш? Мне кажется, там горох, немножко тмина, лимонный сок, лук и, э-э-э, здесь...»

Иисус делает глубокую затяжку из косяка и отдает его назад. Травка на небе, ну, вы можете себе представить. Мне кажется, вы знакомы хотя бы приблизительно с марихуаной, которую Бог сотворил для нас на земле, правильно? Дерьмо, против небесной травки даже тайские палочки - полное дерьмо.

«...и э-э-э, чеснок. Но вкус у этого чеснока не такой, как у залежавшейся дряни, съев которую, сразу думаешь: о, черт, несет чесночищем. Здесь скорее легкий такой намек на чеснок. Они намазывают это на очень тонкую поджаренную питу, и так вкусно, как...мама дорогая!»

«Черт, старик», говорит Джими, в свою очередь глубоко затягиваясь. «Прекрати! Ты будишь во мне голод»

«Я тебе говорю, старик, я там внизу это пару раз ел. Ближний Восток в плане жратвы абсолютно недооцененная местность. Я, вот дерьмо, я...» Разглядывая клубы голубого дыма марихуаны, он теряет мысль окончательно.

Под кайфом? В стельку? В усмерть? В дым? Накрыло? Перекрыло?

Нет.

Иисус в полной *отключке*.

Они лежат, растянувшись на полу, среди разбросанных в беспорядке обычных предметов: сумка-термос с пивом, пепельницы, трубки и барбуляторы, разорванные пачки сигарет, раздавленные косяки, коробки из-под пиццы, усилители и кабели. Джими держит в руках белоснежный Фендер Стратокастер. Гибсон SG Иисуса из палисандра покоится рядом с ним на подушке. Даже внешне Иисус похож на своего отца: он тоже высокий, чуть за метр девяносто, и чертовски симпатичный со своими глазами цвета морской волны, которые в данный момент, естественно, сильно покраснели. А еще у него густые светлые волосы, такие длинные, что падают ему на плечи. Отстраненно Джими играет короткий рифф очень высоко на грифе, и последний звук отдается эхом в облаках вокруг них.

«Вау», говорит Иисус. «Как ты это делаешь?»

«Это просто маленькая блюзовая тема, парень»

Иисус берет свою гитару, и Джими показывает ему аккорды. Больше всего на свете Иисус любит такие посиделки с Джими. Конечно, здесь наверху есть и другие прекрасные

гитаристы. Рой Баканан заставляет свой Телекастер буквально плакать, но Рой, скажем так, человек настроения. А Джими такой хороший парень. Хендрикс со своей стороны видит в Иисусе многообещающего ученика, намного выше среднего ритм-гитариста с руками, способными выдать острое, пронзительное соло. Да и голос у типа шикарный, в этом нет никаких сомнений. После нескольких попыток Иисус прекрасно осваивает рифф. «А если ты его сыграешь, например, в миноре», говорит Хендрикс, «тебе нужно только...».

Когда оба играют один и тот же рифф одновременно, но на разных участках гитарных грифов, голоса инструментов все больше и больше сливаются друг с другом. Они почти достигают идеальной гармонии, когда материализуется Лэнс. Он тотчас регистрирует облака сладковатого дыма, остатки еще одной, сдобренной изрядной порцией наркотиков, джем-сессии и затуманенные маленькие глазки лежащей в центре этого хаоса парочки. «О. Мой. Бог!» говорит Лэнс. «Здесь как будто обдолбанные тинейджеры все заблевали!»

«Хай, Лэнс», приветствует его Иисус. «Хочешь пива?»

«О, пиво, это прямо мачо как!» отвечает Лэнс и хлопает в ладоши. «Нет, спасибо, если вы спрашиваете меня, не хочу ли я коктейль, то для него рановато. Твой отец хочет тебя видеть».

«О, черт, я совсем забыл. Он ведь сегодня приехал, так?»

«Да, приехал, и не в настроении, мягко говоря, мой сладкий»

«Окей, передай ему, что я скоро буду».

«Э-э-э...хорошо, но я думаю, что Он имел в виду «сейчас», как «прямо сейчас».

«Черт», Иисус снимает с себя Гибсон и затягивается в последний раз. Его долговязая фигура лениво выбирается из мешка для сидения. «Пока, Джими!»

«Будь хорошим», отвечает Джими.

«Всегда готов».

Бог поднимает голову и видит, как Иисус, шаркая ногами, заходит к Нему в кабинет, а Джинни тем временем закрывает за ним двери. «Папка», кричит Иисус с распростертыми руками. «Ну, как все было? Рыба кледала?»

Отец и сын заключают друг друга в объятия, сын чувствует запах форели и пота – у Бога с момента приезда не было времени переодеться – а отец вдыхает аромат пива, саями пепперони и сладковатый запах очень хорошей травки. «Сынок!» кричит Он радостно», «Присаживайся! Как у тебя дела?»

«Отлично, просто отлично».

Иисус садится в ближайшее к письменному столу отца кресло и кладет свои босые ноги на стол.

«Я рад, правда, очень рад», говорит Бог, сияя улыбкой. «Чем занимался?»

«Ну-у, ты же знаешь, расслаблялся, зависал, отрывался».

«То есть, все было спокойно? Это же здорово».

«Ну да, я играл на гитаре, немножко в гольф. Выкурил пару косячков».

«Да? Знаешь, ты выглядишь немного обезвоженным, сын мой, что тебе предложить? стакан воды или что-нибудь в этом роде?»

«О, это было бы здорово, спасибо. Знаешь, ты хорошо выглядишь, пап».

Повернувшись к Иисусу спиной, Бог наливает в стакан воду из графина. Вода имеет ржаво-коричневый цвет с толстым осадком на дне стакана. Бог прикрывает стакан одной рукой, когда несет его Иисусу. «Ты загорел», говорит сын.

«Правда?»

«О, да, Джинни права. Тебе надо чаще брать отпуск».

«Ты так думаешь?» спрашивает Бог и протягивает Иисусу стакан.

«Конечно, черт возьми. Иногда ты должен тратить время и на себя. Ты должен...»

«Ммм!» Бог, улыбаясь, наблюдает, как Иисус, сделав большой глоток, со стуком ставит стакан на стол.

«Х-х-х-г-ррр, бее!» Иисус судорожно выплевывает воду на пол. «Что за...»

«ЭТО ПРОБА ВОДЫ, КОТОРУЮ СЕГОДНЯ ВЗЯЛИ ИЗ ГАНГА!»

«Это, э-э-э, что?»

«ПОКА ТЫ ОТСИЖИВАЕШЬ СВОЮ ВЯЛУЮ ЖОПУ, ТЫ, ЛЕНИВЫЙ МАЛЕНЬКИЙ ЗАСРАНЕЦ, ЭТИ ТАМ ВНИЗУ ИСПОЛЬЗУЮТ РЕКУ В КАЧЕСТВЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ТУАЛЕТА!»

Бог в хорошем настроении? Это - самый милый дядечка, о котором можно мечтать. Джек Леммон и Джимми Стюарт, принявшие изрядную дозу снотворного. Бог обиделся? Тогда это - президент голливудской студии после провальной премьеры в выходные. Джоэл Силвер и Дэвид Геффен на крэке.

В приемной люди зарываются носами в бумаги. Для них это тяжелый момент. Иисуса любят все.

«Я...я...»

«Иди сюда. Быстро. Иди сюда!» Бог хватает Иисуса за ухо – «Ой, ой, ой!» - и тащит его к огромной белой доске, на которую Он выписал ключевые слова из своего брифинга. «Они используют тропические леса, как проклятый склад для хранения древесины. В слое озона – дыра – ГРЕБАНАЯ ДЫРА - такая же огромная, как мой член! А океаны...тех немногих рыб, которые выжили, посадили на насильственную диету из клоаки, сырой нефти и старых холодильников». Бог продолжает, а Иисус отбегает от него, потирая ухо. «Я, папа...»

Бог поднимает вверх указательный палец. Иисус замолкает, когда к его лицу грозно приближается палец Бога. «И это только экология. В плане морали, а черт... ты имеешь вообще представление, как глубоко эти люди за последнее время пали в моральном плане? Даже на конгрессе насильников и ростовщиков ты найдешь больше порядочности и хорошего тона».

«Но, папа, ты же знаешь, я сам только недавно вернулся!» В этом он, конечно, прав. Две тысячи лет: по небесному времени это как раз около месяца.

«Значит, ты не мог время от времени отслеживать ситуацию? Знаешь, в чем твоя проблема? У тебя нет компетенции, ты - лентяй и не при деле. Ты думаешь, что можешь идти по жизни, говоря красивые слова и придурковато улыбаясь? Ты еще никогда...»

Бог продолжает воспитание. *Вот так дела*, думает Он, слушая себя, произносящего слова «ответственность», «самодисциплина» и «духовность», *что за речь я толкаю? Мы что, даже здесь на небе не можем достигнуть той стадии, при которой не будет необходимости читать своим детям такие лекции?* Все вокруг любят мальчика всем сердцем. Не требует ли Он от своей плоти и крови слишком многого?

Когда Он, наконец, замечает, что Иисус борется со слезами, Бог делает один глубокий вдох, замолкает и обходит письменный стол, чтобы сесть на него рядом с Иисусом. Его тон становится мягче. «Пойми меня правильно, ты, безусловно, заслужил отдых, не вопрос. Но я думал, ты будешь...знаешь, немного приглядывать за фирмой, пока старик в отъезде».

«Ну, да, только люди из 20 века, с которыми я познакомился, все такие классные».

Бог вздыхает. «Ты на небе, дурачок. Конечно, они все классные. А, кроме того, ты видишь в людях всегда только хорошее».

Несколько мгновений отец и сын молча смотрят на доску, на которой Бог написал ужасающие цифры, факты и имена и приколот различны фотографии: штабеля обнаженных скелетообразных трупов за колючей проволокой; дети с опухшими животами и ногами, тоненькими, как шомпола для прочистки курительной трубки, прижимающие к груди пустые миски; чудовищная атомная подводная лодка.

«Дерьмо», говорит Иисус тихо. «Что получилось из «БУДЬТЕ ХОРОШИМИ?»»

«Будьте хорошими». Бог любил эту фразу, которую он позаимствовал у гомиков и сделал своим первым и единственным заветом. Размышляя о том, насколько чудесно простыми были эти слова, Он каждый раз инстинктивно вздрагивал при мысли: *гребаный Моисей*. Каким высокомерным дрычлой нужно быть, чтобы выбросить завет, который ему дали, на помойку и появиться со своими собственными десятью. Моисей, точно Моисей. У Моисея, это известно, были не все дома. Не все дома? Да у мужика была крыша с таким дефектом, что не подлежала ремонту. Все эти ужасные предписания о такой клинической ахинее, как «не возлюби быка своего ближнего». Какую пользу это может принести? Что этот говнюк хотел поиметь с того, что приправил все изрядной порцией грязного секса? Власть. Честолюбие. Эго. Обычные вещи, из-за которых все и происходит.

«Вот это мы и выясним», говорит Бог, хлопает в ладоши типа «ну, за работу» и нажимает кнопку селектора на Своем письменном столе. «Джинни? Всех ведущих святых в комнату для совещаний, срочно». Говоря это, Бог не может подавить еще один вздох. Потому, что Бог ненавидит совещания. На совещаниях постоянно впустую тратится время на «тушение пожаров» и «решение проблем».

«Уже сделано, Господь. Они ждут Вас здесь».

«Хорошая девочка. И вот еще, Джинни...»

«Да, Господь?»

«Сэндвичи, кофе и пончики, пожалуйста. Совещание продлится дольше обычного».

Глава 4

Четверо очень нервозных святых – Петр, Матвей, Андрей и Иоанн – сидят за столом для совещаний, курят и надуваются кофе. В стеклянной столешнице огромного стола тонкими линиями вытравлена карта мира. Перед каждым из святых лежит стопка бумаги.

Стопка Петра представляет собой подготовленный различными отделами общий обзор. В качестве главного управляющего неба ответственность теоретически несет Петр. Однако, исходя из неподтвержденных предположений о творящихся внизу от имени религии безобразиях, Петр был единственным, кто имел мужество сказать Богу, что отпуск, вероятно, был не лучшей идеей. Учитывая данное обстоятельство и свою должность консьюльери Бога, в данный момент он чуточку менее нервозен, чем его коллеги.

Стопка Матвея содержит, как можно было предположить из его прошлой службы таможенником и сборщиком налогов, статистические данные, факты и цифры. У Матвея жидкие волосы, очки, трясущейся рукой он подносит к губам стакан с водой. Кроме этого, он обладает одним из самых скучных голосов на небе и на земле: монотонный убаюкивающий шепот, с помощью которого он может лучшую прозу деградировать до уровня телефонного справочника. Стопка Андрея невелика и ограничивается, по сути, 20 веком. Святого хранителя Шотландии с точки зрения земных жителей скорее всего можно было бы назвать специалистом по спиндокторингу и имиджмейкером Бога. Андрей хорошо выполняет свою работу, но он знает, что потребуются приложить максимум усилий, чтобы придать хоть что-то положительное тому, что сегодня лежит перед ним.

Стопка Иоанна содержит радикальные идеи и наброски сценариев будущего. Иоанн обладает нестандартным мышлением и подходами, что неудивительно для человека, чей отец отзывался на имя Зебедей.

«О Боже, о Боже, о Боже», бормочет Матвей, перелистывая свой материал.

«Переходите, пожалуйста, прямо к делу, без обиняков», требует Петр. «Нарисуйте ему ясную картину».

«Ага, ясную картину, я не хочу подставлять свою жопу», ругается Андрей. «Может изобразить огромную вонючую кучу говна, на которую нассал какой-нибудь мудила, а потом башмаками «Док Мартенс» втоптал все это в землю? Ты считаешь, я нарисовал достаточно ясную для понимания картину?»

Матвей вздыхает. «У вас обязательно должно все и всегда быть говном и ссаками?»

«Я думаю, все пройдет нормально», говорит Иоанн и смотрит на косяк, который он как раз скручивает. «По-моему, окей, там внизу сейчас такой сценарий - «Папа уехал, и детишки устроили вечеринку» - вы понимаете, о чем я говорю: пара пятен на ковре, несколько разбитых бокалов, может быть, даже разбитое окно, но, в конце концов, никто дом не *спалил*, правильно? Никто не *умер*».

Андрей издевательски прыскает в кулак.

«Э-э-э, собственно говоря, опираясь на статистические данные...», говорит Матвей, глядя на свои графики, таблицы и списки.

«Иоанн?» перебивает его Петр.

«Мммм?» Иоанн вставляет себе в губы косяк и шарит в своей рясе в поисках зажигалки.

«Заткни свою пасть». Петр вырывает у него изо рта косяк и сам его закуривает. Иоанн пожимает плечами, и тут четверо святых слышат приближающиеся голоса и шаги. «О

Боже, о Боже, о Боже», говорит Матвей еще раз – тут распахиваются двери, и в комнату входит Бог, ведя за собой Иисуса.

Иоанн сидит ближе всех к дверям и вскакивает первым. «Эй, добро пожаловать домой! Вы замечательно выглядите».

Матвей смог выговорить лишь: «Я слышал, рыбалка была фан...»

«Вы оба», перебивает их Бог, «оставьте эту ерунду при себе и садитесь на ваши глупые жопы, или – клянусь – я оторву ваши крошечные пиписки и буду носить их вместо серег до конца этого сраного совещания».

«Извините», бормочет Матвей.

«Но проблемо», говорит Иоанн, и оба занимают свои места.

«Привет», тихо говорит Петр, обнимаясь с Богом. «Я вообще не люблю выражений вроде «я же говорил, но...»

Поднятым указательным пальцем Бог велит ему замолчать.

«Все в порядке, шеф?» Андрей кивает Богу через стол.

«Салют, ребята», приветствует Иисус собравшихся, берет с подноса пончик и падает в кресло рядом с Матвеем.

«В порядке», говорит Бог, бросает свои документы на стол и занимает место во главе. «Поскольку все выглядит таким образом, что те, там внизу каждые 10 или 15 минут готовы устраивать геноцид или голод, нам придется этим заняться». Бог опирается локтями на стол, сплетает пальцы и подается вперед к собравшимся. «Итак, что во имя неба, происходит там внизу?»

Глава 5

Много часов спустя. Закатанные рукава. Переполненные пепельницы. Повсюду стоят чашки с кофе и грязные тарелки. Поток бумаг стекает со стола на пол, воздух от выкуренных многочисленных косяков с марихуаной для повышения концентрации и начальной помощи при поиске радикальных решений, хоть топор вешай. Бог вздыхает и выпускает облако острого, пахнущего древесиной дыма, задавая, наконец, очевидный вопрос.

«Что, во имя ада», спрашивает Бог «происходит там с христианами? Они там просто *кишат*, эти дурацкие христиане».

«В какой-то момент э-э-э... все запуталось», отвечает Петр.

«Запуталось? Что, скажите на милость непонятного в «БУДЬТЕ ХОРОШИМИ?»

«Если позволите, Господь», просит слова Матвей и встает. Движением руки Бог разрешает ему говорить. «Просто образовалось много течений», начинает Матвей. «Следовало бы упомянуть, конечно, католиков».

«Все понятно, это одни».

«Сказать одни, было бы не совсем правильным, Господь. Среди католиков существуют различные подгруппы. Например, Маронитская Греко-Католическая Церковь, Рутенитская Греко - или Византийско-Католическая Церковь, Халдейско-Католическая Церковь и...»

«А чем они друг от друга отличаются?», хочет понять Бог.

«Ну, в большинстве своем они верят в то, что Папа является Вашим представителем на земле...».

«Охренеть!»

«Но», продолжает Матвей, «существуют различные теологические постулаты, касающиеся э-э-э... например, латинского определения чистилища».

«Кого», Бог подливает себе кофе, «может интересовать латинское определение чистилища? Мокрый собачий бздежь интереснее».

«Хорошо подмечено, Господь, но, тем не менее, некоторых очень даже интересует. Там есть такой патриархат экзархата православных общин русской традиции в Западной Европе, а еще Ориенталистские Православные Церкви – если Вы помните, они не признали Халкидонского собора в 451 году -, Коптская Православная Церковь в Александрии, Сирийская Православная Церковь Антиохии, Маланкарская Сирийская Православная Церковь, Эфиопская Православная Церковь Товахедо, Ассирийская Церковь Востока, Мариавитская Церковь, Палмарианская Католическая Церковь, Либерально-Католическая Церковь, Китайское католическое патриотическое

объединение, Харизматическая Епископальная Церковь, Независимая Филиппинская Церковь, Старокатолические общины Нидерландов, а также...»

«И это все католики?»

«Да, Господь»,

«Тогда хватит о них», говорит Бог, понимая, что голос Матвея буквально вгоняет присутствующих в безумие.

«Хорошо... тогда перейдем к протестантам, среди которых различают пресвитерианцев, баптистов, крестителей, методистов, пятидесятников, епископалистов, харизматическое течение, неохаризматическое течение и э-э-э...лютеран.

«Хорошо, спасибо бо...»

«А внутри этих течений существует Апостольская Лютеранская Церковь Америки, Конфессиональная Евангелистская Лютеранская Конференция, Ремонстрантское братство, Конфедерация Евангельских Реформированных Церквей, Пресвитерианская Церковь Вехнего Кумберленда, и этот список далеко не исчерпывающий».

У Бога на этот счет было иное мнение. Его терпение было исчерпано.

«Еще есть такие амиши: шварцтрубские амиши, амиши старого порядка, амиши Небраски, амиши Бичи, потом гуттериты, общины Брудерхофа, иконоборцы, нет, извиняюсь, они вымерли, менониты, а среди них менонитские общины Хорица, Община Бога во Христе, евангельские менониты. Методисты: Христианская Методистская Евангельская Церковь, Свободная Методистская Церковь, Объединенная Методистская Церковь, Исконные методисты. Баптисты: Миссионерствующие баптисты, Регулярные баптисты, Прогрессивные баптисты, Независимые баптисты, Независимые баптисты во Христе, баптисты Седьмого Дня, Юго-Восточный Баптистский Конгресс, баптисты Южных штатов, баптисты Юга, баптисты Свободной воли, Библейские баптисты, Консервативная Баптистская Общность Америки, Исконные баптисты, Черные Исконные баптисты, Норвежский Баптистский Союз и э-э-э, Межгосударственное и Зарубежное Миссионерствующее Объединение баптистов пограничного камня».

«Это все?»

«По крайней мере, что касается баптистов. Еще следовало бы упомянуть братства: Плимутское братство, Братство Шварценау, Дункардские братья, Моравские братья, Объединенная Церковь Сиона. Пятидесятники: Церковь малых детей Иисуса Христа, Крещенная Огнем Святая Церковь Америки...»

«Погоди-ка», говорит Бог, раздавливая окурочек косяка в пепельнице. «Крещенная Огнем Святая Церковь Америки? Ты сам выдумываешь эту клинику?»

«Нет, Господь. Церковь Пятидесятников «Бог-Это-Любовь», Церковь Бога в Иерусалиме, Церковь Бога...»

Иисус заснул.

«...Церковь Бога Истинного Собрания у Горы, Дом Поттера христианских обществ. Харизматики: Калвариенбергская Капелла, Харизматическая Церковь Бога, Церковь Урожай, Армия Иисуса, Священники Его Милости, Новые Границы, Церковь истинного Иисуса, Движение воскресения, Общность новой жизни, ох, извиняюсь, последнее относится к неохаризматикам. Квакеры, движение Стоуна Кемпбелла, миллериты, Южные коттиты, адвентисты седьмого Дня, мормоны, которые считают, что Ваш сын когда-то был в Солт-Лейк-Сити в Юте, где он...»

«Эй, соня», кричит Бог Иисусу, который негромко храпит. Бог кидает в него карандаш и попадает в лоб, от чего Иисус испуганно просыпается.

«Эй, что случилось?»

«Ты бывал в Солт-Лейк-Сити?»

«Если ты о той девчонке? Послушай, пап, она сказала, что ей уже восемнадцать. Я...»

«Забудь». Бог кивком головы просит Матвея продолжать.

«...проповедовал новообращенным. Есть еще такая Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней, Общность веры святых прерий, гедрикиты, бикертониты, кутлериты, странгиты и так далее. И, наконец, еще более абсурдные вещи, как Первохристиане, Церковь Христа, ученые, духоборцы, саббатайцы, молокане, Свидетели Иеговы, шведские борджианцы и еще...»

«Ладно», Бог поднимает руку. «Матвей, заткнись. Ближе к делу, хорошо? Сколько всего существует этой блевотины?»

«Различных христианских сообществ? Э-э-э...», Матвей сверяется со своими документами, «слегка за 38.000».

Все молчат, пока Бог еще раз не рычит «охренеть».

Никто из присутствующих не оспаривает оценку Матвея, и после очередной тягучей паузы Бог спрашивает: «Как они могли скатиться в это тотальное поклонение? Я имею в виду, они, что, всерьез полагают, мне интересно, верят они в меня или нет?»

«Они одержимы интерпретацией Библии», объясняет Петр.

«Нет, правда, этой никчемной Библии?» спрашивает Иисус.

Никчемная Библия. Что за жульничество. Они выудили несколько историй, как правило, обычные слухи, и по собственному усмотрению дополнили их, изменили, дописали и приукрасили. Например, кормление пяти тысяч человек, о котором Иисус еще хорошо помнил. Даже если подходить к этому вопросу благожелательно, во время еды было от силы человек пятьдесят. Но это – тот же феномен, как с концертом Ленни Брюса в «Хангри Ай» или Sex Pistols в клубе «100»: если бы каждый урод, утверждающий, что был на этих выступлениях, действительно был там, то даже стадион «Нью-Йорк-Джайнтс» не смог бы предоставить достаточного количества мест. А помимо хлеба и рыбы тем вечером на тарелках была уйма кускуса. *Уйма* кускуса. К слову о чудесной оптимизации предлагаемого меню.

Эту и другие истории они халтурно искажали до тех пор, пока дурацкая книга не превратилась для людей в перечень оправданий, чтобы безнаказанно творить все, что заблагорассудится. И если бы только Библия имела на это монопольное право. Но нет, какой-то бородатый немецкий экономист пишет маленькую теоретическую работу о капитализме, а всего полвека спустя приходят Сталин, Мао и Пол Пот, и еще даже не научившись выговаривать слова «средства производства», какой-то бедный камбоджиец лежит в луже своей крови и видит, как его печень, насаженную на палку, несут вниз по улице за то, что у него нашли *вилку*, а у Небесных Врат стоят в очереди приблизительно пятьдесят миллионов русских.

«Эй, подождите минутку», говорит Андрей, указывая на Матвея. «Ты забыл креационистов, бомж».

«Ну, Андрей, мне кажется», отвечает Матвей, «что креационизм является, собственно – и ты, изучив этот вопрос, безусловно, со мной согласишься – скорее верой, распространенной в различных течениях христианства, чем самостоятельной религией», «Креационизм?», спрашивает Бог «что это?»

«Это...», говорит Андрей, хихикая, «там внизу есть такие с дыркой в голове, по большей части в Америке, у них крыша настолько съехала, что о чем они говорят, даже прикольно. Держитесь, чтобы не упасть: эти идиоты верят в то, что миру всего десять тысяч лет».

Бог смотрит на него в недоумении. «Что ты имеешь в виду, говоря «верят»?»

«Я имею в виду», говорит Андрей, «что они в этом *убеждены*. Они взяли возраст каждого из этих библейских персонажей и просчитали все до Адама и Евы. Таким образом, они вычислили возраст земли. Десять. Тысяч. Лет».

После еще одной продолжительной паузы Бог начинает хохотать.

Нужно слышать, как хохочет Бог. Это самый заразительный, самый горловой смех, который только можно представить. Через минуту все ржут уже так, что Джинни просовывает голову в дверь, чтобы убедиться, все ли в порядке. После многочисленных выкуренных косяков уже скоро Бог стоит на коленях на полу, и по его лицу от смеха текут слезы. «О, нет...о, я...», выдавливает Он, задыхаясь, «кислород, мне нужен кислород».

«Десять тысяч лет», повторяет Иисус. «Пипец».

«Прекрати!» орет Петр.

«Но...но как быть с окаменелостями?» спрашивает Бог, с трудом выговаривая слова. «Окаменелости. Они что, еще не изобрели радиоуглеродный метод датирования?»

«Изобрели, изобрели», говорит Матвей. Даже он подвывает от смеха.

«Но», булькает Андрей, «теперь держитесь: креационисты говорят, что Вы, создавая землю, снабдили ее *признаками старения*, чтобы люди думали, что она старше, чем есть на самом деле!»

«А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!». Бог, уже не в силах сдержать хохот, барабанит кулаком по столу. «Ты считаешь, я придал земле этот трендовый винтажный вид?»

Все орут от смеха.

Наконец, Бог снова забирается в кресло. «О, Боже, о...это...слишком хорошо, чтобы быть правдой».

«Я понимаю», говорит Матвей, «о том, что многие из них на это поведутся, Вы, наверное, и не думали, так?»

«Что ты имеешь в виду?» спрашивает Бог, все еще хихикая и вытирая слезы.

«Так вот, по оценкам достаточно серьезных опросов число верующих в креативицизм американцев колеблется от сорока до сорока пяти процентов населения».

Бог прекращает смеяться. «Что?» спрашивает он тихо.

«Да», говорит Матвей. «Они даже в школах это изучают».

«Они учат этому бреду своих детей?» говорит Бог медленно и прикусывает нижнюю губу.

«Да».

«ТЫ ИЗ МЕНЯ МУДАКА ХОЧЕШЬ СДЕЛАТЬ?»

Бог крушит вокруг себя все, что попадет под руку.

Папки летают по комнате, тяжелая пепельница с грохотом разбивается о стену, туда же брошена чашка, стул разломан пополам. Все смотрят в свои записи и ждут, когда пройдет приступ ярости. Сопя, Бог снова занимает свое место и листает документы. «А как», спрашивает Он, «обстоят дела с этим молодым человеком, Дарвиным? Он же все понял».

«Эй», говорит Андрей, «они называют его дьяволом».

«Все эти люди, они что, ненормальные?»

«Похоже, так оно и есть, Господь»

«Я имею в виду», Бог берет из пепельницы косяк и поднимает его вверх, «они что, мало курят травки?»

«Ну да, Господь, не курят», говорит Петр

«Эй, пап», берет слово Иисус. «Ты что, с Луны свалился? Травка запрещена. Там внизу курить ее противозаконно».

«Что противозаконно?»

«Продавать и хранить травку противозаконно в...», Матвей открывает папку, «Америке, Великобритании, Франции, Австралии, Японии, Канаде...»

«Почему?» спрашивает Бог и наклоняется к Петру, игнорируя монотонную молитву Матвея. «Почему они должны что-то запрещать, что я дал им для их удовольствия? Они что, не любят быть под кайфом?»

«Они больше упирают на алкоголь и табак», объясняет Петр.

«...Италии, Испании, Аргентине, Ирландии...»

«Но», Бог быстро и глубоко затягивается, «почему это, а не другое?»

«Деньги», дает Петр простой ответ. «Они...»

«...Бельгии, Таиланде, Финляндии, Исландии, Норвегии...»

«Все в порядке, спасибо, Матвей»

«Облагают продажу алкоголя и сигарет налогами. Это...»

«...России, Германии, Синга...»

«ТЫ МОЖЕШЬ, НАКОНЕЦ, ЗАТКНУТЬСЯ?» Бог кидает в Матвея пончиком, и тот сразу умолкает.

«Это настоящее золотое дно»

«Там внизу, есть что-нибудь, на что они не пошли бы из-за денег?» спрашивает Бог собравшихся.

Тишина. Бог трет себе виски, распрямляет плечи, пытается как-то снять напряжение.

«А ведь мы еще даже не говорили о том, что там творят мусульмане. Вы не забыли об этом?» Присутствующие грустно кивают. «Я думаю, что, вероятно, не все мусульмане такие. Но там среди них есть пара типов...вроде этих из Талибан. А в Иране? Что они там вытворяют? Я...», Бог, которому явно не хватает слов, нажимает на кнопку селектора. «Джинни. Ты дозвонилась до Мухаммеда?»

«Он на линии, я сейчас же переключу его на Вас. Он за рулем».

«Приветик!» раздается веселый голос Мухаммеда сквозь помехи. «Как отпуск?»

«Замечательно, просто замечательно. Спасибо за заботу. Слушай, мы тут сидим с Петром, Иоанном, э-э-э, Матвеем, Андреем и моим сыном, я включил громкую связь».

«Привет, друзья мои!»

«Привет, Мухаммед!» отвечают присутствующие хором. Все любят Мухаммеда. Симпатичный парень.

«Иисус, дорогой мой! Как чувствуешь себя после возвращения?»

«О, спасибо, все супер, старик».

«Ничего себе, все супер», вмешивается в разговор Бог. «Теперь послушай меня, Мухаммед: там, на земле внизу, пара твоих ребят, что, к дьяволу, они там вытворяют?»

«Ах, да, хорошо, я понимаю, о чем Вы...»

«Эти типы из Талибан, что это за засранцы, ответь мне, пожалуйста?»

«Ах, да. Злые люди. Очень злые люди. Я того же мнения, что и Вы. Я...ТЫ, МУДИЛА, ВЫБЕРЕШЬ, НАКОНЕЦ, В КАКОМ РЯДУ ХОЧЕШЬ ЕХАТЬ?» Все слышат, как Мухаммед нажимает на сигнал.

«Извиняюсь»

«Да, но что против этого можно предпринять?»

«Все довольно сложно. Они что-то читают, что-то себе представляют ...и вот, говно уже дымится».

«Что ты говоришь», Бог вздыхает. Он всего как полдня вернулся, а уже сыт по горло этими интерпретациями текстов. Для первого семестра литературного института все было бы в порядке. Тот, кого со своими интерпретациями хватает только на то, чтобы сидеть в баре студенческого общежития и дискутировать о символизме Джойса, тому, как хорошо говорится, Бог в помощь. Но эти типы, эти ублюдки, берут свои интерпретации и указывают другим, что они всю жизнь должны ходить в мешке или могут забивать людей камнями.

«Бог, друг мой. Мне неприятно об этом говорить, но Вы...»

«Мухаммед, ты понимаешь, что выбрал явно не лучший момент читать мне лекции о свободе воли».

«Окей, окей, что может знать Мухаммед? Я здесь только наемный работник. Я...» Из динамика раздается неприятный свист и электростатическое пощелкивание.

«Нам стоит...наверное...когда...»

«Послушайте, я...в туннеле...позвоню...позже». Тишина на линии. Бог швыряет трубку и откидывается на спинку кресла.

«Итак, господа», говорит Он, наконец. «Что же мы предпримем в связи с этой катастрофой?»

«Вероятно, вопрос отпадает сам собой, Господь», говорит Петр. «Мы тут подсчитали. При сегодняшних темпах потребления природных ресурсов, таянии полярных снегов, уничтожении озона, парниковых газах и так далее, они сделают планету непригодной для жизни, скажем так, через три, максимум через пять тысяч лет. Если посмотреть, например, вот на это...» Петр нажимает кнопку на пульте дистанционного управления, и в центре стеклянного стола вспыхивает картинка океана. Он приближает изображение, и становится видна гигантская вихреобразная структура темно-серого цвета. Петр приближает изображение еще раз, и они видят несколько течений, колоссальный блестящий черный водоворот.

«Что это, черт возьми, такое, и что оно делает в моем проклятом океане?»

«Они называют это большим тихоокеанским мусорным водоворотом», объясняет Петр. Видно, что большие участки состоят из пластмассового мусора, химикатов и нефтяного шлама. Выглядит это чудовищно. «Черная дыра из биологически не разлагающегося мусора цивилизации».

«Эта штука большая?» спрашивает Иисус.

«Сотни тысяч гектаров, отвечает Матвей. «Приблизительно в шесть раз больше Великобритании. Или в два раза больше Техаса».

Бог сует себе в рот кулак и подавляет крик.

«Еще пару дней назад этого не было», дополняет Петр. «Я имею в виду пару дней нашего времени. Они соорудили это за шестьдесят или семьдесят своих лет. Водоворот состоит частично из тихоокеанских течений северной части, но если его не контролировать, то в следующем столетии он превратится в нечто вроде континента из мусора и говна». Он берет пульт дистанционного управления, и изображение исчезает. Все безмолвно глядят на пустой стол. Бог встает и подходит к окну. Он смотрит на

бесконечные небесные родники, луга и пляжи, залитые безупречным солнцем. И снова повторяет слово, не раз уже произнесенное этим утром: «Охреть».

«Я не допускаю мысли, что мы можем пустить это на самотек», говорит Иоанн. Все переводят взгляды на него.

«Продолжай, Иоанн», говорит Бог, не отворачиваясь от окна.

«Следует преподать им наглядный урок. Почему мы должны позволить этим животным все разрушить? Насрать на них». Иоанн встает и повышает голос. «Мы напомним им, кто в доме хозяин. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Мы должны их растоптать, на месте, пока у нас в руках все рычаги. Я имею в виду акцию в стиле откровения. Я говорю о добром старом номере с огнем и серой. О потопах. Нашествии саранчи. Цунами. Армагеддоне. Ударе кометы. Явлении всадников апокалипсиса. Засунем им трубу Гавриила в жопу. Земля треснет, как дурацкая мексиканская пиньята. Наступит Судный День, а это значит: «ПРОЩАЙТЕ, МАЛЕНЬКИЕ ЗАСРАНЦЫ!»

«Уничтожить их и начать сначала?» спрашивает Матвей.

«Да, насрать на них». Дыхание Иоанна прерывисто, в уголках рта заметна пена.

«Старик, возможно, не так уж и не прав», присоединяется к нему Андрей. «Что Вы об этом думаете, Господь?»

Бог берет маленький каменный обломок и крутит его в руке. В нижней части виден окаменелый отпечаток крошечного трилобита, что-то вроде мокрицы, жившей пятьсот миллионов лет назад и одним из первых живых организмов имевшей нечто, напоминающее глаза. Бог нежно гладит пальцем отпечаток. «Драгоценное маленькое создание», шепчет Он сам себе.

«Господь?» говорит Петр

«Бог поворачивается к остальным и говорит тихим голосом: «Вы что, чучела огородные, все с ума посходили? Вы думаете, что играете в пазл на детском дне рождения? Вы хоть чуть-чуть представляете, какую работу я проделал? Мне стоило нескольких миллиардов лет, чтобы дойти до сегодняшней отметки». Он показывает им трилобита. «По сравнению с этим вы, ребята, находитесь на небе пятнадцать минут. Я был один-одинешенек в архейской и протерозойской эрах. Попробуйте-ка поболтать с *зукариотом*. А потом – палеозой, вот было удовольствие! Триста миллионов лет и ничего, кроме жуков и ящериц. О да, веселье было то еще. И даже когда появился человек...», Бог теперь медленно ходит по залу для совещаний, скрестив руки за спиной, и каждый раз, обращаясь к кому-либо, он слегка повышает голос. «Вы думаете, было очень приятно? Может хоть кто-нибудь из вас только представить, каким невыносимо скучным был бронзовый век?» спрашивает Он, останавливаясь позади Иоанна и наклоняясь к нему. «Все, что мы имели тогда для развлечений, была ГРЕБАНАЯ БРОНЗА!»

Все виновато смотрят в пол.

«Потом, наконец, греки: литература, драма, гомики. Все, что сердце пожелает. Римляне...»

«Эй, эй, потише на поворотах, они у нас говно из туловища выраспяли!» кричит Иисус и показывает на участников совещания.

«Да-а... тебе еще повезло, говорит Андрей, «попробуй-ка быть распятым на кресте формы «Х». Вот когда в тебе начинают бурлить все соки!»

«Пошли вы на хер, слабаки», вступает Петр, «меня они распяли вверх ногами».

Разгорается спор, чье распятие было самым мучительным.

«Не стройте из себя героев. Распятие – это же пустяк», цитирует Бог «Житие Брайана» по Монти Пайтону. Иисус и святые раздражаются смехом. При изучении документов Бог пришел к выводу, что даже 20 век имел свои позитивные аспекты. Комеди и рок-н-ролл. Было кое-что помимо геноцида и голода. Все-таки в промежутках между ними у людей было достаточно времени, чтобы изобрести электрогитару.

Андрей показывает пальцем на Бога: «Да, он был классный!»

«Этот попугай умер!» картавит Матвей.

«Это моя поляна», встречает Иоанн, и все смеются с облегчением, довольные, что отвлеклись от темы.

«Пап, ты должен познакомиться с Грэмом Чепменом», говорит Иисус.

«Ну ладно, хватит. Заткнитесь», говорит Бог, «вы ведете себя, как сборище четвероклассников. На чем я остановился? Ах, да, римляне. Признаю, на некоторые вещи у нас были различные взгляды. И да, в конце они немного припухли, но в строительстве дорог им долго не было равных. Это так, или я прав?»

Все кивают.

«Безусловно, в средние века мы немного выпустили ситуацию из-под контроля, но потом – бум! – ренессанс». Бог вздыхает. «Искусство било через край, открывались континенты, на одном дыхании. Конечно, можно было предвидеть, что за этими дурацкими католиками стоит приглядывать повнимательнее, но, в общем и целом, все выглядело довольно многообещающе. И что *потом*? Я исчезаю, чтобы пару дней половить форелей в речке, и земля буквально скатывается в пропасть».

Бог падает в свое кресло во главе стола. «Что меня действительно интересует...», говорит Он, «...как этому сукину сыну удалось нас так обойти?»

«Да, у парня с головой все в порядке», соглашается Андрей.

«Дерьмо», говорит Бог и нажимает кнопку селектора. «Он невыносим».

«Да, Господь», отвечает Джинни.

«Джинни, можешь устроить мне встречу с ...*ним*?»

«Я уже думала о том, что встреча будет необходима, Господь. Поэтому я осмелилась поинтересоваться, будет ли у него сегодня вечером время для ужина».

«Ужин?» Бог поперхнулся. «Ну, хорошо, ужин так ужин».

«Вам было бы удобнее, чтобы он сюда поднялся?»

«Нет, нет. Лучше внизу. Я хочу там немного осмотреться».

«Очень хорошо. В восемь?»

«В порядке». Бог заканчивает разговор и смотрит сверху вниз на Иисуса. «А ты, комик, пойдешь со мной. Вымытый и отутюженный».

«Ох, пап, я же хотел...»

«Бог смотрит на него».

Иисус молчит.

Глава 6

Во время спуска Бога и Иисуса в прозрачном лифте в ад их сопровождает мелодия Р. Келли «I Believe I Can Fly» в аранжировке для свирели. Бог одет в двубортный элегантный, сшитый по мерке костюм, светло серый в тонкую полоску цвета мела. На нем свежее отутюженная голубая рубашка с подобранным к ней по цвету полосатым шелковым галстуком, завязанным в безукоризненный виндзорский узел. Бог постарался.

Иисус возится с воротником рубашки в безуспешной попытке ослабить свой галстук. Его костюм черного цвета, узкие брюки, узкие лацканы. Белую рубашку он носит, не заправляя в брюки, узкий черный галстук висит криво, светлые волосы падают на плечи. Новая волна.

«Ах, ты, Боже мой, иди сюда...», говорит Бог и принимается повязывать Своему сыну галстук. «Тридцать три года, и до сих пор не умеет завязывать паршивый галстук, хотя это, наверное, моя вина».

«Я ненавижу галстуки».

«Понятно. Ты же у нас богема», вздыхает Бог.

Пока Бог путается в галстуке, Иисус смотрит вверх на светящиеся цифры. Один за другим проносятся мимо круги ада: - 2, - 3, - 4. Данте был ближе к истине, чем многие полагают. Что касается алчности, он угадал на все 100 процентов. Здесь, в четвертом круге, толпятся в адских муках, пытаюсь протиснуться к беззвучно и мягко скользящей сквозь пламя стеклянной кабине лифта те, для кого деньги были единственным смыслом жизни: банковские инвесторы, рискованные спекулянты, торговцы валютой, банкиры, менеджеры хедж-фондов, маклеры недвижимости, ростовщики, кредитные акулы и владельцы работающих 24 часа в сутки магазинов.

Проезжая пятый и шестой круги, они отмечают повышение температуры. Музыка играет чуть громче: насильники, убийцы, распускающие руки мужья и педофилы, окруженные и избиваемые бичами огненных демонов, вонзающих свои зубы в дымящееся мясо. В отличие от предположений Данте и многих традиционных религий в

седьмом круге не было самоубийц. Бог с сочувствием относился к тем, кто просто не выдерживал свалившихся на них несчастий. Он хорошо понимал их. Блин, сам чуть не наложил на себя руки, когда этот метеорит уничтожил динозавров. Несколько миллиардов лет работы – псу под хвост. Снова за проклятые чертежи. Не было там и богохульников с еретиками. Как мы знаем, Богу глубоко наплевать, верят в Него или нет. И содомитов там тоже не было: вы помните, Бог любит гомиков.

Иисус прижимается лбом к теплему стеклу и смотрит в бескрайнюю пламенеющую бездну, на мириады горящих душ.

«Пап?»

«Мммм?»

«Мне жаль, что все получилось так по-дурацки».

Бог смотрит на Своего сына: тридцатитрехлетний тинэйджер, силой втиснутый в костюм с галстуком. Тридцать три года. Раньше все лезли из кожи вон, чтобы в этом возрасте быть взрослыми. *Сейчас уже нет*, думает Бог. *Дети просто больше не взрослеют. Никогда. Мальчишка должен еще так многому научиться, сознанию ответственности, тяжелой работе, способности доводить дело до конца. Но вообще-то он славный парень. Это и спасло ему задницу там внизу.* Он вздыхает и похлопывает Иисуса ободряюще по плечу. «Ты хороший мальчик», говорит Он.

Дудки в лифте заиграли новую мелодию. Пока лифт скользит в девятом круге, свирели переходят на «Down Under» из Men At Work: в аду пламенеет огромный костер, сооруженный из душ политиков-коррупционеров и председателей правлений. Демоны здесь внизу работают сверхурочно. Кажется, несмотря на толстое стекло кабины лифта, слышны крики, когда они пригоршнями запихивают горящие банкноты в отверстия человеческих тел, отрубая пенисы, вырывают глаза, секут крапивой и колют отвертками. На секунду они видят Кенни Лэя, генерального директора компании «Энрон». Он едва виден под навалившимися на него демонами, которые обрабатывают его достоинство садовым секатором и присоединяют туда толстый кабель. Один демон присел над красным, потным орущим лицом Лэя, намереваясь испражниться ему в рот.

Внезапно, когда девятый круг исчезает над ними в темноте, становится тихо. Бог застегивает манжеты и поправляет галстук. «Ну, хорошо, запомни: следи за своим поведением!»

Раздается прозрачный звонок «плинг», и загорается цифра 10.

И здесь Данте ошибся.

Двери лифта открываются: Бог с Иисусом проходят под неоновой рекламой BIG ROCK MOVIE DINNER в лобби десятого круга ада. Витрины с музыкальными инструментами и кино-реквизитами украшают стены. Еще там висят золотые и платиновые диски Genesis, Дебби Гибсон и Jonas Brothers, клюшка для гольфа из фильма «Дядюшка Бак» и униформа из «Полицейской академии 7 – миссия в Москве». Над стойкой ресепшен с гордостью выставлены трузера ЭмСи Хаммера.

«Здравствуйте», приветствует их молодая девушка за стойкой в шикарном обтягивающем черном комбинезоне. Она очень красивая, высокая, с ногами до небес. «Позвольте, я проведу Вас к Вашему столику».

Бог и Иисус следуют за ней, проходя через прилично заполненный ресторан, в котором на предельной громкости играет «Hip To Be Square» Хью Льюиса в аранжировке для свирелей. «Ну, вот мы и пришли», щебечет она, показывая на один из лучших столиков с удобным полукруглым диваном у противоположной стены с видом на ресторан. «Он может появиться в любой момент, господа. Могу я предложить Вам что-нибудь выпить?» спрашивает она и протягивает меню.

«Э-э-э, можно мне «Майклуб»? спрашивает Иисус.

«У нас есть «Карлинг» и «Будвайзер».

«Блин. А «Хайнекен»?

Она виновато улыбается.

«Дайте нам минутку, мы выберем вино», говорит Бог.

«Как угодно. Официант принесет Вам винную карту». Чуть обозначив поклон, она удаляется, стуча высокими каблуками.

«Карлинг» или «Бад»? повторяет Иисус, морща лоб.

«Мы в аду, недотепа», говорит Бог, не отрываясь от меню. «Так или иначе, мы будем здесь ужинать. Будешь пить вино. И не веди себя так, как будто тебе шестнадцать».

В другом конце зала возникает беспокойное оживление, и они вытягивают шеи, чтобы увидеть, что там происходит. За большим столом сидит шумная компания раввинов и пытается сделать сложный заказ официанту, маленькому мужчине с усиками «зубная щетка», косым пробором и вспотевшей челкой, прилипшей ко лбу. «Да, да», говорит он и поднимает руку, пытаясь успокоить недовольных раввинов, «итак, три рыбных филе, сэндвич с бастурмой, два антрекота из говядины, подкопченный лосось и два супа с клецками из мацы, правильно?»

«Нет, два сэндвича с бастурмой и антрекот из говядины», говорит один из раввинов.

«А на гарнир луковые колечки».

«Знаете, я тоже возьму суп».

«Тогда получается... три супа с клецками из мацы?» спрашивает официант, черкая что-то в своем блокноте.

«Нет, суп *вместо* рыбы».

«Ага. Значит только одно рыбное филе?»

«Нет, два, слабоумный!»

«И одну селедку».

Кто-то кидает в него булочкой, которая отскакивает от затылка Гитлера с тупым стуком, когда тот движется в сторону кухни, зачеркивая при этом что-то в своем блокноте.

«Hip To Be Square» заканчивается и начинается снова.

Бог улыбается и говорит: «Одного у жирного ублюдка не отнять. Чувство юмора у него есть».

«Помяни черта», говорит Иисус и кивает в сторону зала.

Бог оглядывается и видит приближающегося к ним Сатану. У него улыбка до ушей. Сатана – маленький, толстый мужчина с заметной лысиной, килограммов за сто весом и под метр шестьдесят ростом. Жидкие черные волосы собраны в конский хвост. Под черным костюмом он носит яркую гавайскую рубашку, а между зубов держит незажженную сигару. Он вынимает ее изо рта, подходя к столу. Бог и Иисус поднимаются и приветствуют его.

«Привет, БОЛЬШОЙ!» кричит Сатана и сжимает руку Бога своей правой рукой, обнимая его левой за плечи. «Хорошо выглядишь! Посмотри на эти бицепсы! В качалку ходишь?»

«Люцифер», говорит Бог, «давно не виделась».

«Кому ты это говоришь! А ты еще и сына с собой привел! Эй, парень, как дела?»

«Спасибо, хорошо», говорит Иисус и жмет руку.

«Ты уже давно вернулся, и не можешь зайти поздороваться?»

«Ну, ты знаешь...»

«Малыш, я просто шучу. Садитесь, садитесь».

Они снова занимают свои места, а Сатана присаживается рядом с ними. «Чуваки, у вас нечего выпить. Сервис здесь, и правда, оставляет желать лучшего. Сейчас все сделаем. РОННИ!» кричит он официанту.

К столу подходит, одетый в ливрею официанта, Рональд Рейган. «Э-э-э, Ронни, принеси нам бутылку шампанского, самого лучшего, ясно?»

«Так точно, мастер». Рейган кланяется и исчезает.

«Извините меня за опоздание», говорит Сатана, откидывается на спинку дивана и прикуривает сигару. Здесь сейчас просто...»

«Ад?» спрашивает Бог.

«Точно! Здесь внизу просто ад».

«Я не удивляюсь. В обоих смыслах».

«Ты в курсе последних событий, так ведь?» спрашивает Сатана.

Бог кивает.

«Ну, что сказать?» Сатана разводит руки в стороны и кивает в сторону заполненного сейчас под завязку ресторана. «Бизнес процветает».

Возвращается Рейган. «Что-нибудь закажете выпить?»

Сатана вздыхает: «Ронни, мы как раз только что сделали тебе заказ».

«Я. Э-э-э...», Рейган выглядит растерянным.

«Одну...Бутылку...Шампанского...», повторяет заказ Сатана, выговаривая каждое слово предельно ясно и медленно.

«Э-э-э...я... э-э-э...мммм...», заикается Рейган. Его лицо бледнеет, челюсти сжаты. Он напряжен.

«Тебе нехорошо, Ронни?», спрашивает Сатана.

«Оооо-ааа...!» стонет Рейган. Внезапно ужасный запах ударяет им в нос. Рейган хватается себя за поясницу, а потом опускает руку в штаны. Когда он снова ее вынимает, она измазана калом. Рейган с удивлением смотрит на свою руку.

«Мама», гнусавит он.

«Фу, блин», говорит Иисус.

«Дерьмо», чертыхается Сатана. «Ладно, Ронни, иди... ступай. Иди!»

Медленными шажками, осторожно ступая, Рейган удаляется, не отрывая взгляда от испачканной руки.

«Извините», хихикает Сатана, «старый добрый Ронни, он немного...ну, вы понимаете». Сатана вертит пальцем у виска. «Ироническое наказание. Что поделаешь?»

«Сорри», говорит Бог, «я здесь вообще не вижу иронии, ни малейшей».

«А-а, наплевать, знаете, что я вам сегодня могу порекомендовать?» спрашивает Сатана, искусно игнорируя замечание Бога. «Стейк, вы должны попробовать стейк».

«Я возьму овощной салат», говорит Бог.

«Да, я тоже возьму салат», кивает Иисус.

«Да ладно, ребята. Позвольте себе что-нибудь вкусное».

«Странное дело, но я не особенно голоден», отвечает Бог.

Глава 7

Бог и Иисус ковыряют вилками в салате. Сатана ест за троих и уплетает две порции ребрышек и стейк толщиной с предплечье с картошкой «фри», салатом и муссом из бобов. Спустя некоторое время Бог решает закончить обмен любезностями и перейти к делу. Он оглядывает заполненный до отказа ресторан и говорит, повышая голос, чтобы перекричать как раз в тысячный раз зазвучавшую по-новой мелодию «Hip To Be Squage»: «Ну что ж, нужно смотреть правде в глаза. Твои успехи налицо».

Сатана благосклонно улыбается. «Ну да, в последнее время дела у меня идут неплохо».

«Но там внизу, я имею в виду там наверху, на Земле, это...это же какое-то сумасшествие. Как тебе...»

«Н-да», Сатана откидывается назад, продолжая жевать, «извини, что говорю тебе это, но старая добрая свободная воля, она, как оказалось, себе на уме».

«Но ей нет альтернативы», говорит Бог.

«Хочешь верь, хочешь нет: я думаю, что мне никто не оказывал большей помощи, чем эти христианские твердолобы».

«Как это?»

«Концепция греха. Есть люди, которые готовы за пару купюр всем и каждому порвать жопу на британский флаг, но полагают, что получают билет на небо, если только каждое воскресенье будут ходить в церковь и уверять, что верят в тебя. Одновременно они убеждены, что каждый, кто выкурит косячок или позволит себе понюхать кокс, автоматически попадет сюда к нам! Потом там есть еще эти уроды, выступающие против абортов...»

«Я предполагаю, у тебя здесь гостят некоторые из них?» осведомляется Бог.

«Еще бы», говорит Сатана. «У нас здесь Джеймс Копп и Эрик Рудольф. Я их приковал в подвале, где они круглые сутки делают аборты. Как бы то ни было, там наверху есть довольно много людей такого типа. Люди, которые рассказывают нищим необразованным подросткам о том, что те обязательно должны рожать. Люди, которые на полном серьезе верят, что в итоге *они* попадут к вам на небо, а не матери-одиночки, которые – о, чудо! – не могут воспитать своих детей. Эти люди думают, что если они просто-напросто верят в тебя, то могут делать все, что угодно и поощрять безобразия».

«Но вся эта...ненависть», говорит Бог. «Эти люди, ненавидящие гомосексуалистов, ненавидящие черных, ненавидящие все и вся. Как, почему, может быть, кто-то...»

Пока Бог и Сатана беседуют, Иисус деловито осматривает своими лучистыми голубыми глазами заведение и постепенно получает представление о его невообразимых размерах с бесчисленными отдельными кабинетами и морем столов, простирающимся до тлеющего горизонта. *Ни хрена себе*, думает он. *Мы действительно загубили хорошее дело.*

Подходит помощник официанта, чтобы забрать тарелки. На его бейдже написано *Джесси*. «Погоди-ка», прерывает Сатана Бога и кладет руку на предплечье обслуги. «Давай спросим старого доброго Джесси. Джесси, почему ты ненавидишь пидаров, ниггеров, эмансипе, лесбиянок и других?»

«Так написано в Библии», говорит тихо Джесси Хелмс, не поднимая глаз, собирая тарелки и приборы. Сатана смеется. «Но Джесси, посмотри сюда: у меня в гостях Бог. И он говорит, что это неправильно».

«Для таких жалких людей, как Хелмс, тяжело, если не невозможно, смотреть Богу в глаза. Его взгляд блуждает по столу и вниз к ботинкам. «Почему ты просто не был добр к людям?» спрашивает дружелюбно Бог.

«Так написано в Библии», повторяет Хелмс, в этот раз менее убежденно.

«То есть, ты не понял», Бог говорит медленно и мягко, как с маленьким ребенком или слабоумным, «что неизбежно попадешь сюда вниз, если будешь говорить вещи, которые ты говорил?»

«Так написано в...я...», Хелмс поднимает взгляд и смотрит Богу в глаза. Смотреть в лицо Бога и врать невозможно. Внезапно Хелмса охватывает паника. «Я...Я ЛЮБЛЮ БОЛЬШИЕ ЧЛЕНЫ!» изверглось из него с таким напором, что Бог и Иисус испуганно отшатнулись. «ЧЛЕНЫ! ОГРОМНЫЕ ЧЕРНЫЕ ЧУДОВИЩНЫЕ ЧЛЕНЫ! О БОЖЕ, ДАЙ МНЕ ИХ! МНЕ ЭТО НУЖНО, Я...ХОЧУ СОСАТЬ НЕГРИТЯНСКИЕ ЧЛЕНЫ!!!!»

«Извините, ребята», Сатана берет свой нож для стейка. Он перерезает Хелмсу глотку, и бывший сенатор Северной Каролины падает, испуская фонтаны крови. «Дайте мне покончить с этим».

«Итак», говорит Иисус, оправившись от секундного потрясения, «если он на самом деле хотел иметь всего лишь секс с множеством чернокожих мужиков, почему он просто не занялся этим?»

«Так написано в Библии», отвечает Бог, постепенно понимая суть вопроса.

Они отказываются от десерта. «Пошли, ребята». Сатана поднимается. «Я провожу вас до лифта, а мне еще кое-что надо сделать по пути». Они уходят и видят Хелмса, сидящего на полу и трущего шею. Он выглядит потерянным. Рана на шее исчезла, но его горло будет перерезано бесчисленное количество раз, ведь это будет повторяться целую вечность. Бог и Иисус обходят Хелмса, а Сатана без замаха бьет его кулаком в лицо и дает ему дружеского пендала, так что тот летит кубарем вниз по лестнице в направлении кухни. Лапидарный комментарий таков: «Этот путь короче».

Не успели они дойти до дверей кухни ресторана десятого круга ада, как перед ними разыгрывается страшная сцена. Воздух наполнен криками и визгом, пол залит кровью. На столе посередине кухни – столе, который предназначен, видимо, для приготовления пищи – лежит Гитлер, а Рейган лупит его по голове оторванной рукой. Ярко белый обломок кости с громким чавканьем и треском бьет Гитлера в лицо. Оба орут друг на друга на ломаной смеси из немецкого и английского – похоже, спорят о чаевых.

«Господи...», хором стонут Бог и Иисус.

Джерри Фэйрвелл лежит, как мокрый мешок в углу, а из зияющей дыры в плече бьет фонтаном кровь на его фартук мойщика посуды. Телевизионный проповедник пронзительно кричит, замечая посетителей. «Боже, Иисус!» визжит он, «я не должен быть здесь! Помогите мне!» Он ползет по залитому кровью полу к ним. С открытыми от отвращения ртами и поднятыми для защиты руками, Бог и Иисус уворачиваются от него.

«Соберись, Джерри», требует Сатана совершенно равнодушно, как будто сцены, подобные этой на дьявольской кухне являются явлением обычным – а так оно и есть – «тарелки сами собой не моются».

«Но у меня только одна проклятая рука», воеет Фэйрвелл.

«Ну, так импровизируй, Джерри», предлагает Сатана, открывая следующую дверь и придерживая ее, чтобы пропустить вперед Бога и Иисуса.

«Развлечения нон стоп, да?» ворчит Бог.

«Твои слова», отвечает Сатана. Дверь закрывается, и крики с проклятиями становятся еле слышными.

На площадке с лестницей, ведущей вниз, прохладнее и тише. Этажом ниже, в одиннадцатом круге ада, перед ними открывается пустынный каменный коридор. Крошечные камеры теснятся по одной стороне. Голые лампочки свисают, качаясь, с потолка и погружают коридор в мерцающий тусклый свет. В другую стену вмонтировано панорамное окно с видом на бесконечное пылающее ущелье, на дне которого стоят велотренажеры – кажется, их миллионы. На тренажерах сидят люди, каждым нажатием на педаль вгоняющие себе в задний проход трехметровый чугунный, обвитый колючей проволокой фаллос. Из-за сантиметрового стекла, кажется, что они кричат беззвучно. «Лжепророки, религиозные ханжи», объясняет сатана.

«Тебе не надоел этот анальный номер?» спрашивает Бог.

«Зачем менять то, что хорошо себя зарекомендовало?» отвечает Сатана, пожимая плечами.

Бог и Сатана идут впереди, а Иисус отстает, изучая медные таблички с именами на дверях длинного ряда камер: Менгеле Й., Пот П., Джексон М.

«Хочешь откровенно?» спрашивает Сатана и продолжает, не дожидаясь ответа Бога. «Я считаю, может быть, тебе стоит серьезно подумать, спустить все это говно в унитаз, да и начать с чистого листа?»

«Я слышу это сегодня не в первый раз».

«Иоанн?»

Бог кивает. Они проходят мимо демона в рабочей спецовке, который стоит на стремянке у открытой двери одной из камер. Он занят тем, что гравировал имя на медной табличке – ЛИМБА..., а внутри камеры две девушки-демона готовят кровать для новенького, аккуратно посыпая нары осколками стекла и лезвиями бритвы. Старательно, старательно.

«Я тебе вот еще что скажу. Лучше, чем сейчас дела для меня там наверху еще никогда не шли. Все эти реалити шоу на телевидении? Это приводит к тому, что у многих детей появляется только одна цель», тут Сатана переходит на тинэйджерский жаргон, «а именно, стать *крутой* знаменитостью. Вот как это выглядит. Целая планета надутых эгоцентристов, бегающих и орущих «Посмотрите, я какой!». Никто не хочет ничему учиться. Никого, кто по своей воле хотел бы приносить пользу хорошей работой».

«Да, ладно тебе», возражает Бог, «кое в чем они весьма преуспели. Поэзия, фильмы, рок-н-ролл. Конечно, не то дерьмо, которое здесь у тебя играет».

«Конечно, нет». Сатана имеет в виду, очевидно, звучащую в легкой обработке для свирелей версию «The laughing Gnome» Дэвида Боуи. «Ты шутишь, что ли?»

«Но ведь есть по-настоящему хорошая музыка».

«Это история, дружище. Все в прошлом. Никого уже не интересует качество. Сегодня девиз один: «Гоните бабло, я хочу видеть свое фото на обложке, и «фак ю вери мач!». Пришел мой черед. Или ты серьезно думаешь, что сможешь еще вставить ногу в закрывающуюся для тебя дверь там наверху?»

Бог оглядывается и видит, как Его сын плетется по коридору. Иисус, развлекаясь, допрыгивает до одной из свисающих с потолка лампочек. Она раскачивается туда-сюда и бросает причудливые тени на стены. Он отрешенно напевает «Rockaway Beach» Ramones - простая мелодия разносится по коридору. Бог улыбается, глядя на сына. Глаза Сатаны блуждают от Бога к Иисусу. Потом снова к Богу. «О-о... подожди-ка. Ты же несерьезно? Да ни в жизнь...»

«Люцифер», говорит Бог и выпрямляется в полный рост, «спасибо, что уделил нам время».

Они чинно пожимают друг другу руки. «Только не это», бормочет Сатана, и меняет тембр голоса, увидев подходящего к ним снова Иисуса. «Всегда к вашим услугам».

«О чем вы?» спрашивает Иисус.

Они останавливаются у двери камеры, над которой висит табличка с именем Гордон Дж. В. В конце коридора с грохотом открывается дверь грузового лифта, и Сатана бросает взгляд на свои часы. «С точностью до минуты. У нас здесь внизу строгий регламент». Все трое смотрят, как лифт покидает по всем признакам целая баскетбольная команда и, громко переговариваясь, движется им навстречу.

Четырнадцать огромных чернокожих парней. Огромных чернокожих парней? Нет. Нереально огромных черных парней. Самый маленький и щуплый из них ростом под два метра и весом за сто кило. Они обступают Сатану, который едва достает им до пояса. «Все понятно, мальчики. Кто из вас чудовище? Кто из вас Кинг Донг?»

Один из самых здоровых со зверским выражением лица хватается за ширинку и рычит: «У меня здесь тридцать три живых сантиметра в руке, мистер!»

«Ах, малыш», ликует Сатана, «господствующее число. Я люблю господствующие числа. Сам ношу такой номерок. Отлично, ты первый». Он открывает дверь камеры и проводит их внутрь. Один из них открывает упаковку презервативов. «Это что еще за дерьмо? Кондомы? Ты что, меня за мудака держишь? Нет, будешь скакать на нем без седла, сынок». Еле различим в сумраке камеры на цепях висит белый. «Извините, ребята, у меня тут дела. Хорошего возвращения наверх».

«Нет, нет! Опять! Не надо! Нееееет!» умоляет белая личность в камере.

«Спасибо за ужин», говорит Иисус.

«Не за что, мальчик. Сделай мне одолжение и...», он быстро смотрит на Бога, «береги себя, ладно?»

Леденящий душу крик страдания вырывается из камеры. Он затихает, когда Сатана закрывает за собой дверь.

«Папа?» спрашивает Иисус, некоторое время спустя, когда Бог нажимает в лифте на кнопку пентхауса.

«Мммм?»

«Кто такой Дж. В. Гордон?»

«Джордж Вашингтон Гордон. Один из основателей Ку-Клукс-Клана».

«А-аа».

Под легкую мелодию «My Heart Will Go On» Селин Дион они скользят в лифте в направлении неба.

Глава 8

Поздний вечер.

Бог сидит один у себя в кабинете. Одинокая библиотечная лампа с изумрудно-зеленым стеклянным абажуром погружает Его письменный стол в таинственный свет, а громоздящиеся вокруг ящики с ужасающими, безжалостно детализованными материалами по 20 столетию отбрасывают длинные темные тени.

У Него тяжело на сердце, так тяжело. Тяжелее свинца. Он чувствует себя, как будто бы состоит из плутония, который со своей атомной массой 244 в двадцать раз плотнее воды. Да что там, его сердце так тяжело, будто сделано из франция, самого тяжелого из всех щелочных металлов. Этот минерал такой плотный, что встречается в земной коре в количестве, никогда не превышающем тридцати граммов. Об этом позаботился Бог.

И речь идет не только о сердце, на котором у него такая тяжесть. Все в нем тяжелое. Его ноги. Руки. Внутренние органы. Такое чувство, что все в нем выковано из франция. Он с трудом может поднести к губам стакан с виски.

Бог опускает свой подбородок из франция на ладони из франция. И переводит Свой взгляд сквозь слезы, вызванные парами виски, на стопку папок высотой в полтора метра, последняя из которых озаглавлена «КОНФЛИКТ В БОСНИИ-ГЕРЦЕГОВИНЕ». Он чувствует, как ему становится не по себе, потому что Его кровь вскипает от гнева. Он ощущает, как холодная, грубая жажда мести вторгается в его рассудок: несколько клоунов, пара придурков с ампутированными мозгами решили верить в какое-то гадкое дерьмо, и в итоге получается вот так.

Спустить все это говно в унитаз и начать с чистого листа?

Это было бы так просто. Ты должен повысить температуру солнца на несколько градусов, сместить немного земную орбиту, и там внизу очень скоро все было бы кончено. Ты можешь швырнуть в них еще один метеорит. Такой, размером с Бельгию мог бы выполнить задачу. Бабах! Поздоровайтесь с моим маленьким дружком. Или вирус. У него здесь в лаборатории были пробы, с которыми даже Он не хотел бы соприкоснуться: штука, по сравнению с которой СПИД показался бы насморком, а эбола выглядела бы такой же заразной, как вторая сторона сорокопятаки инди-рока. Пару граммов в систему

водоснабжения, и Западная Европа через месяц выглядела бы, как третья серия говенного фильма про зомби.

А потом, потом... Он поворачивается и смотрит на новые стеллажи, установленные вдоль стены позади Него, выгнутые под тяжестью книг, пластинок, CD и DVD. Он оглядывает их слева направо, от Даниэля Дефо до Ирвина Уэлша, от исцарапанной шеллаковой пластинки «Голубой Дунай» до Chemical Brothers, от «Броненосца Потемкина» до коллекционного издания «Прослушки». Какое достижение, от первого шага до сегодняшнего дня, за такой короткий промежуток времени.

Каким образом все вот так могло выйти из-под контроля? Наверное, это началось с Моисея. Этого афериста. Первого, кого обуяло собственное эго. Вскрабавшись на Синай и увидев там наверху нетронутую плиту, с идеально выбитыми в камне Божественным филигранном почерком словами БУДЬТЕ ХОРОШИМИ, он тронулся. Благодаря предварительной работе Бога, он должен был бы спуститься с горы и провозгласить: «Эй, люди, будьте хорошими! Приятной жизни!». Ну, и все. Черта с два он это сделал. Сукин сын вооружился молотком и зубилом и усердно поработал. Сорок дней и ночей он выбивал в камне эту клиническую хрень. Всю эту херню, вроде «Не желай жопы дяди твоего и не желай ее изображения». Все выросло на дерьме Моисея. А что пришло потом? Интерпретации! Вся эта индустрия «Я верую, что знаю, что Господь имеет в виду». И вот: тысячу лет спустя какой-то жирный сумасшедший перерезает бесчисленным младенцам горло и бросает их трупы в грязь, полагая, что Господь на его стороне.

Блин, Моисей получил звездюлей, когда прибыл сюда наверх. Бог начал отвешивать ему затрещины, едва мудила появился у Небесных Врат, и прекратил раздавать их только в самое мрачное средневековье. После этого щеки Моисея выглядели, как вареная свекла.

Что, к дьяволу, можно интерпретировать в словах БУДЬТЕ ХОРОШИМИ? Этот вопрос он все время орал Моисею в лицо в течение столетнего наказания.

Как бы то ни было, это было давно, думает Бог и вздыхает, когда ему становится ясно, в каком направлении работает его мысль. Кто-то снова должен донести до них там внизу значение слов БУДЬТЕ ХОРОШИМИ. Он ослабляет галстук и подливает себе скотча в стакан. Потом берет дымящуюся сигару из пепельницы, откидывается на спинку кресла и кладет ноги, обутые в ручной работы туфли «VASS», на стол. Он включает пультом стереосистему, CD-сборник, который записал Его сын. «Прожег», как он это назвал. Зачарованный повторяющимися переборами акустической гитары и голосом певца, манерой, как оба звука – хриплый голос и деревянный инструмент – переходят один в другой, соединяются, расходятся, возвышаются и стихают, благоговейно слушает Бог «Tecumseh Valley» Ван Зандта.

Бог очарован.

Ему, который в первую очередь считает себя творцом, более всего приятно, когда Его создания посвящают себя божественнейшему из трудов: сотворить из ничего что-то живое. Эта песня состоит лишь из пары аккордов и немногих слов, но нечто столь простое может доставлять вечную радость. Его взгляд падает на ноутбук, на светящийся экран которого он вывел список цитат так называемых видных религиозных деятелей: в принципе, компендиум из злобных оскорбительных речей, полных ненависти тирад и панических настроений, причем последнее возмущает Его намного больше всего остального, хотя Он сам не совсем понимает, почему. И все же: этот гнусный мусор принимается людьми. Миллионы людей верят, что гомосексуалистам не дано увидеть Лик Господа. Или тем, кто меняет сексуальных партнеров. Наркоманам. Игрокам. Некрещеным. Богохульникам. Неверующим.

Эти типы вообще не умеют смеяться? На небе все постоянно хихикают и ржут, никакой другой шум не услышишь здесь чаще. Там, в главном офисе, где всегда вечер пятницы, постоянно рассказывают самые новые анекдоты. Первое, что вручалось здесь добрым, но изломанным душам было чувство юмора. Это фантастическое мгновение, когда у них будто бы шоры падали с глаз, и мир вокруг внезапно представал, как отснятый на пленке «Техниколор». Когда для тех, кто по любому поводу лишь морщил лоб и говорил «я не понимаю», будто бы всходило солнце.

Его мысли вновь обращаются к музыке: Джон Колтрейн играет «A Love Supreme». Гитарный рифф - проще не придумаешь, в принципе только три ноты, но необычайно красиво. Стереосистема, благородные туфли VASS, ароматная кубинская сигара, пахучее солодовое виски, ноутбук... - все эти классные вещи, которых до его отпуска еще не было. О, да, старательные маленькие существа.

Тихий стук. «Войдите», говорит Бог, и голова Петра появляется в двери.

«Небольшая сверхурочная ночная смена, а?»

«Да-да. Заходи. Налей себе чего-нибудь».

Тот наливает себе на приличный глоток, они чокаются, звон стаканов сливается с музыкой, и Петр падает на большой мягкий мешок для сидения у ног своего босса. Бог закрыл глаза и кивает в такт риффу Колтрейна. Петр умеет толковать настроение Бога, как никто другой и понимает, что сейчас не лучший момент для разговора на тему «Так что же нам теперь делать?» Он тоже полностью предается гипнотическому притяжению песни, закрывает глаза и тоже кивает в такт, наслаждаясь любовью Бога к музыке почти в той же степени, насколько наслаждается музыкой он сам. Прошло уже немало времени с тех пор, когда они в последний раз проводили так ночное время вдвоем в кабинете Бога, посвящая себя за хорошей бутылкой земным проблемам и заботам.

«Здорово, правда?» спрашивает Бог.

«Мммм», говорит Петр. И держит паузу точно такой длины, какая нужна, чтобы добавить слова «стоит того, чтобы спасти». Без вопросительного знака. Он открывает глаза и смотрит на босса.

Бог медленно встает со Своего кресла и осторожно крутит в руке стакан с янтарной жидкостью. Затем он одним глотком выпивает содержимое, ставит стакан на стол и берет в руки рамку с фотографией Иисуса. Снимок был сделан в его десятый день рождения. Иисус шаловливо смеется над чем-то, что происходит за пределами фотографии, его глаза – как щелочки в море крошечных морщинок от смеха. Лицо выражает такую детскую радость, что черты мужчины, каким он должен однажды стать, почти не заметны. Бог нежно гладит рукой фотографию Своего сына.

«Да, так и есть», говорит Бог тихо.

«О нет», говорит Петр, замечая, что Бог старается сдержать слезы. «Вы же не станете...»

«Это единственная возможность», отвечает Бог мягким голосом.

«Но...там внизу, это же - звери. Они порвут мальчика в клочья. Уже в прошлый раз все было достаточно плохо. Но сегодня? По сравнению с ними римляне будут выглядеть, как работники хосписа.

«Ты думаешь, мне это неизвестно?»

Петр умолкает. Оба смотрят на детскую фотографию Иисуса. Если Бог принял решение, невозможно ничего не изменить. Мысли Петра уже заняты вопросами практической реализации.

«Ему нужно будет новое имя».

«А что плохого в имени Иисус?» хочет знать Бог.

«Не в обиду будь сказано, босс», говорит Петр и наполняет стаканы, «но каждый встречный будет принимать его за свихнувшегося эпигона».

«Имя Иисус вполне нормальное», возражает Бог. Бог во всех отношениях «олдскул».

Глава 9

Следующим утром. Они стоят на зеленом лугу у распахнутых дверей за письменным столом Бога. Там, где резвятся души младенцев и маленьких детей.

«Ты меня разыгрываешь?» спрашивает Иисус и неуверенно смотрит то на своего отца, то на Петра. «Он меня разыгрывает, правда? Я...папа, что ты думаешь, я там внизу должен делать?»

«Веди их. Вдохновляй их. Помогай им».

«Да...но как?»

«Однажды ты уже делал это».

«Но тогда было намного проще. А теперь у них в головах столько дерьма. Например, чудеса! Они думают, что я творил чудеса! Что мне с этим делать, скажите на милость?»

Бог кладет руку на плечо Своего сына и смотрит ему в глаза. «Ты - Сын Божий. Говори правду, и люди прислушаются к тебе. Странствуй. Собирай вокруг себя молодежь. Иди к отверженным. Указывай им на ошибки. Вселяй надежду в безнадежных и страждущих. Проповедуй любовь, терпимость, справедливость, милость – все эти мелочи, на которые они плюют. Напомни им о ценности общности. Учи их пониманию слов БУДЬТЕ ХОРОШИМИ».

«Но ведь должна же быть какая-то альтернатива».

Бог качает головой, обнимает его одной рукой, и они идут прогуляться вдвоем.

«Я хорошо помню день твоего рождения, сын мой», говорит Бог. «Они протянули мне тебя, еще испачканного. Блин, ты был похож на тарелку с лазаньей. Один глаз у тебя склеился, вторым ты смотрел на меня. Прямо мне в глаза, с другого конца комнаты. Врач сказал, что младенцы практически ничего не видят, может быть, только на пару сантиметров перед собой. Врачи. Что они понимают? Четверть часа назад они считали кровопускание суперидеей. Как бы то ни было, наши взгляды встретились, ты был беспомощный комочек, весь в крови, как сырой стейк, но я почувствовал тогда нашу связь с тобой, что-то, чего я не испытывал до этого никогда». Бог останавливается, тихонько берет Иисуса за плечо и притягивает к себе. «Ты для меня все, сын. Даже, если с твоей головы упадет один волос, мне это, как удар паршивым кинжалом в сердце».

«О, папа», говорит Иисус, смотрит вдаль, обдумывает задание и прощается с бесконечными радостями и удобствами, которые его здесь окружают. Он вспоминает, как все было там в прошлый раз. Какими непреклонно безжалостными были они в своей ненависти.

«И не обольщайся: они будут причинять тебе боль там внизу». Бог не умеет приукрашивать. Он обнимает Своего сына и шепчет ему на ухо: «Но я буду всегда охранять тебя. И я обязательно заберу тебя назад...»

Блин, это совсем не просто, покинуть такое место.

На земле, тридцать два года назад, в первую неделю апреля 1979 года, где-то на американском Среднем Западе, девушка спрашивает себя - Бог во всех отношениях «олдскул» - когда у нее, собственно, в последний раз были месячные и почему ее по утрам так часто тошнит. Иисус чувствует, как миллиарды атомов его тела отделяются друг от друга, когда отец крепче прижимает его к себе, каждый атом – крохотная копия его самого, и как все эти миниатюры снова собираются в малюсенький узелок, растущий в животе девушки со Среднего Запада.

Апрель 1979 года: значит, она родит ребенка в конце декабря. Бог желает, чтобы мальчишка, хлебнув трудной жизни, был подготовленным к тому, что ему в свое время предстоит.

Все это всего лишь вопросы планирования.

Иисус исчезает из объятий своего отца, распадается, летит через пространство и время, чтобы реализоваться за тридцать лет до этого, маленьким пузырьком в теплом животе. Бог, прочитавший уже все великие романы 20 века, вспоминает высказывание Набокова: «Крошечный сумасшедший в резиновой камере...»

Часть вторая

Нью-Йорк

«Робинзон Крузо, самодостаточный человек, не смог бы жить в Нью-Йорке

Уолтер Липпман

Глава 1

Безжалостная жара. На тротуаре можно поджарить проклятую яичницу, и нет пощады бездомным. Зимой хотя бы иногда дует теплый ветерок из колосников и вентиляционных выходов метро. Но летом: ничего подобного, не считая возможности зависнуть в какой-

нибудь забегаловке на Таймс Сквер, где, как знает Иисус, ты можешь наслаждаться преимуществами кондиционера ровно столько времени, сколько протянешь, выпивая свой лимонад.

Блин, думает Иисус, как может быть уже сейчас так жарко? По поднимающемуся снизу шуму проезжающих за окном по Бродвею автомобилей можно достаточно точно определить время суток, тем не менее, он бросает взгляд на свои пластмассовые «Касио»: 5:45. Утра.

Иисус перекидывает ноги через боковину своей узкой кровати, и его стопы касаются теплого линолеума. В последний момент он отдергивает пятку левой ноги, чтобы не наступить на расплющенного таракана рядом с кроватью. Моргс наверняка раздавил его сегодня ночью, когда вернулся домой. Иисус улыбается, рассматривая спящее тело Моргана у другой стены в кровати, над которой висит постер группы Arcade Fire. Крис содрал его с фасада концертного зала Боери Боллрум. Моргс - его ударник и подрабатывает в ночном ресторане быстрого обслуживания в Мидтауне, поэтому он редко возвращается домой раньше трех-четырёх часов утра.

Они втроем делят двухкомнатную квартиру в тридцать квадратных метров. Крис – их бас-гитарист – тоже работает ночью и спит днем в кровати Иисуса. Конечно, в квартире нет кондиционера. Иисус открывает маленький холодильник в углу, наслаждается едва заметным прохладным дуновением воздуха и берет бумажный стаканчик из макдоналдса, который он наполнил перед тем, как идти спать, водой из-под крана. Он делает маленький глоток и ставит стаканчик назад в холодильник. Морган захочет пить, когда проснется. Иисус чуть-чуть раздвигает занавески. Окна их комнаты выходят прямо на пожарную лестницу соседнего здания, стоящего всего в нескольких метрах от их жилища, но, если запрокинуть голову, можно увидеть полоску голубого неба между обоими домами.

Он торопливо одевается. Шорты, конверсы – без носков – и старая застиранная майка с надписью: «ДАЛЬНОБОЙЩИКИ ДЕЛАЮТ ЭТО ЛУЧШЕ». Один тип подарил ее ему после выступления в Новом Орлеане. Прежде, чем покинуть квартиру, Иисус обыскивает свои карманы и находит две купюры по одному доллару и восемьдесят центов монетами – больше, чем ожидал. Он оставляет бумажки на тумбочке ребятам и выскальзывает за дверь.

Из относительной прохлады подъезда он выходит в узкий переулок, ведущий к Бродвею. Там в это время работают всего несколько магазинов, а движение ограничивается грузовиками, развозящими товары, и одинокими такси, едущими в направлении Даунтауна.

Раньше он направился бы в парк на Вашингтон Сквер или еще дальше на юг, на Уолл-стрит, чтобы забраться на какой-нибудь ящик и обратиться к людям, призывая их выслушать его. Он давно отказался от этой затеи. В начале 21 века толкать речи на перекрестках здесь, на Западе, было уже не актуально. Христиане испортили и это начинание. Но не *только* христиане: кажется, здесь, в Нью-Йорке у *каждого* было, что сказать, и каждый чувствовал непреодолимую потребность публично донести до других свою личную идиотскую оценку каких-то событий. Зуботычины, которые он время от времени получал, Иисус принимал так же безропотно, как ночи в камере, когда копы от скуки пытались улучшить статистику задержаний за счет бездомных и нищих. Но ему совсем нелегко было смириться с ситуацией, если люди принимали его за христианина.

Он быстро пересекает Бродвей. Сегодня день добычи продуктов на неделю. У него достаточно голодных ртов, которые надо прокормить.

В супермаркете, наконец, облегчение: по крайней мере, продукты имеют право на прохладу. Иисус наливает себе из кулера в стаканчик воды и направляется – как всегда с широко открытыми глазами – к прилавкам. О Боже, Америка, твои прилавки супермаркетов! Зеленые бобы из Кении, карамбола из Папуа Новой Гвинеи, переливающееся лососевое филе из горных рек Шотландии и Канады, помидоры и базилик из Тосканы, испанские оливки и южноафриканские апельсины. Но практически ничего с многочисленных ферм по соседству с Нью-Йорком. И еще: сейчас середина лета, а на полках с овощами полно моркови, пастернаков, цветной капусты, молодых побегов и тыкв. Не в первый раз Иисус размышляет о том, каких затрат требует и какое

зло причиняет изнашивание времен года в изощренной форме в угоду презренному металлу. О том, сколь разнообразны здесь внизу полоумные способы ведения бизнеса.

Но настоящее безумие проявляется не в прилавках магазинов, а в тележках для покупок и лицах покупателей. О Боже, Америка, лица твоих покупателей! Иисус наблюдает за ними, облокотившись на холодильную камеру с четырнадцатью различными сортами картошки «фри» и ощущая задом приятную прохладу. Здесь, в этом магазине, в одном из немногих благополучных районов Манхэттена, в рабочие дни недели можно посмотреть на лица и в тележки делающих покупки домохозяек и матерей, безработных и людей, просто больных манией еды. Игнорируя прогибающиеся от тяжести свежих фруктов и овощей полки, они целеустремленно пробираются, толпясь, мимо Иисуса, к проходам с продуктами глубокой заморозки. Там они нагружают свои тележки пиццей. Блюдами для микроволновки, разными сортами картошки «фри», крокетами, запеканками и китайскими ролетами. Ведрами мороженого, чизкейками и паштетами. Иисус замечает женщину, которая пытается выбрать из двух эскимо на палочке, хотя ее тележка уже нагружена галлонами флюоресцирующих сладких напитков, нарезанным хлебом в пластиковых упаковках, огромными блестящими пакетами с чипсами, стеклянными банками с сосисками и маринованными огурцами, тортами, кексами и промышленными упаковками с шоколадными батончиками. Женщина весит не меньше ста двадцати кило. Даже здесь, в прохладном воздухе между холодильными камерами, ее бесформенная лиловая майка пропитана потом.

И она далеко не самая полная в этом магазине. Два других охотника за едой уже давно бросили использовать свои ноги для передвижения. Они едут на креслах-каталках с электроприводом по проходам супермаркета и набивают свои корзины, установленные на руле, едой. О весе в сто двадцать килограммов они могут только мечтать. Но никто их не останавливает. Никто им не помогает. Иисус смотрит по сторонам и не находит слов.

Он и сам давно бросил помогать этим людям. Да и Вы удивились бы, наверное, если бы решились однажды с дружеской улыбкой спросить: «Извините, Вы действительно считаете, что все это можете съесть? Вы же понимаете, что убиваете себя?»

Вам отвечают, чтобы Вы убирались.

Вам плюют в лицо.

Вам даже могут заехать костылем по яйцам. Всякое бывало.

Иисус бросает взгляд на «Касио», проходя мимо отдела выпечки. *Как раз вовремя*, думает он, замечая, как менеджер и тип помоложе толкают перед собой большую тележку. Они провозят ее через занавес из широких пластиковых лент в темноту склада. Иисус торопится покинуть магазин.

Вдоль забора, вниз по узкому переулку, туда, откуда можно видеть погрузочную рампу супермаркета. Остальные уже собрались: приблизительно с десятков личностей терпеливо выжидают в узком проходе в тени забора. Ждет Бекки с двумя маленькими сыновьями – Дэнни, которому семь, и его пятилетним братом Майлсом. Ждет Гус, пьяница лет семидесяти, и Дотти, его подруга. Ждут Эл, Фрэнк и Мег, наркоши, и Биг Боб, и еще парочка таких же, чьих имен Иисус не знает, но которым остальные, видимо, рассказали о предстоящей акции.

«Привет, ДжейСи», здоровается с ним Бекки. «Привет, ДжейСи», повторяют дети Бекки хором.

«Салют, мальчишки», говорит Иисус и растрепывает волосы Майлса.

«Дрек», говорит приветливо Боб, когда они жмут друг другу руки. Соответствуя своему прозвищу, Биг Боб - большой. Тяжеловес под сто килограммов, но для своего возраста за пятьдесят подтянут и мускулист. Другие тоже говорят «привет», улыбаясь и кашляя. Большинство из них выглядит не очень. Они грязные, больные и голодные. «Итак», шепчет Иисус, «внимание всем. Сейчас начнется. Поэтому, потише. Вы принесли сумки?» Все поднимают вверх свои полиэтиленовые пакеты. «Отлично».

Иисус осторожно забирается на мусорный бак и смотрит через забор. В течение еще одной минуты стоит тишина, потом с грохотом открываются стальные двери. Появляется менеджер в сопровождении двух подростков в форме супермаркета, которые тянут за собой две тележки, доверху нагруженные наполненными мусорными мешками. Менеджер зевает, щурясь на утреннее солнце, и наблюдает, как дети бросают мешки в оранжевый

контейнер. Иисус спрыгивает на землю и сигнализирует остальным, что все идет по плану. Он подзывает их к себе и инструктирует шепотом: «Окей, все хорошо. Итак, мы делаем все, как обычно, давайте станем цепочкой. Боб, мы оба залезаем в контейнер...»

«Дрек», Боб кивает и дергает лицом.

«...Оттуда мы кидаем их Фрэнку и Мег. Справитесь, ребята?»

Фрэнк поднимает дрожащую руку с выставленным большим пальцем. Он потеет, наверное, со вчерашнего дня не принимал дозу.

«Порядок», говорит Иисус. «Фрэнки и Мег бросают их Элу и Бекки, которые ждут у забора, и кидают их дальше Гусу, Дотти и другим ребятам в переулке. Все понятно, дети?»

«Понятно», улыбается Майлс. «Я точно не уроню ни одного».

«Ты всегда их роняешь, дурак», задирает его Дэнни.

«Неправда, сам такой!»

Тот, кто живет в Нью-Йорке за чертой бедности, может вот так продлить свое существование. Даже, если жилье тебе оплачивают, а еду ты получаешь бесплатно, хватает только на то, чтобы выжить.

«Ребята?» Иисус хлопает в ладоши. «Пожалуйста, полная концентрация. Тогда мы за ноль целых, ноль десятых окажемся там и будем снова здесь».

Он еще раз поднимает голову на пару сантиметров над забором. Помощники бросают в контейнер последние мешки. Как только они исчезают в помещении склада, менеджер закрывает за собой скрипящие двери.

«Все», говорит Иисус, «пошли».

Иисус встает на забор, прыгает вниз и бежит, за ним Боб, потом Фрэнки и Мег и, наконец, Эл и Бекки. Иисус и Боб подбегают к большому контейнеру. Боб подсаживает Иисуса, и тот забирается наверх. Он перекидывает ноги через край контейнера и смотрит на гору продуктов: целые курицы и вздувшиеся банки с помидорами и супами, упаковки риса и макарон, пучки салата, початки кукурузы, коробки с кексами и пакеты с апельсиновым соком. Все с истекшим сроком хранения и лишь микроскопически малая часть тех продуктов питания стоимостью в несколько миллионов долларов, которые в Соединенных Штатах ежедневно выбрасываются на помойку. Иисус залезает в первый попавшийся мешок и как раз хочет бросить его Бобу, когда в нос ему ударяет сильный запах. Это не запах испортившейся еды – Иисус знает, что большая часть продуктов может храниться еще несколько дней, после того, как супермаркет их выбросил – это - резкий химический запах. Иисус подносит мешок к носу: от проникающего запаха метана у него текут слезы из глаз.

«Дрек!» говорит Боб, чтобы Иисус поторапливался.

«Погоди-ка, брат», говорит Иисус, «Тут что-то ...»

Металлический скрип: задняя дверь супермаркета открывается, и менеджер выходит на рампу. За ним двое крепких помощников, не подростков.

«Дерьмо», ругается Фрэнки, когда бежит вместе с Мег к забору, на который уже взбираются Эл и Бекки. Иисус, провалившийся по бедра в вонючий контейнер, и нервно дергающийся Боб застигнуты на месте преступления. Менеджер раздражается веселым смехом.

«Что, не нравится, козел?» усмехается он Иисусу. Он еще молод, наверное, одного с Иисусом возраста, лет тридцати, у него галстук с булавкой и тоненькие усики. «Любишь «Хлорокс?»»

«Ладно, ребята, все в порядке», Иисус вылезает из контейнера, «нам не нужны неприятности».

«Тогда проваливайте отсюда», отвечает менеджер.

«Только один вопрос», говорит Иисус, «зачем вы сыплете хлор в еду?» Иисус ведет себя вежливо, но решительно. Если не знать, что его застукали при воровстве из мусорного контейнера, никто бы этого не предположил.

«Новая инструкция», бурчит менеджер. «В Индиане бомжи пытались подать иск на магазин, после того, как отравились просроченными продуктами. Теперь мы поливаем все хлором, прежде чем выбросить на помойку». Менеджер делает шаг в их сторону и презрительно смотрит на Биг Боба, который в своей грязной армейской куртке нервно переступает с ноги на ногу.

«Но это... это же бред», говорит Иисус. «Ладно, чувак. Эти люди хотят есть». Он показывает рукой на забор, за которым видны остальные, наблюдающие за происходящим. «Маленькие дети, люди, которых жизнь потрепала. Никто из них не подаст никакого иска».

Менеджер плюет на землю. «Новая инструкция», повторяет он, пожимая плечами. Печет солнце.

«Послушайте», говорит Иисус, улыбаясь, «господин...э-э...мне жаль, как было Ваше имя?»

«Мое имя? Меня зовут Пошелнахер. Вот мое имя, грязный бомжара».

Боб рычит. Два крепких помощника становятся позади своего менеджера и выпрямляются в полный рост.

«Спокойно, Боб, спокойно», говорит Иисус. «Послушайте, мистер Пошелнахер, у Вас есть возможность совершить чудесный поступок. Эти люди действительно хотят есть. Прибыль Вашего концерна в прошлом году составила – сколько? – ну, в любом случае несколько миллиардов долларов, правильно? Что случится, если Вы отдадите нам немного отходов? Забудьте Вы про инструкции. У Вас здесь и сейчас есть шанс изменить мир к лучшему. Сделать что-то хорошее. Просто, ну, Вы знаете, быть добрее. Ну, давайте, ребята», Иисус приглашающе смотрит на трех сотрудников супермаркета, «*будьте хорошими*».

Менеджер стоит на асфальтированной площадке и отвечает на взгляд Иисуса, смотрит в его голубые глаза, которые вспыхивают в утреннем свете, и спрашивает себя, откуда у этого типа берется такая наглость. «Конечно...будьте хорошими», передразнивает он Иисуса, «знаешь, что? Вы все можете поцеловать меня в жопу. Сваливайте отсюда, пока я не позвал копов». Он поворачивается и идет назад к рампе.

Иисус сглатывает слюну, стремясь подавить ростки гнева. Люди, особенно такие люди как этот неисправимый образцовый республиканец, любят утверждать, что либерализм – это путь наименьшего сопротивления. Что «**БУДЬТЕ ХОРОШИМИ**» является трусливой и пассивной жизненной позицией. *О Боже, думает Иисус, как же можно настолько не понимать очевидные вещи?* В такие дни, как сегодня, требовался каждый квант его воли и дисциплины, чтобы любить людей, от которых исходит лишь ненависть. Это требовало всего его самоконтроля чтобы, находясь вне себя от справедливого возмущения, просто сдержаться и не впасть в бешенство. Как, например, узнавая время от времени о том, что творят эти фундаменталисты на Ближнем Востоке. Эти типы, блин, чего они хотят? О чем вообще идет речь? Что они делают целыми днями? Где ваши фундаменталистские книги, ваша музыка, ваше искусство? Что это вообще за хрень? Когда он видел фото девушек с зияющими дырами посередине лица, которым какой-то мужик отрезал носы за то, что они убежали из дома. Или женщин, которым изуродовали спину сотнями ударов кнута за то, что они бросили взгляд на мужчину. Подростков, посаженных на кол на людной площади, за то, что они были гомосексуалистами. Или эти, так называемые *убийства чести*...он понимал, что не сможет успокоить себя очередным «не ведают, что творят». Иногда ему стоило напряжения всех его сил, смелости и любви, чтобы не присоединиться к мнению Иоанна: *Поздоровайтесь с моим маленьким дружком. Сбрось на них бомбу и отправь этих ублюдков назад в вонючий каменный век, отец! Спусти их в унитаз и начни с чистого листа. Ну, давай, Армагеддон, чего ты ждешь?*

Иисус глубоко вздыхает и тихо говорит: «Да простит Вас Господь».

«Что ты сказал?» спрашивает менеджер, оборачиваясь.

«Я сказал», сейчас Иисус говорит громко и отчетливо, «да простит Вас Господь».

«Ты что думаешь, мне больше нечего делать, как выслушивать оскорбления от бомжа, вроде тебя?»

«Я и не думал Вас оскорблять. Пожалуйста, извините меня». Подняв миролюбиво руки, Иисус отступает.

«Извинение – это минимум, что ты должен был сделать», говорит менеджер. «А сейчас, убирайся отсюда, говнюк. Пока я...» Без предупреждения он тычет Иисуса в грудь, отчего тот едва не теряет равновесия.

Это было последней каплей.

Боб испускает вой, подскакивает к обоим и наносит сильный крюк в подбородок менеджера, который падает сначала на одно колено, а потом на землю. «Нет, Боб!»

кричит Иисус. А потом, когда из магазина выбегают все новые сотрудники, прыгивают с рампы и набрасываются на них: «Беги, Боб!» В полиции имеются несколько ордеров на его арест.

«Дрек». Боб, конечно, предпочел бы остаться и продолжить схватку.

«Ну, давай же, беги!» ревет Иисус и бросается к забору. Боб бежит перед ним и с легкостью перемахивает на другую сторону, как раз в тот момент, когда Иисус получает первый удар в лицо.

Он сгибается, падает, лежит на земле и чувствует, как на него обрушивается град ударов кулаками и ногами. Слышит, как в нарастающей жаре молодого дня приближается вой сирен.

Глава 2

Клетка.

Опять.

И клетка набита людьми. Около тридцати человек толпятся в помещении, рассчитанном максимум на половину. Стальные решетки и стены из обожженного кирпича. В клетках никогда хорошо не пахнет, но сегодня из-за жары, стоит вонь, которую невозможно описать. И все же попробуем: пахнет так, как будто кто-то взял большую рыбу и набил ее грязными спортивными носками, паштетом из анчоусов и дымящимися человеческими экскрементами, а потом засунул эту скотину в батарею и повернул регулятор температуры на максимум, где она пролежала этак с месяц.

Уже ночь, а это не лучший момент для времяпрепровождения среди всех этих отвратительных чудовищ и мутантов, которые не в ладах с кодами, без которых мир за пределами камеры не функционирует. Иисус молча сидит на корточках в углу, уверенный в том, что и этот момент пройдет, и что бы не произошло потом, история его далека от завершения. Здоровый татуированный мужик смотрит на него из другого угла переполненной камеры и по-дружески тычет под ребра своего приятеля, еще более здорового, чей бритый череп блестит в полутьме.

Боже мой, думает Иисус, сколько раз я уже бывал в таких КПЗ.

Это так. За свой тридцать один год здесь внизу он уже сидел в тюрьмах Фриско, Вегаса и Нового Орлеана. Он обливался потом за решеткой в Калифорнии и мерз в камерах Колорадо. Нанесение телесных повреждений, нарушение общественного порядка, сопротивление при задержании... - ему шили всевозможные дела, какие только существуют здесь внизу для тех, кто находит в себе смелость иногда возвышать голос и говорить слова: «Это несправедливо».

Он смотрит вверх на крошечное зарешеченное окошко. Звезд не видно, только яркий оранжевый свет натриевых ламп уличного фонаря; но он знает, что там вверху должны быть звезды. *Блин, папа, думает он, вести... вдохновлять?* Это классные слова, правда, классные. Но знаешь ли ты, насколько непроницаемы для вдохновения многие люди? И при этом – странное дело – они с удовольствием следуют тем, кто указывает им дорогу. Вот только с выбором поводырей у них, как правило, получается полная лажа. Как тогда, в Денвере, когда он обратился к толпе, и одна из противниц абортвов плюнула ему в лицо, а ее муж или друг, или кто он там был на самом деле, ударил его: в конце концов, в тюрьме оказался он, а не те двое. «Я тебе сам бы с удовольствием навешал», заявил ему коп, закрывая за ним дверь в камере.

«Но почему?» задал ему вопрос Иисус.

Коп пожал плечами и сказал: «Я христианин».

Самое тяжелое в его работе было любить тех, кто только ненавидел.

Иисус вздыхает и прикладывает голову к теплой стене. У Криса сегодня день рождения. Вечеринка на крыше. Надо было еще кое-что достать: гамбургеры, булочки, сосиски, сыр. Те продукты, которые он надеялся получить на заднем дворе супермаркета. Ничего: он скопил немного денег, этого будет достаточно. А Морган позаботится об алкоголе, на это у него бабок должно хватить, так что все в порядке.

Крис и Морган. Его группа. Его ребята.

Они играли вместе в различных составах с конца девяностых, когда еще жили в Козейде.

Да, в Козэйде, в паршивой Небраске. Население: 4000 человек. Спасибо, папа. Забудьте Лос-Анджелес, Нью-Йорк или Сиэтл. Он не высадил его даже в Омахе, где они могли бы при удачном стечении обстоятельств, пробиться наверх благодаря ажиотажу вокруг песни "Bright Eyes" местной группы Saddle Creek. Они перепробовали разных гитаристов, пока не решили остаться классическим трио в стиле групп Husker Du, Dinosaur Jr. или Nirvana. «Иди к отверженным». Не удивительно, что Иисус предпочитал хорошую рок-музыку и альтернативный рок, то есть был типичным инди. Лет семь тому назад они подписали с одной студией звукозаписи контракт на микроскопическую сумму, переехали в Нью-Йорк, и забрезжила надежда. Но никто не хотел передавать их песни по радио, альбом не продавался, они до изнеможения выступали в клубах, типа «Серебряный доллар» в Аризоне, «Дно» в Делавэре или «Миссия» в Касл Фоллс, собирая человек по пятнадцать зрителей. В конце концов, они поняли, до какой степени их музыка никому не нужна. Потом были непостоянные заработки; когда им было уже под тридцать, они подрабатывали мойщиками посуды и уборщиками. Друзья переехали в крошечную двухкомнатную квартиру и работали над новым материалом, только если могли позволить себе помещение для репетиций. ДжейСи представлял свою миссию здесь внизу куда проще: создать группу, продавать уйму пластинок и использовать эту платформу, чтобы объяснить людям, насколько они увязли в дерьме. Ну, вы понимаете: как Боно, только круче.

Да-да, именно так, думал он теперь.

Когда его музыкальная карьера медленно, но верно, э-э-э, мягко говоря, не оправдала надежд, он принял следующее решение: если у тебя нет выхода в большой мир, и ты не можешь его изменить, попробуй изменить хотя бы свой маленький мирок. Слава Богу, что Морган и Крис поддержали его даже тогда, когда их новая деятельность стала занимать значительно больше времени, чем работа над музыкой. Все началось пару лет тому назад с Бекки и ее мальчишек. Он помог ей завязать с героином. Так же, как сейчас они пытаются помочь Мег. Они убедили Бекки и еще пару друзей заполнить анкеты социального страхования. Кое-кого пристроили в общежитие. В кухнях, где они работали, откладывали еду и относили ее бомжам в их ночлежки под эстакадами. Благодаря этому они близко познакомилась с людьми, которых поддерживали. В конце концов, Иисус почти круглые сутки занимался тем, что таскал кому-то еду, устраивал на ночлег и тому подобным. Заботился, чтобы эти люди, живущие в самом дорогом городе на планете, могли что-то съесть, ведь, как правило, речь шла о самых, что ни на есть, рудиментарных потребностях: пропитании или ночлеге. В итоге увидела свет самостоятельно разработанная и финансируемая из собственного кармана программа, направленная на оказание помощи целой компании заблудших и отверженных: Бекки, Мег, Бобу, а также старому алкашу Гусу и его Дотти, которым без Иисуса и его ребят совершенно точно было бы не пережить прошлую зиму.

Они встретили Боба, когда сгорел мусорный контейнер, в котором он жил вместе с двумя своими приятелями. Три старых ветерана, пролившие кровь во Вьетнаме и оказавшиеся в итоге в контейнере в Челси. Этот контейнер кто-то поджег. Приятели Боба погибли, сгорев заживо. Рассказал им об этом еще один приятель Боба, потому что тот с 1973 года не говорил ни одного нормального слова, ведь...

«Эй ты, бомж». Кто-то бьет его по ноге, и Иисус вздрагивает. Оба типа – лысый и татуированный – склоняются над ним, а несколько добровольных помощников освобождают им место.

«Добрый вечер», говорит, улыбаясь, Иисус. «Жарко здесь, правда?».

Татуированный садится рядом с Иисусом на корточки. Его майка воняет, как будто именно в нее была завернута рыба, набитая говном. Одна из татуировок, большая, на бицепсе, изображает женщину, стоящую на четвереньках. Пара грудей свисает спереди, а на спине расположена еще одна пара. Поверх татуировки идет корявая надпись: «МОЯ МЕЧТА». Вау, думает Иисус, что, к дьяволу, хочет тип этим сказать? Хотя мужик еще не старый, зубов у него почти не осталось, и его голос свистит в дырках между оставшимися пеньками.

«Малыш», шепчет он, «сейчас здесь будет еще жарче».

«Да, это как?» спрашивает Иисус и смотрит типу прямо в глаза. Несмотря на то, что тот, несомненно, тертый калач, но и он на мгновение теряет уверенность от взгляда

Иисуса, этой прохладной, голубоглазой чистоты. Когда он говорит, глаза его шныряют слева направо.

«Смотри, все будет вот так: ты идешь туда, в угол, маленький пидор, и нагибаешься, а я...», слышав приближающиеся шаги, он шепчет совсем тихо. «Эй, вы», кричит кто-то, «что с моим сраным адвокатом?» Тюремщик кричит что-то неразборчивое и уходит.

«...а я и мой друг, мы сделаем с тобой то, что должны сделать».

«Правда?» говорит Иисус. «Вы это задумали? Вы хотите меня содомизировать?»

«Содо...чего?» спрашивает лысый, который тоже нагибается к Иисусу.

«Это значит, заниматься со мной сексом», объясняет Иисус.

«Теперь слушай сюда, умник», говорит «МОЯ МЕЧТА», «если ты еще вякнешь хоть одно слово, получишь в почки вот это». Он задирает майку и показывает, что за поясом брюк у него торчит самодельный нож, который выглядит как нечто среднее между зубной щеткой и опасной бритвой. Над ножом красуется еще одна татуировка: входящее отверстие от пули. Иисус вспоминает когда-то прочитанное им статистическое исследование, в котором говорилось, что все приговоренные в США к смертной казни имели хотя бы одну татуировку. Смертная казнь. Господи, у них здесь внизу еще приговаривают к смертной казни.

«При всех этих людях?» спрашивает Иисус. «Послушай, я знаю, в детстве ты, наверное, пережил страшные вещи, если считаешь хорошей идеей то, что задумал. Seriously, ты думаешь, это может доставить удовольствие? Подумай еще раз. Я готов поспорить, что как только ты кончишь, сразу пожалеешь об этом. Ты будешь ощущать только вину и стыд, и все такое. Я однажды был с одной девчонкой, э-э-э, во Флориде. И...»

Внезапно лезвие сверкает прямо у лица Иисуса, опасно приближаясь к его правому глазу. «Заткни свою разговорчивую пасть и спускай штаны», сипит татуированный сквозь коричневые руины зубов. Иисус вздыхает. Ах, да, эта девчонка во Флориде, после шоу. Блин, вот была горячая штучка. У него было пару раз с девчонками, но ничего серьезного. Почему бы и нет? Да, одна часть его ощущала, что дела, связанные с его непосредственной задачей распространения среди людей завета «БУДЬТЕ ХОРОШИМИ», здесь внизу, скорее всего шли не очень. Вот как сейчас: лысый сооружает что-то вроде барьера, отгораживая их от других обитателей камеры, а татуированный расстегивает тем временем ширинку. Все остальные смотрят в сторону. Никто – а разве могло быть по-другому? – не решается вымолвить и слова. Если бы Иисус был одним из них, он открыл бы рот и наверняка оказался бы в итоге на больничной койке. Он чувствует, что сзади него что-то происходит, как кто-то к нему пристраивается. Давайте, заканчивайте поскорее. Прости им, ибо не ведают, что творят, и так далее, и тому подобное.

О чем он думал еще минуту назад? Ах, да, о Бобе.

Бобу, в 1973 году еще капралу Бобу, шел двадцать второй год, а деревне, в которую он попал, было несколько тысяч лет. Она находилась вблизи камбоджийской границы, вся в воронках от артиллерийских снарядов. Верхушки окружающих деревню деревьев еще пылали после сброса напалма, и над джунглями стоял вой штурмовиков Ф-4. Боб и его рота приземлились и рассредоточились, ощущая в легких вонь сгоревшего бензина. Боб получил приказ взорвать туннель, в воздухе висело облако винилхлорида. Он швырнул три этих страшных осколочных гранаты за дверь, почувствовал, как земля под ногами пошла волнами, и прыгнул внутрь; обжег себе пальцы о ствол, вставляя новый магазин, снял автомат с предохранителя и был готов к рок-н-роллу. Дым рассеялся, и он оказался лицом к лицу с врагом.

Двое детей.

Один ребенок лежал на спине без ног и кричал. Второй прыгал на одной ноге, уставившись взглядом в одну точку, и не кричал. Он пытался удержаться у стены с помощью одной ноги и одной руки и старался поднять оторванную руку здоровой. Пол туннеля выглядел, как на бойне. Женщина – их мать, как понял Боб – пыталась ползти к ним. Она зажимала себе живот, но за ней все равно тянулся длинный шлейф внутренностей.

Голова и плечи младенца лежали просто так на полу, остальное тело, видимо, распалось на атомы и растворилось в воздухе.

Маленькая девочка без ног дергалась и била кулачками по полу – он увидел сейчас, что это была девочка - а потом затихла в шоковом столбняке. Мальчик, который все еще прыгал на одной ноге, пытался дотянуться до обрубка, добраться до торчащего обломка кости и остановить кровь, которая била толстой струей из разорванной на бедре артерии. Кастрюли с рисом булькали над очагом, сооруженным в глиняном полу, и Боб, который и сегодня смог бы очень детально нарисовать эти кастрюли, понял, что они находятся за много, много миль от эвакуационного лагеря. Он сделал то, что должен был сделать, и в первый раз на войне воспользовался пистолетом, выстрелив, насколько это возможно, нежно в висок всем троим, и потерял рассудок. Рота Боба нашла его позже в туннеле, измазанного кровью, среди погибшей семьи, повторяющего только «Дрек, дрек, дрек». С того самого утра Биг Боб говорит только это слово. После того, как его выписали из психушки, он провел тридцать восемь лет в контейнере в Нью-Йорке.

Иисус чувствует, как слюна падает ему на нижнюю часть спины, чей-то палец исследует его зад. Иисус сжимается, пытается расслабиться, сжимается еще больше, когда мужик прижимается к нему чем-то твердым, как бакелит... Прости им, Боже, они...

Снова приближаются шаги тюремщика, и раздается голос: «Иисус? Иисус Христос?». Тюремщик смеется, как обычно делают все, произнося его имя.

«Здесь», говорит Иисус и поднимает руку.

«Шевели жопой и иди сюда. За тебя внесен залог».

Иисус натягивает шорты, а лысый и татуированный спешат раствориться в толпе. *Все это только вопросы планирования*, думает Иисус.

«В следующий раз, мой сладкий», кричит ему лысый.

«Я прощаю тебя», отвечает Иисус.

«Тип возвращается и разбивает ему нос в кашу. Кровь течет у него по подбородку и капает на майку. «Тогда прости мне и это, мерзкий пидор», звучит комментарий лысого.

«Это я пидор?» удается прогнусавить Иисусу, сквозь разбитый в кровь нос.

Глава 3

Морган стоит на солнцепеке, ухмыляясь, на ступеньках лестницы, ведущей к тюремным воротам. Моргс – длинный, неуклюжий черный парень с вялой улыбкой, заспанными глазами и прической «афро» средней длины. Он примерно одного с Иисусом возраста, хотя на вид ему можно дать лет на пять меньше. Фантастический ударник. Морган одет в бермуды по колено, растоптанные сникеры и белую майку большого размера. Он наблюдает, как Иисус, пошатываясь, спускается по лестнице, прижимая к носу окровавленный бумажный носовой платок. «Боже праведный», говорит он, «в какое дерьмо ты опять вляпался?»

«Э-э-э...». *Рассказать Моргану? Нет, лучше не надо.* Большинству людей не удавалось так просто прощать других, как Иисусу. «Повздорил там с парой типов. Ничего существенного. Я оставил вам пару долларов на ночном столике. Ты позавтракал?»

«Хот дог съел».

«Хот дог?» спрашивает Иисус. «Ешь с утра лучше немного фруктов, Моргс. Кусочек дыни. Грейпфрут. Что-то такое. Ты должен за собой следить».

«Да-да, конечно. Не у меня, а у тебя нос выглядит, как в дурацком фильме ужасов».

«На», говорит Иисус и убирает бумажную салфетку от носа. «Смотри. Кровь уже не идет». Они стоят сейчас на людном перекрестке в Мидтауне Нью-Йорка. В час пик никто не обращает внимания на высокого блондина с разбитым носом, беседующего с худосочным черным парнем.

«Да, прямо супер. Прекрасно выглядишь».

«Ерунда», говорит Иисус, «откуда ты взял деньги на залог?»

«Э-э-э», Морган переминается с ноги на ногу и смотрит в землю.

«Моргс?» мягко, но настойчиво повторяет Иисус.

«Я заложил Дэйзи у Харви».

«Блин, что ты сделал?»

«Что я должен был делать? Оставить тебя за решеткой, чтобы все, кому не лень, били тебе морду?»

«Ох, блин», вздыхает Иисус и быстро идет дальше.

В витринах их любимого ломбарда «Харви» в Вест Виллидж полным-полно часов и драгоценностей: браслеты, серьги и цепочки, часы «Ролекс», «Картье» и «Патек», которые когда-то носили те, чей взлет был крутым, а падение стремительным. У Харви есть практически все: от украшенной аметистами табакерки до .357 магнума.

Иисус, торопясь, идет по проходам, целенаправленно пробираясь к отделу музыкальных инструментов, находящемуся в задней части магазина. За ним спешит Морган. Наконец, они находят Харви, который, опираясь на стойку, читает спортивную часть газеты, а перед ним стоит дымящаяся чашка кофе. Харви смотрит, как они поднимаются по трем ступенькам, которые отделяют кассовую зону от остального магазина. «Хай, ДжейСи!» приветствует он. «Я по своей моче догадался, что мне не придется долго тебя ждать. Твой приятель сказал, что ты находишься в затруднительном положении, и я дал ему дружескую цену».

«Сколько, Харви?»

«Пять пятьдесят».

С широко открытым ртом Иисус поворачивается к Моргану. «Ты заложил Дэйзи за пятьсот пятьдесят долларов?»

«Да ладно тебе, старик», говорит Харви. «Я не получу за нее и тысячи, если выставлю на продажу. Рынок вообще мертвый».

«Залог стоил только пятьсот. У меня еще остался полтинник!» Морган достает купюры из карманов.

«Прекрасно», говорит Иисус сдавленным голосом.

Харви смеется. «Ладно, ребята, только для вас я попридержу ее на пару дней дольше, чем указано в квитанции, так что у вас будет немного больше времени, чтобы наскрести деньги».

«Нет», вздыхает Иисус. «Погоди». Он расшнуровывает сликеры. «Знаешь, Харви, ростовщикам трудно попасть на небо».

«Понимаю и серьезно обеспокоен этим обстоятельством».

Иисус снимает растоптанный кед, на белом резиновом канте которого вокруг подошвы написано черным маркером MODEST MOUSE. Его ноги пахнут не очень.

«ДжейСи, ты, надеюсь, в курсе, что старик не принимает в оплату поношенные кеды?» спрашивает Морган.

«Очень смешно», парирует Иисус, копаясь во внутренностях ботинка. Он вытаскивает засаленную смятую пачку купюр.

«Бен!» кричит Харви. Почти мгновенно из-за двери, ведущей в служебное помещение, появляется голова молодого парнишки. «Принеси чуваку его гитару. Это Гибсон. SG шестьдесят восьмого года».

«Откуда, черт возьми, у тебя бабки?» хочет знать Морган.

«Накопил. Сегодня на вечер».

«Видишь, малыш?» говорит Харви, кивком указывая на купюры, «в дружбе с Сыном Божьим есть свои преимущества. Он всегда способен сотворить чудо». Харви, как и большинство других знакомых, знал историю ДжейСи и регулярно смеялся над ней.

«Ну да, конечно», говорит Морган. «Поэтому у нас все настолько в шоколаде, что мы стоим здесь в этом сраном ломбарде». Морган также считал утверждение своего друга о том, что тот Сын Божий, полной ерундой. Но вот чего у типа не отнять: он не делал себе рекламу. Просто всегда поступал правильно, а это было труднее, чем казалось на первый взгляд. Он был просто крутой чувак. Его ничем нельзя было вывести из себя. Ну, и ко всему прочему, просто офигенный певец и гитарист. У Моргана был дядя, убежденный в том, что в прошлой жизни был Александром Грэмом Беллом. Он постоянно рассказывал, как изобрел телефон. И Морган думал: *да насрать, каждый сходит с ума по-своему*. Его друг никому не причинял вреда.

«Послушай», говорит Иисус и поворачивается к Харви, «можешь уступить мне еще самую малость, Харв? Мы должны купить кое-что на день рождения Криса. Ты знаешь, парню тридцать стукнуло и ...».

«Ну, хорошо...», вздыхает Харви и считает засаленные бумажки.

Глава 4

Как замечательно поется в этой песне: жаль, что день не может быть ночью... «in the summer, in the city». Сейчас, поздно вечером чуть прохладнее, и на плоской крыше их квартиры собралась небольшая компания, над седьмым этажом, откуда видны белые шары фар проезжающих по Бродвею автомобилей. Это народ перебирается из Аптауна в Даунтаун на вечеринки и просто в поисках развлечений.

Здесь наверху вечеринка уже в самом разгаре. Малыши – Майлс и Дэнни – мирно сопят на одеяле у дальней стены. Крис готовит на импровизированном гриле последние гамбургеры и шашлыки, Бекки поет песню дуэта Карпенгерс, Морган аккомпанирует ей на акустической гитаре. Гус и Дотти, пьяненькие, благоговейно внимают песне. Эл и Фрэнк кивают в такт, а Мег сидит чуть в отдалении от остальных, немного беспокойная. В эти несколько последних дней она не принимает наркотиков, и ей тяжело. Здесь же есть еще гости, не обязательно знакомые друг с другом.

Иисус объяснил Бобу, что им пришлось бы заложить не только гитару, если бы копы его задержали и заглянули в личное дело, и теперь тот сидит на карнизе крыши, терзаемый чувством вины за то, что ему удалось уйти, в то время, как Иисуса избили.

Поужинали они по-царски. Харви пошел им навстречу с гитарой – Иисусу не так просто отказать - и ДжейСи с Морганом закупили для вечеринки все необходимое. Котлеты и булочки для гамбургеров, торт со свечами, кучу сладостей для детей, пару ящиков пива, немного текилы. Все, что душа пожелает.

Через всю крышу натянуты дешевые китайские фонарики, которые консьерж Позловски пару лет тому назад раздобыл для хеллоуина. Разноцветные лампочки окунают в желтый, зеленый и оранжевый свет собравшихся, которые курят, пьют, смеются и болтают друг с другом.

Иисус рассматривает происходящее, глубоко затягивается косяком – ему не сразу удалось привыкнуть к травке здесь внизу – и улыбается. Правильно, вся эта фигня вокруг чудес и прочего, выдуманного чертовыми христианами, была слабоумием. Но в такие моменты, как сейчас, он понимал, что это самое настоящее чудо, когда люди вроде его друзей в городе наподобие этого могли прожить еще один день без ущерба для себя. И не просто без ущерба: все-таки они сидели здесь с набитыми животами и пили охлажденные напитки, распевая песни, болтая и смеясь. Он поворачивается, хватается за бордюр крыши и смотрит вниз на Бродвей. Высоко на строительных лесах стоят рабочие в комбинезонах, которые в такое позднее время снимают со стены огромный плакат с рекламой нижнего белья, чтобы этой ночью заменить его на другой. *Не дай Бог, думает Иисус, дать людям хотя бы один день отдыха и не запихивать им в глотку очередной говенный продукт потребления.*

«Хочешь еще?»

Иисус поворачивает голову: над ним стоит, широко улыбаясь, толстый Крис и протягивает завернутый в салфетку гамбургер. Иисус улыбается и качает головой: «Нет, спасибо, я наелся».

«Да ладно, давай. Этот лук просто тает во рту, старик».

«Нет, правда, старик, ешь сам».

Крис довольно пожимает плечами, садится рядом с ним и начинает жевать. У него приличный живот, и весит он не меньше ста кило. Его старая майка группы Mudhoney вся в пятнах пота от ночной жары и гриля. Крис и Морган, его ритм-секция, не похожи друг на друга: толстый, белый, всегда в хорошем настроении басист и худой, насмешливый ударник. Моргс любит нападать; со своим цинизмом по отношению ко всем и вся он представляет собой практически идеальный противовес Крису с его солнечным энтузиазмом. Крис ставит почти после каждого предложения восклицательный знак. Он доверчив, практичен и старателен. В отличие от него основные черты Моргана - сарказм и скепсис.

ДжейСи спрашивает совета у обоих в равной степени. То, чему научил его отец, который воспринимает нытика Матвея не менее серьезно, чем манерного Лэнса или агрессивного Андрея.

На другой стороне крыши Эл и Моргс затягивают «Visions of Johanna». Крис бросает на ДжейСи вороватый взгляд и радуется, когда видит, что Иисус наслаждается вечеринкой.

«Эй, ДжейСи», кричит Бекки, «тащи свою симпатичную попку сюда и сыграй нам что-нибудь». Другие присоединяются к ее просьбе, а Эл протягивает ему гитару.

«Не...я устал. Вы сами здорово играете».

«Ну ладно тебе, давай».

«Может, попозже».

С недовольным громким гудением гитару протягивают кому-то еще. ДжейСи улыбается Бекки, которая показывает ему в ответ выставленный средний палец. Блин, Бекки выглядит сегодня сногшибательно, ее длинные черные волосы и веснушчатая кожа поблескивают в свете разноцветных фонариков. Искоса смотрит ДжейСи, как она садится на одеяло и вытягивает перед собой длинные ноги. Каждые пару минут она бросает взгляд на своих спящих мальчиков. Девушка сильно изменилась с момента их первой встречи несколько лет тому назад. Один общий знакомый, мывший вместе с Моргсом посуду в ресторане, представил их друг другу. Бекки приехала из Огайо и была тогда настолько красивой, насколько опустившейся: она, правда, как раз слезла с крэка, но была законченной алкоголичкой. Все знали, что она время от времени зарабатывает пару долларов в эскорт-сервисе. Ей постоянно грозила опасность быть лишенной родительских прав и выброшенной из грязной однокомнатной дыры в Лоуэр Истсайде. Иисус и его ребята наскребли немного денег, чтобы погасить часть задолженности по квартире, а ДжейСи пошел поговорить с хозяином. В конце концов, он уболтал типа, и Бекки смогла остаться. Этот момент стал своего рода поворотным пунктом в ее жизни и, принимая во внимание ее историю, было совсем не само собой разумеющимся видеть ее сейчас трезвой и не под наркотическим кайфом. Она с любовью заботилась о своих мальчуганах и пыталась найти работу, хотя это было непросто для двадцатилетней матери-одиночки с двумя детьми без какой-либо квалификации. Блин, да что было просто в Нью-Йорке? При этом Бекки, покончив с наркотиками, открыла в себе настоящий организаторский талант. ДжейСи было больно смотреть, как ее огромный потенциал расходуется впустую, чаще всего на низкооплачиваемую работу, которую она могла бы выполнять и во сне.

Крис нагибается в свете желтого фонарика, чтобы посмотреть ДжейСи в лицо. «Вау. Посмотрите на этот нос. Очень болит?»

«Ты знаешь, сегодня ночью там внизу наверняка произошли более страшные вещи. Что такое сломанный нос по сравнению с ними?» Он показывает через крыши на стонущий от жары город.

Крис смотрит на их кучку заблудших и отверженных и вздыхает. «Мы воюем с ветряными мельницами, ДжейСи. Каждый день происходит то же самое: мы можем помочь людям решить их самые неотложные проблемы, найти им еды или лекарства, иногда дать немного денег».

«Я знаю, старик. Мы...»

«Просто, пожалуйста, пойми меня правильно, я люблю тебя и все такое, но...мы уже несколько месяцев не выступали. Нет, я не это хотел сказать: не выступали? Мы несколько месяцев даже не *репетировали*».

«Знаю, чувак. У нас просто работы выше крыши. Мы должны делать все, что в наших силах, пока...»

«Пока, что?»

«Пока не появится возможность делать еще больше, я думаю».

«И это означает? Мы ждем, э-э-э, знамения, что ли?» Крис вопросительно смотрит на него.

«Да, возможно», говорит Иисус. «Что-нибудь произойдет».

Крис кивает. Он никогда не говорил об этом Моргану ни слова, но иногда думал, что в этой истории с Сыном Божьим и вправду что-то есть, особенно, когда он смотрел ДжейСи в глаза или, когда тот что-то говорил, а еще чаще, когда что-нибудь пел. А, может быть, он думал о том, что ДжейСи - бесспорно звезда. Он был самым крутым фротменом, с которым Крис когда-либо играл. Прямо, как тогда, в детстве: если бы Курт Кобэйн сказал, что он Сын Божий, Крис бы сразу ему поверил. Без тени сомнения.

«Ну, давай же!» кричит кто-то. Иисус поднимает глаза. С гитарой под мышкой Боб подходит к нему и протягивает инструмент.

«Да ладно, чуваки», говорит Иисус, «может быть, еще кто-то хочет спеть?»

«Слушай, не заставляй себя упрашивать вечно и сыграй, наконец, что-нибудь для нас», требует Морган.

«Ну, хорошо, одну песню», сдаётся Иисус и тянется за гитарой. «Что бы вы хотели послушать, ребята?»

«Что-нибудь старенькое», кричит Гус.

«Что-нибудь старенькое... что-нибудь старенькое...», бормочет Иисус, настраивая инструмент. Гитаре Эла давно пора на помойку. Ее невозможно нормально настроить. Он пробует пару гармоний и подтягивает вторую струну. «Ну, для кантри сойдет», говорит он и начинает «May You Never Lay Your Head Down» Джона Мартина, импровизирует небольшое вступление, в котором играет мелодию на второй и третьей струнах, контрастирующую с нервной ритмичкой аккордов.

Иисус играет потрясающе, он обладает редкой способностью подчеркнуть мелодию, постоянно прерывая ее неожиданными небольшими музыкальными фразами. Все пододвигаются ближе и внимательно слушают. В середине песни он вставляет соло: большой палец по-прежнему ведет басовую партию на верхних струнах, а средний и указательный выдают трель тоном выше.

«*Love is a lesson to learn in this time...*»

Какой бы виртуозной не была его игра на гитаре, именно голос Иисуса обладает каким-то неземным притяжением: в нем, чистом и мягком, особенно в этой песне, чувствуется тоска, этот оттенок боли и отчаяния, который отличал всех великих певцов от Хэнка до Курта. Это замечают все. *Как больно видеть, думает Крис, с каким благоговением присутствующие слушают ДжейСи, а ведь большинство людей не имеет возможности находиться вблизи кого-то, кто творит, исполняя песню, настоящее искусство.* Время от времени они смотрят что-то по телевизору, слушают музыку из дешевых пластмассовых колонок и, возможно, один-два раза в жизни посещают по-настоящему хороший концерт. Но ведь сегодня практически ни у кого нет шанса послушать тех, кто действительно умеет петь и играть, сидя с ними в маленькой комнате. Чувствовать их дыхание на своем лице, ощутить, как корпус старой акустической гитары, резонируя, заставляет вибрировать воздух. Это - нечто особенное: даже люди, не имеющие ни малейшего понятия о музыке, ощущают в такие моменты, что являются свидетелями чего-то незаурядного. Они, наверное, даже не понимают, отчего у них по рукам и затылку бегут мурашки, но абсолютно точно знают, что, слушая радио в машине, они не получают таких эмоций. Беднота собственного опыта становится понятна большинству людей лишь тогда, когда их тычут носом во что-то действительно великое. До этого момента они считают, что все хорошо и так, как есть.

Иисус заканчивает выступление драматической концовкой: его пальцы вычурно пробегают вверх по грифу гитары, сходятся в последнем аккорде, который он берет на полтона выше, прежде чем, наконец, вернуться к исходному аккорду. Он смотрит на их лица: все, от маленького Майлса, который проснулся, до Гуса и Дотти, все смотрят на него широко раскрытыми восхищенными глазами. После этого начинается ликование.

Моргс дает ему подзатыльник. «Ах, маленький засранец».

«Блин, старик», отвечает, смеясь, Иисус и открывает себе банку пива, «ты меня раскусил».

Крики с просьбой исполнить еще одну песню становятся громче. Он делает им одолжение. Осталось еще прилично пива, и их пение разносится над крышами, пока не теряется где-то в ночном шуме автомобилей над Бродвеем, а вой сирен и мерцающие внизу синие всполохи на стенах домов напоминают о том, что очень многим другим обитателям этого города и в этот вечер некому было протянуть руку помощи.

Глава 5

Знамение является им следующим утром. И подходящим образом первым его замечает Крис, выглянувший из окна. Оно возвышается над Бродвеем на тридцать метров в высоту и пятнадцать в ширину как, если бы Бог там установил его собственноручно.

Крис взволнованно трясет спящего Иисуса, особенно не заморачиваясь о том, что рядом с ним в кровати лежит девушка со вчерашней вечеринки: Кэрол, как ее там,

насколько Крис может вспомнить. Она очень симпатичная. Иисуса вообще девчонки регулярно тащили в постель после того, как он что-то пел. «Вставай, ты должен это видеть», говорит Крис взволнованно, как ребенок рождественским утром, стаскивая с Иисуса простыню.

«Да что случилось? Который... час?»

«Рано. Держи», Крис кидает ему джинсы. Кэрол бормочет что-то и зарывается лицом в длинные светлые волосы Иисуса. «Ну, пошли, ты должен это видеть».

«Блин, сегодня же воскресенье», жалуется Морган из другой кровати.

«Давай, ты тоже», командует ему Крис.

Все четверо, шлепая босыми ногами, выбираются на улицу – тротуар уже теплый – смотрят, следуя за дрожащим указательным пальцем Криса, на небо. «Там, смотрите же!»

Рабочие на строительных лесах установили это сегодня ночью. Десятиметровые буквы провозглашают:

АМЕРИКЭН ПОП СТАР!

Щурясь от утреннего солнца, они читают дальше. Под фотографией, изображающей чернокожую девушку, закинувшую в экстазе голову назад и поющую в микрофон, буквами поменьше написано:

3 КОНКУРС: ОТБОР НАЧИНАЕТСЯ...

Крис напряженно следит за тем, как Иисус, Кэрол и Морган, читая, беззвучно шевелят губами:

ЭТОЙ ОСЕНЬЮ НА КАНАЛЕ ABN

«Да, ну и что?» спрашивает Иисус и растерянно смотрит на Криса.

КОНТРАКТ НА ЗВУКОЗАПИСЬ БОЛЕЕ 1 МИЛЛИОНА ДОЛЛАРОВ

«Читай дальше, там внизу».

НАЧАЛО КАСТИНГА ПО ВСЕЙ СТРАНЕ 10 ИЮЛЯ

«Ну, и?» спрашивает Иисус.

«Теперь послушай меня», Крис берет его за плечи. «Ты запишешься на это шоу и, конечно, *выиграешь* его. Ну? Дошло?» Лицо Криса сияет, как начищенная сковородка, и он изображает что-то вроде танца на тротуаре. Кэрол хохочет.

«Блин ушастый», говорит Морган, переводя взгляд с Криса на Иисуса. «А я-то думал, ты один из тех, о которых ходят слухи, что они исключительно сообразительны...».

«У тебя все в порядке с головой?» говорит Иисус Моргану в забегаловке за углом, где они пьют кофе. «Все эти шоу – полная лажа, чувак. Все эти расфуфыренные, бесхребетные мейнстримовские оторвы, распевające слезливые баллады. Я еще не видел там никого, кто исполнял бы нормальный рок».

«Вот как?» спрашивает Крис. «Так покажи им, что такое рок».

«Эй», говорит Иисус. «Кто еще будет вафли?»

«Старик, теперь послушай меня...». Крис захлопывает меню.

«Крис», перебивает его Морган, «он абсолютно прав. Согласись, что все эти шоу – полное говно».

«И что? Если ты примешь участие в шоу и покажешь всем, где раки зимуют, даже последний идиот увидит свет в конце туннеля. А потом, потом, подключимся мы», объясняет Крис. «Ребята, вот оно. Это знамение».

«Это не знамение, а рекламный плакат», парирует Иисус. «Да, и все равно они никогда не разрешат кому-нибудь выступать со своей группой. Спорим? Так ведь? Там надо выступать с их оркестром».

«Ну, и что?» спрашивает Крис.

«А это – полная херня».

«Это – не полная херня», спорит Крис. «Ты – супер. Или ты хочешь сказать на полном серьезе, что Джими Хендрикс, играй он с оркестром, был бы полной херней?»

«Наверно, нет, окей». Вспоминая джем-сессии с Джими он не может сдержать улыбки и не спросить себя, чем сейчас занят Хендрикс наверху. Наверное, просто валяется. «Но с вами, ребята, было бы намного лучше».

«Наплевать», говорит Морган. «Возможно, наш толстячок не так уж и не прав. Знаешь, что, я переживу, буду сидеть дома у телевизора и от души хохотать при виде твоей трусливой белой жопы».

«Я не боюсь», возражает Иисус.

«Тогда в чем проблема?»

«Я не боюсь участвовать в дурацком телешоу».

«Тогда докажи это», говорит Крис.

«Да, докажи это, трусишка».

«Я...», Иисус смеется. «Хорошо. Порядок. Плевать, я вам покажу. Я пойду на этот идиотский кастинг. Окей? Теперь вы, бомжи, довольны?»

«Абсолютно», говорит Крис.

«Ну, и хорошо. Теперь все счастливы. Отлично. Может, закажем все-таки что-нибудь на завтрак, а?»

«Заказывай все, что твоей душе угодно», говорит Морган. «Мы тебя не держим».

«Хорошо. Окей. Я возьму вафли». Он снова открывает ламинированное меню. Редкое мгновение: Иисус нервничает. Морган и Крис тычут друг другу под ребра и откидываются на спинки стульев, чтобы насладиться зрелищем.

«Я возьму вафли», повторяет Иисус.

Глава 6

Здание ABN на Таймс Сквер: пестрая очередь протягивается от западной стороны площади, заворачивает за угол 42 улицы и тянется вниз почти до Восьмой авеню. Огромный кристаллический экран над рекламой кока-колы возвещает горящими буквами: *АМЕРИКЭН ПОП СТАР – ОТБОР НАЧИНАЕТСЯ ЗДЕСЬ!* Конная и пешая полиция патрулирует прилегающие улицы, сгоняет людей с проезжей части и контролирует перекрестки. Хорошо зная, что стоящим в очереди предстоит длинный и жаркий день, вдоль толпы снуют продавцы хот-догов и напитков. Многие из фриков, что стоят в очереди, находятся здесь уже со вчерашнего дня и провели жаркую ночь на теплом тротуаре. Туристы толпятся перед самыми прикольными типами с камерами в руках: будет что рассказать в Омахе, Айдахо или Толедо!

А недостатка в необычных экземплярах для фотоальбома здесь действительно нет. Как, например, эта парочка готов, оба ростом выше двух метров с прическами-ирокезами, окрашенными в розовый цвет сахарной ваты в комбинации с ярко синим. Высота подошв-платформ их индустриально-инопланетных сапог сантиметров пятьдесят. Или эти три одинаковые девушки, наряженные секс-феями в коротких юбках-кринолинах, чулках с резинками, перетянутые корсетами так, что груди выпирают из декольте, и лиловыми волосами. В очереди плечом к плечу стоят супергерои рядом с супертрансами, одетые в пышные костюмы вперемежку с почти голыми, роботы соседствуют с какими-то уж совсем непонятными существами. Многие из них – почти дети, другие – пенсионеры, кто-то производит впечатление почти нормальных, а по некоторым видно, что у них явно не все дома. Многие из них поют, репетируют песни, арии и гаммы. Они толпятся и выставляют себя напоказ многочисленным телекамерам, некоторые из которых принадлежат каналу ABN и снимают сцены, которые войдут в программу, освещающую кастинг. Другие работают по заданию нью-йоркских новостных каналов. Когда очередной автобус с телекамерами проезжает по 42 улице, какая-то девушка из очереди нагибается, задирает юбку и показывает, покачивая из стороны в сторону, белую полную задницу над черными чулками в сетку. Какой-то мужчина падает на одно колено и начинает пронзительно орать песню. Еще одна парочка, великан и карлик – наверное, дуэт - устраивают целое представление: карлик молниеносно взбирается великану на плечи, и оба в унисон

начинают петь. Все вместе – карлики, великаны, старые, молодые, красивые и страшные – все страдают одной и той же болезнью: они считают славу чем-то вроде права, данного им при рождении.

«О, Господи», говорит Иисус и отворачивает свое лицо от проезжающего мимо очередного автобуса с телекамерой. «Какая же стыдоба».

«Расслабься, ДжейСи», Крис в очередной раз пытается его успокоить. «Расслабься».

Иисус перекинул за спину свой Гибсон и пристегнул к поясу усилитель «пяточок». Он уже неоднократно сегодня утром пробовал смыться, но всякий раз Крис убеждал его остаться.

Проходят часы, очередь продвигается вперед сантиметр за сантиметром, хотя собственно Таймс Сквер будто бы и не приближается. Пеший журналист с микрофоном в руке, сопровождаемый телевизионщиками, шерстит вдоль очереди и берет то тут, то там интервью у потенциальных кандидатов. Внезапно он идет в их направлении и сует микрофон под нос двум симпатичным девушкам, стоящим перед Крисом и Иисусом.

«Привет», говорит он. «Я - Том Баркер из утренней новостной программы ABN. Давно стоите здесь, девчонки?»

«Господи! С пяти или шести часов утра, Том. Мы приехали на автобусе из Нью-Джерси. Меня зовут Дебби, а это – Тамми, мы обе – «Ли-и-сички!»». Последние слова они поют хором.

«Вы думаете, что отберетесь на шоу?»

«Сто процентов!» говорит Дебби, «трепещи, Америка». Игнорируя репортера, Тэмми пронзительно кричит прямо в камеру: «*We're coming' atcha!*». После этого обе затягивают в унисон невообразимо ужасную версию песни Бритни Спирс.

«Ох, блин», вздыхает Иисус и смотрит на небо. «Бог, почему покинул меня?»

Саманта Дженсен, руководитель продюсерской службы *АМЕРИКЭН ПОП СТАР*, только сегодня утром прилетевшая из Лос-Анджелеса, прижимает лоб к тонированному стеклу окна офиса и смотрит вниз с пятнадцатого этажа на угол Таймс Сквер и 42 улицы, где толпа производит спокойное и мирное впечатление. «Сколько?» спрашивает она.

«Э-э-э...мы думаем», отвечает ее ассистент Роджер, который сидит на краю письменного стола и смотрит на доску с приколотыми к ней записками с информацией, «почти десять тысяч, плюс двадцать процентов в сравнении с прошлогодним кастингом в Нью-Йорке».

«А в сравнении по всей стране?» спрашивает Дженсен, оборачивается, скрещивает руки на груди и опирается спиной на оконное стекло так, что Роджер видит в лучах низко стоящего послеобеденного солнца только ее силуэт.

«Все супер. Рекордные цифры в Эл. Эй, Чикаго и Сиэтле. Только в Хьюстоне показатели немного ниже. Наверное, из-за жары».

«Мммм...возможно».

Дженсен озабочена.

Еще не так давно, во времена первого шоу *АМЕРИКЭН ПОП СТАР* установил планку на недостижимой высоте, да что там планку, мерило всего и вся. Шоу появилось буквально из ничего и побило все рекорды зрительской аудитории. В настоящее время оно по-прежнему являлось самым популярным в стране. Если им удастся сохранить эту позицию в течение трех лет, можно говорить об успехе, которого не имел никто со времен *Косби Шоу* в далеких восьмидесятых. Но в прошлом году канал NBC запустил проект *Талант США*. Это шоу придерживалось похожего формата, что и *АМЕРИКЭН ПОП СТАР*, но с прицелом на фриков, сумасшедших и придурков, упирая на душещипательные истории из жизней кандидатов. Никто тогда не думал, что программа выживет. Но, как любит повторять их босс: нет предела безвкусице. И действительно, *ТСША* начал второй сезон и уверенно увеличивал число поклонников. Все выглядело таким образом, что Америка вроде бы и интересовалась поиском талантов, но в еще большей степени восхищалась пускающими слюни, выброшенными из реальной жизни, абсолютно сумасшедшими типами из серии «заприте их в психушке и накачайте хлорпромазином». Чем больше таких, тем лучше. Рейтинги симпатий зрительской аудитории *ТСША* росли, конечно, не такими темпами, чтобы представлять серьезную угрозу положению Дженсен в

самом успешном шоу Америки, но достаточными, чтобы заставить босса нервничать. А когда босс нервничал, стоило озаботиться всерьез.

Она снова поворачивается к окну и смотрит вниз на лениво движущуюся очередь. «Ну, тогда погнались», говорит она больше себе, чем Роджеру.

Глава 7

«Окей», кричит один из работников студии, отодвигая Иисуса в сторону, «могу я попросить тебя встать вот здесь, рядом с парнем там...». Он прикалывает Иисусу номер на майку, «и тебя, и тебя тоже». Четверых их ведут по короткому коридору и просят остановиться у двери одного из помещений, где проводится кастинг. Иисус приветствует остальных троих. «Салют, ребята, как дела?»

Тип рядом с ним, вертлявый паренек, одетый во что-то вроде комбинезона из латекса, хихикает себе под нос и тащится вдоль стены, нервно поглядывая из стороны в сторону.

Окей, думает Иисус.

«Это какой твой кастинг, красавчик?» спрашивает его высокий молодой пуэрториканец в белом смокинге.

«О, это мой первый», говорит Иисус. «А твой?»

«Третий», парень морщит нос, разглядывая грязные кеды, заляпанные джинсы и потную футболку Folk Implosion Иисуса. «И как ты только на это решился?» говорит он издевательским тоном и отворачивается, чтобы потренировать гаммы.

«Не бери в голову», утешает его девушка рядом. «Он – козел. Меня зовут Клэр. Я тоже уже в третий раз здесь». Они жмут друг другу руки. Клэр засунула свое полное тело в розовое трико и выглядит, как гигантский психоделический тюлень. «Ты будешь аккомпанировать себе на гитаре?» спрашивает она, заметив у него за спиной Гибсон. «Классно, а что ты будешь петь?»

«Э-э-э...не знаю, я еще об это не...»

«Внимание!» кричит кто-то, и всех четверых заводят в комнату. Там за длинным столом сидит Дженсен и пара ее подмастерьев. Перед ними стоит видеокамера на штативе, а в отдалении застыли два похожих на быка охранника. «Для чего эта игра мускулами?» шепчет Иисус на ухо Клэр.

«Ох, ты знаешь, кастинги просто притягивают сумасшедших». Она просовывает большие пальцы под бретельки трико и отпускает их с громким хлопком. При этом ее подкожный жир волнообразно трясется.

«Окей», говорит Дженсен. «Номер 4410...Лорд Альфонсо?» ее голос звучит, как вздох, когда она называет его имя.

Расфуфыренный пуэрториканец заруливает в центр комнаты. «Вот мы снова и встретились, моя радость!»

«Это точно. Что ты приготовил для нас в этом году?»

«Я спою «Anything Goes».

«Ну да. Пожалуйста».

Трудно передать словами, какое чувство стыда испытывает Иисус, глядя на ходящего гоголем парня в смокинге, который в своей до небес завышенной самооценке издевается над песней Кола Портера. Спустя точно пятьдесят секунд, когда он, по-видимому, собирается исполнить степ, Дженсен поднимает глаза и кричит: «Спасибо, Альфонсо! 4411, пожалуйста!»

Парень отвечает поклоном и гундосит: «Меня зовут *Лорд Альфонсо*, на минуточку». После этого он делает поворот на 180 градусов и уходит из комнаты. «Чертова лесбиянка», бормочет он, сопя, проходя мимо Иисуса.

Клэр выходит вперед и выдает номер акапелла не для слабонервных, ужасающе исполняя «Lucky Star» Мадонны в сопровождении хореографических па, которые выглядят, как если бы пятилетняя девочка отчаянно пыталась не накакать в штаны.

Пары секунд такого зрелища хватает вполне, и Иисус думает: *О-ох, блин горелый....*

Когда идешь по улицам Нью-Йорка, на каждом шагу встречаются люди, при виде которых создается впечатление, что они лишь с трудом контролируют свое безумие: все эти болтуны и краснобаи, официанты, таксисты и уличные музыканты, акробаты и прочие. Это – миллионы тонн несбывшихся надежд и нереализованных амбиций, которые шипят

и искрятся на горячих улицах. Но здесь, здесь это булькающее сумасшествие сконцентрировано в такой степени, что против своей воли придешь к убеждению о способности этого сгустка снабжать энергией целый город, да что там город - страну.

«Спасибо, Клэр», говорит Дженсен уже совсем скоро и поднимает руку. «4412, пожалуйста».

Дерганый тип в костюме из латекса выходит вперед и отвешивает низкий поклон. «Хай, э-э-э... Дитя Луны?» Дженсен смотрит в свои записи. «И что...»

Прежде, чем она успевает договорить предложение, Дитя Луны поворачивается спиной и наклоняется. Отчетливо слышен треск застежки-липучки, когда сзади расходится шов. Он поднимает глаза, теперь лицом к лицу с Иисусом и другими кандидатами, и когда, хрюкая, выставляет задницу продюсерам, его лицо становится красным, как свекла. Спустя мгновение тишины струя жидкого говна вырывается из жопы и шлепается на пол перед столом.

«О, Господи Боже», визжит Дженсен и отскакивает назад, а охранники приступают к работе, выволакивая Дитя Луны за руки из комнаты. Хихикая, он бормочет, не переставая: «Я вам показал... показал, что я умею».

«Теперь понимаешь, что я имела в виду?» шепчет Клэр Иисусу.

Проходит некоторое время, прежде, чем кастинг может быть продолжен. Пока по коридору спешат вооруженные швабрами, ведрами и средствами дезинфекции уборщики, команда меняет помещение. Они ждут в коридоре, и до Иисуса доносятся вопли и крики из других залов для прослушивания, где жюри как раз пытаются песнями «My Heart Will Go On» и «Don't Wanna Miss A Thing»: поскольку босс обожает баллады, они необычайно популярны в шоу. И как доказывают эти обрывки и ошметки дремучих американских поп-мелодрам, кандидатам сей факт слишком хорошо известен.

В конце концов, они оказываются в чистом, свободном от экскрементов помещении, и Саманта Дженсен сверяется со списком в своем блокноте, испуская глубокий вздох. «На чем мы остановились? Ах, да, 4113, Иисус Христос», зачитывает она вслух, и в очередном вздохе слышится нечеловеческая усталость. «Еще один сумасшедший», говорит она Роджеру, «вот с ним закончим, и на сегодня хватит». Она дает знак охранникам, и те вводят Иисуса. «Ну, хорошо», говорит Дженсен, «э-э-э...Иисус?»

«Да, э-э-э...хай».

«Тогда начинай». *Симпатичный*, думает она. *Неумытый, конечно, но симпатичный*.

«Иисус жмурится на яркий свет прожекторов, снимая Гибсон со спины и пристегивая к ремню «пяточок». Пару секунд крошечный усилитель фонит, когда его касается корпус гитары.

«Извините. Так, э-э-э... окей», секунду он размышляет. Дженсен смотрит на часы.

«Э-э-э...окей, окей». Он поднимает палец, кивает себе, как для самоутверждения, глубоко забирает воздух в легкие, его пальцы быстрыми каскадами взбираются вверх по грифу, чтобы закончить вступление открытым аккордом G, при котором он лишь слегка бьет по струнам и мизинцем уменьшает громкость. Иисус поет почти нежно, необыкновенно чисто и спокойно, кивая в такт с закрытыми глазами.

Он еще не закончил и первого куплета, а Дженсен и Роджер уже переглядываются друг с другом. Когда он переходит к припеву, они смотрят только на него, как он слегка водит головой из стороны в сторону с легкой улыбкой на лице и по-прежнему закрытыми глазами, полностью сконцентрирован, мастерски беря аккорды, почти шепотом произнося слова своим кристально чистым голосом.

«*The only living boy in New York...*»

Клэр и охранники, стоящие позади, не верят своим ушам.

После второго припева он импровизирует экономичное, но в высшей степени мелодичное соло, переходя к финалу, выкручивает регулятор громкости гитары до упора и откидывает голову назад, вложив в последние слова песни всю силу экспрессии своего голоса:

«*Hey – let your honesty shine, shine, shine...*».

Дженсен чувствует на своей коже легкое щекотание, будто кто-то проводит по ней перышком. В беспощадном свете прожекторов его ясные глаза сияют, как и его песня, светлые волосы переливаются. Она понимает, что сидит с открытым ртом. Он

заканчивает выступление торжествующим тремоло и открытым затихающим аккордом G на двенадцатом ладу.

Тишина. Потом звук, который Дженсен за время проведенных ею бесчисленных кастингов, слышала всего несколько раз: аплодисменты – от Роджера, Клэр и даже шкафов-охранников.

«Ну, что ж», говорит она, взяв себя в руки, и указывая «Монбланом» на Иисуса. «Садись, мой хороший. И расскажи нам о себе».

Иисус рассказывает им свою историю.

Глава 8

Много позже Саманта Дженсен заканчивает телефонную конференцию со своим боссом и руководителями продюсерских групп, ответственных за остальные кастинги. Когда ее коллеги из Чикаго, Северной Каролины и Калифорнии положили трубки – «Пока, Боб... до скорого, Триш... увидимся, Тед», - она говорит: «Э-э-э...у тебя будет для меня минутка, босс?» и остается на линии.

«Сегодня на кастинге был один тип – я выслала тебе сейчас запись по мейлу - в нем что-то есть».

«Мммм?» Голос босса звучит скучающе, отрешенно, без эмоций. Как обычно.

«Да, правда. И не говори мне, пожалуйста, того, что ты всегда говоришь в подобных случаях. Он пел песню Саймона и Гарфанкела под электрогитару...».

«Боже, Сэм, не обращай ко мне с этой бредятиной. Последнее, что мне нужно в этом дебильном шоу - еще один мудозвон, брэнчащий на гитаре...».

«Я знаю. Да знаю я. Дай мне договорить. Он никогда не дойдет до финала. Но он хорош, на него будут смотреть, у него прекрасный голос, и – сейчас держись – его зовут Иисус Христос. То есть, он уверен, что его послали на землю, чтобы спасти человечество и все такое».

«У него что, на полном серьезе, крышу унесло?» спрашивает босс, значительно более заинтересованно.

«У него сиськи снесло, как ты это называешь», подтверждает Дженсен, неважно имитируя британский акцент. «Ну, хорошо, он не совсем тронутый. Не так, как этот тип, который насрал нам под ноги...».

Босс раздражается лающим хохотом. «*Вот, что ты должна была мне прислать*».

«Но он однозначно стоит того, чтобы дать ему шанс».

«Порядок. Твое решение, пока. Держи меня в курсе».

«Конечно. Чао, Стивен».

«Все ясно, пока».

Клик.

Глава 9

Невыспавшийся, со слезящимися глазами Иисус тащится на следующий день к стойке регистрации комплекса AVN с засунутыми в карман заполненными и подписанными анкетами. Они все в пятнах кофе и вина и разводах от пепла многочисленных косяков и сигарет – в конце концов, анкеты до раннего утра были предметом жарких дебатов между ним, Крисом и Морганом.

Иисус и Крис уже заполнили анкеты, тщательно вписав в графы личные данные, немного приукрасив их в нескольких местах, когда Морган бросил внимательный взгляд на текст, написанный мелким шрифтом.

«Боже правый», закричал он. «Этого нельзя подписывать».

«Почему нельзя?»

«Вы, полные идиоты, этого вообще не читали? У рабов, которые строили пирамиды, было больше прав. Смотрите...»

Они внимательно читают все.

Выясняется, что Иисус передает продюсерам не только эксклюзивные права на всю свою будущую карьеру. Кроме этого, после окончания последнего шоу *АМЕРИКЭН ПОП СТАР* он не имел права без их согласия что-либо записывать и где-либо выступить, и уж

тем более в похожем шоу. Далее, он разрешал им использовать свой образ всеми возможными способами и для любых целей. Он передавал продюсерам шоу свои права на мерчандайзинг, закреплял за ними эксклюзивную опцию, по которой они становились его менеджерами и имели право на приобретение авторских прав на его песни. Он соглашался участвовать в рекламных роликах многочисленных концернов, являющихся спонсорами шоу, таких, как «Инграмс Софтдринк Компани», «Кейбл анд Вайр Телефон», «Пауэлл Мотор Корпорейшен», «Грейн Хоул Сериал», «АПС Компьютер Геймз» и «Белл Джинс», а также других фирм, которые в будущем будут спонсорами шоу *АМЕРИКЭН ПОП СТАР*. Он был обязан по решению продюсеров участвовать в *соответствующих* мероприятиях по продвижению продукта, и, чтобы не возникало толкований, пояснялось: *соответствующим* мероприятие могут признать только продюсеры. Ему было запрещено без их письменного согласия получать какую-либо материальную или финансовую помощь от других фирм.

«Ты подумай», сказал Морган, «они могут заставить тебя одеться в какую-нибудь дрянь, пить их дурацкую колу и при этом петь песню, которую ты хотя и написал, но она тебе не принадлежит. Ты будешь сидеть в машине, собранной на заводе вонючего уroda, который продает оружие африканским деспотам, и играть в дебильную компьютерную игру на дебильном смартфоне. По ходу они будут зарабатывать кучу бабла, а ты – получать в лучшем случае пять центов с доллара. Блин, кто составил этот контракт? Лично Сатана?»

«Да, но, если ДжейСи не подпишет», сомневался Крис, «тогда шоу для нас умрет. Так?»

«Насрать на это шоу, Крис. Я – музыкант, и такой грабеж не по мне».

«Это понятно», сказал Крис, «я тебя понимаю, старик. Но дай нам засунуть ногу в дверь, а потом...».

«Нельзя быть немножко беременной, чувак».

«Ребята, ребята», пытался успокоить их Иисус.

И так продолжалось без конца: прагматизм против идеализма, реальная политика против четкой позиции, троянский конь против стенобитного орудия, «цель оправдывает средства» против «ебись они все конем, эти козлы», пока, наконец, Иисус не смахнул в три часа утра анкеты с ночного столика и просто не подписал их на полу.

«Ну, вот и хорошо!» сказал Крис.

«Ты рехнулся?», возмутился Морган. «Старик, а я-то думал, что ты против этого бездушного, кровососущего, империалистического, эксплуататорского говна!»

«Морган», объяснил Иисус. «Успокойся. Для беспокойства нет никаких причин».

«Но ты как раз согласился...»

«Ни черта они не получают от меня. Я просто спою пару песен».

«Они сошлются на контракт».

«Ну, и? Что потом?»

«Они засудят тебя».

«И?» Иисус прикурил, ухмыляясь, косяк.

Морган, постепенно догнавший мысль ДжейСи, тоже ухмыльнулся.

«Э-э-э?» сказал Крис.

«Старик, что ты получаешь, когда выигрываешь судебный процесс?» спросил Иисус.

«Деньги».

«Точно», сказал Иисус. «И если они у меня их найдут, то пусть забирают. Что за проблема?»

«Вы полностью заполнили анкеты?» спрашивает дама на стойке регистрации.

«Так точно», отвечает Иисус и кладет бумаги на стойку.

«Отлично. Тогда увидимся в Эл. Эй. Мои поздравления».

«Эл. Эй?» спрашивает Иисус. «Что в Эл. Эй?»

Глава 10

«Эл. Эй?», спрашивает Бекки.

«Вау, классно», кашляет Мег.

«Я не могу в Эл. Эй», говорит Иисус. «Я думал, все состоится здесь. В Нью-Йорке. У нас здесь дела. У нас ответственность».

Они висят вместе на Юнион Сквер, пытаюсь найти под деревьями немного тени. Дети катаются на качелях неподалеку, августовское солнце безжалостно палит с неба, и переваливающиеся мимо голуби почтидохнут от полуденного зноя. Мег трясется, несмотря на жару. Соломенного цвета волосы она спрятала под грязной шерстяной шапочкой и вытирает рукавом свой постоянно текущий нос. У нее уже несколько дней ломка, она пытается выдержать то, что у Бекки уже позади, и по ее воскового цвета лицу можно догадаться, насколько ей плохо.

«И что это за ответственность?» спрашивает Морган.

«Кто позаботится о Гусе и Дотти?» Иисус показывает на стариков, которые лежат на скамейке в нескольких метрах от них в тени и прикладываются по очереди к бутылке с сивухой. «А? Или о Бобе? Или о Мег?»

«Я справлюсь», говорит Мег. «Худшее уже позади».

«Мы справимся, пока тебя не будет», Морган кивает Крису.

«Хэ-э-эх...», откашливается Крис.

«Что еще?» спрашивает Морган.

«Я думал тоже поехать в Эл. Эй». Крис лепечет, опустив глаза в землю и рисуя на земле линии дырявой кроссовкой.

«Что ты говоришь?» Морган морщит лоб. «И зачем тебе туда, позволь спросить?»

«Ну... для поддержки».

«Послушай, ты, эгоист, здесь достаточно людей, которым нужна *поддержка*.

Например, чтобы заплатить за квартиру».

«Ну и жара», стонет Иисус.

«А как ты думаешь добираться туда?» спрашивает Крис Иисуса.

«Они мне дали вот это», говорит тот, сует руку в карман, достает мятый конверт и протягивает Крису.

«Ни хрена себе», удивленно говорит Крис пару секунд спустя. «Знаешь, что это?»

Иисус, Морган и Бекки смотрят на него. «Э-э-э... я полагаю, билет на самолет», говорит Иисус.

«Это», объясняет Крис и поднимает билет над головой, «билет туда и обратно первым классом с открытой датой в Лос-Анджелес. Ты представляешь себе, сколько он стоит?»

«Э-э-э...», говорит Иисус, который совершенно точно *не представляет*, сколько может стоить билет, «...долларов пятьсот, наверно?»

«Скорее пять тысяч, дружок».

«И?» спрашивает Морган.

«Когда ты должен быть в Эл. Эй?»

«За день до Дня Труда. Через пару недель».

«Крис ухмыляется. «Ты же не оставишь своих людей на произвол судьбы, пока будешь в Эл. Эй, правильно?»

«Правильно».

«Что если, гора пойдет к Магомету?»

«Что ты несешь, жиртрест?» спрашивает Морган.

«Я имею в виду роудтрип...».

Крис объясняет: они сдают билет на самолет и покупают на вырученные деньги микроавтобус за тысячу долларов, которых полно продается в Бруклине. Они все затискиваются в него и едут через всю страну. Двух недель хватит за глаза, чтобы вовремя оказаться в Эл. Эй. И у них останутся еще четыре тысячи долларов: достаточно денег, чтобы заплатить за месяц вперед всем за квартиры, за бензин во время поездки и за мотели, еду и все остальное, что им понадобится в пути. Как выясняется, для Иисуса забронирован отель «Шато Мармонт» в Голливуде. «Это, как отпуск», говорит Крис и прыгает на одной ножке. «Вон из города, лето в Эл. Эй. Будем зависать на пляже. Ну, кто против?»

«Блин, наверное, мы будем там очень недолго», сомневается Иисус. «Меня выпрут из шоу за ноль целых, хрен десятых секунды».

«Эй, дети», кричит взволнованно Бекки в сторону качелей, «мы уезжаем в отпуск».

«Ура-а-а!» ликуют мальчишки хором.

«О, господи», стонет Морган.

Часть Третья

Роудтрип

«Когда ты появляешься на свет, то получаешь билет на шоу фриков. Если ты родился в Америке, твое место - в первом ряду».

Джордж Карлин

Глава 1

Визжа тормозами и лысыми покрышками, автобус останавливается у дома. Морган, сидящий снаружи на ступеньках, слегка приподнимает свои солнечные очки и говорит: «Твою мать...». Мотор взвывает последний раз, со скрежетом открывается старомодная дверь гармошкой и по алюминиевым ступенькам гордо спускается толстый Крис с лицом, как будто он только что выиграл в лотерею.

«Ты не поверишь, сколько я отдал за него, старик».

«ДжейСи», кричит Морган через плечо в темноту подъезда, откуда Иисус как раз выволакивает на улицу последние вещи, «ты должен это видеть».

Появляется Иисус, закрывается рукой от слепящего света, исходящего от серебристого кузова автобуса, отражающего полуденное солнце, и наблюдает следующую сцену: Морган, едва стоящий на ногах от смеха, и преисполненный гордости Крис, позирующий перед огромным, грязным, старинным списанным автобусом «Грейхаунд», который, и полминуты спустя после того, как Крис выключил зажигание, трясется и хлюпает, пока, наконец, чихнув в последний раз, не затихает. Вокруг них раздаются возмущенные гудки такси и других машин, которые пытаются объехать огромного ржавого монстра.

«Блин, Крис...», произносит Иисус и становится в тень гигантской машины, «нас ведь только девять человек».

«Послушай, толстый», говорит Морган откровенно, «ты совсем тронулся? Сколько лет этой куче металлолома?»

«Старик, послушай, эти штуки строили, как авианосцы. Эта красавица прошла 230.000 миль и с легкостью пробежит еще столько же».

«А больше не пробежит?» спрашивает Морган.

«Я знаю, вы сейчас думаете», продолжает взволнованно Крис и толкает их в автобус, «*что эта штука жрет, наверное, прорву бензина, так?*»

«Нет, я совсем не об этом подумал», отвечает Морган. «Моя мысль работала, скорее, в направлении вопроса: «Что, мать твою, стало с идеей приобрести микроавтобус? Понимаешь, *микро?* А эта штука – это такое *макси*, что мама не горюй».

«Вы подумайте, я же все досконально просчитал: мы просто вырвем пару рядов сидений, положим туда матрасы и сэкономим больше денег на мотелях, чем заплатим за бензин. Ну, идите, я вам все покажу».

Когда они заходят в автобус, в нос им ударяет запах, который едва не валит их с ног. «Фу-у», Морган зажимает нос.

«Ну да, маленькая весенняя уборка ей не повредит...»

«Ей?» перебивает его Морган.

«Сейчас послушайте меня, ребята. Тип, который продал мне это сокровище, сказал... Вы меня слушаете, чуваки? Вы не поверите: он сказал, что на ней раньше ездили Блэк Саббат!».

«Интересно», спрашивает Морган, «они использовали автобус, как сортир на колесах?»

«Ну почему у тебя всегда один негатив?» спрашивает Крис.

Иисус идет по проходу между сиденьями. «Она довезет нас в целостности и сохранности до Эл. Эй?» задает он вопрос.

«И назад, старик», отвечает Крис. Морган усмехается.

«Здесь ведь есть кондиционер?» спрашивает Иисус.

«Как же без кондиционера, мы будем ехать в приятной прохладе».

«Знаете, что? А она мне определенно нравится», говорит Иисус.

«Я знал!» улыбается Крис и бежит назад по проходу. «Я только принесу немного воды. Мне сказали, чтобы я регулярно подливал воду в радиатор, если на улице жарко».

«Что-то не в порядке с радиатором?» кричит ему вслед Морган. Но не получает ответа и видит лишь удаляющуюся спину Криса, прежде чем тот скрывается в подъезде. Иисус смеется. «Наш толстячок провернул дельце, а?»

Вздыхая, Морган садится на сиденье напротив Иисуса. «Попробуй посмотреть на себя критическим взглядом. Наш толстячок появляется с горсткой бобов, а ты ведешь себя так, как будто он отхватил самую жирную корову в городе. И валяешься тут с улыбкой до ушей. Если бы ты захотел, мог бы пару часиков уютно провести в первом классе, держа в руке ледяной коктейль и жаркую стюардессу под боком, которая этот самый коктейль тебе с улыбкой протянет. Я имею в виду место в самом носу «Боинга 747». И красавицу с крепкой попкой, которая взобьет тебе подушку и подаст горячую салфетку, пока ты будешь выбирать между стейком, цыпленком и десятком фильмов. Скульптуры из мороженого, омары, настоящий фарфор и все такое. Но вместо этого ты предпочитаешь поджарить собственные яйца в этой гигантской консервной банке, путешествуя с девятью сумасшедшими. Я спрашиваю себя, почему ты всегда выбираешь самую трудную дорогу?»

«Общность, думает Иисус, лежа на спине на потрескавшихся сиденьях из кожзаменителя, вглядываясь в куполообразный кремовый потолок и вдыхая вонь пердежа, выпущенного в эти сиденья лет эдак за сорок. Вот, что здесь внизу было не так, как надо: никто уже не воспринимал ценность общности. Конечно, у *них* была своя собственная маленькая общность. Пусть она состояла из алкоголиков, наркоманов и прочих фриков, но это была маленькая общность. Это был его мир, но он был очень хрупким. Да он проклял бы себя, если бы смылся, возможно, на несколько месяцев и лишил бы их защиты, предоставив самим себе.

«Знаешь, что, Моргс», говорит Иисус и зевает, «иногда не столь тяжела сама дорога, как дорога к причине, по которой ты ее выбрал».

«Иногда не столь тяжела сама дорога, как дорога к причине, по которой ты ее выбрал?» повторяет медленно Морган.

«Ага».

«Может, мне это записать? И присовокупить к другим чудесным изречениям, чтобы проповедовать твое учение и всю остальную ерунду после твоей смерти?»

«Не надо себя заставлять».

«Блин, чувак. Посмотрим, как ты запоешь, когда мы окажемся где-нибудь в жопе мира, на солнцепеке со сломанным кондиционером в этой никому не нужной куче металлолома. И ты на полном серьезе думаешь, эта ржавая мясорубка довезет нас до...»

«Мммм...», бурчит Иисус, натянув бейсболку на глаза. Жара сморила его. Голос Моргана превращается в приятное гудение, а его ворчание - в убаюкивающее бормотание, и Иисус, наконец, засыпает.

Глава 2

Они покидают Нью-Йорк в последнюю неделю августа. Большой серебристый автобус чихает и дергается по дороге через город, по Коламбус авеню и 9 авеню на Западную 41 улицу и встраивается в пробку перед въездом в туннель Линкольна. Там, под Гудзоном, миллионы тонн воды над головой, малыши Майлс и Дэнни носятся взад-вперед между рядами сидений с визгом и криками, ведь оба – если не считать вылазки на пляж острова Файр прошлым летом – еще никогда не покидали Манхэттена. И тут, неожиданно они все уезжают из города, и мимо них проносится зелень Нью-Джерси, а Иисусу бросаются в глаза многочисленные таблички «ПРОДАЕТСЯ» рядом с домами, проклятье, *слишком много* табличек «ПРОДАЕТСЯ». ДжейСи наблюдает, чем занимаются другие.

Боб сидит в последнем ряду и смотрит, дергаясь и бурча что-то под нос, в окно; Гус и Дотти в десять утра с песнями открывают бутылку спиртного; Мег, потея, бросает на пол сопливые бумажные носовые платки; Бекки гоняет, смеясь, своих визжащих детей; Крис

невозмутимо восседает за рулем, как на троне, в солнечных очках с зеркальными стеклами, как бы, не обращая внимания на гудки и взгляды других участников движения, а Морган пытается учить его, по какой полосе можно проехать быстрее. Иисус умиротворенно улыбается и бренчит на гитаре, огромные шины шуршат под ним по асфальту, а он смотрит на автостраду, уносящую их из Манхэттена, этого острова на Восточном побережье прямо навстречу настоящей Америке.

Крис окрестил пожилую даму «Касаткой» и провел последние перед отъездом дни в ее подготовке к путешествию. Позади водительского места появился маленький холодильник. Боб помог подсоединить его к генератору и намертво привинтить к полу. Теперь в нем находились холодные напитки, нарезка и немного метадона для Мег, чтобы помочь ей выдержать ближайшие дни. В задней части, отгороженной занавеской, лежали два двойных матраса, по обеим сторонам автобуса, а поскольку по совету Криса они выломали пару рядов сидений, места для матрасов хватило. Еще один матрас лежал примерно посередине автобуса справа по ходу движения. Гус и Дотти спали, как они привыкли: на одном ряду сидений с бутылкой в обнимку. Боб, казалось, вообще никогда не спал. Оставались, следовательно, включая двоих детей, семеро, для которых этих матрасов вполне хватало. В автобусе были даже старый маленький телевизор и видеомэгафон. Морган рассказывал, что на стоянках можно купить кассеты с фильмами по доллару штука, поскольку все уже перешли на DVD. *Крис был абсолютно прав*, думал Иисус, когда к нему приблизился, качаясь в проходе, Морган и сунул в руку толстый косяк: *здорово, когда есть столько места*.

И что за проблема, что их скорость не превышает шестидесяти миль в час? *АМЕРИКЭН ПОП СТАР* начинается накануне Дня Труда, а это значит, чтобы добраться до Эл. Эй. у них есть почти десять дней. Они должны были, следовательно, за день проезжать только двести пятьдесят миль, что означало, учитывая движение на дорогах, необходимость остановок, чтобы сходить в туалет, и обычные поломки около шести или семи часов в день. Поэтому не было никаких причин париться. Хотя париться им пришлось все равно. Потому, что даже Боб не смог наладить одну вещь: допотопный кондиционер автобуса. Да плевать... Иисусу приходилось переживать и худшее. Это была сущая ерунда по сравнению с сухой жарой тогда в Израиле. Вот это было по-настоящему неприятно: как будто бы каждое утро ты засовывал голову в духовку.

«Эй, ты». Иисус поднимает глаза. Перед ним стоит Бекки с видеокассетой в руке. Она тычет ею ему в коленку. «Давай, посмотрим?»

Иисус стонет. «Черт, блин, может не надо? Не сейчас?»

«Да, ладно, давай, ты же должен приблизительно представлять себе, что тебя ожидает».

Со вздохом он откладывает гитару в сторону и хватается за протянутую руку Бекки, которая поднимает его с сиденья. Опираясь на спинки, они пробираются по проходу мимо спящего Моргана.

«Все хорошо, Крис?», кричит Иисус в сторону кабины водителя. Толстый большой палец Криса появляется перед ними, а из-за занавески раздается его восторженное «Лучше быть не может!»

«Садись». Бекки толкает его на сиденье перед телевизором и вставляет кассету в видеомэгафон.

Бекки была единственной из них, кто регулярно смотрел телевизор. Она знала об *АМЕРИКЭН ПОП СТАР* все: о первых двух шоу, об участниках, ставших звездами, о процессе отсеивания кандидатов и о самой телепередаче. Иисусу все казалось довольно просто: один раз в неделю надо было выступить с песней, и если достаточное количество телезрителей за тебя проголосовали, ты оставался в шоу еще на неделю. Так стоило ли смотреть заранее на это убожество?

«Ну, Бекс! Ну, зачем все это?»

Она прижимает свой указательный палец к его губам и садится рядом с ним. После нескольких секунд шипения и манки на экране они смотрят середину такого эпизода: чернокожая девушка, а именно довольно *толстая* чернокожая девушка, поет «Респект» Ареты Франклин. Если смотреть на малышку без звука, на ее массивное тело, круглое лунообразное лицо, закрытые в экстазе глаза, можно предположить, что у нее потрясающий голос. По крайней мере, так думает Иисус. Но это было бы абсолютно

неверным. Она просто измывается над Аретой: неправильная тональность, перевернутый текст. Все выглядит так, будто она поет песню, которую услышала лет пятнадцать назад от случайного прохожего, который ее насвистывал. Переходя к припеву, девушка вопит: «PPP-EEE-ПППП-ТТТ-ССС-EEEE-K!».

«P-E-P-T-C-E-K?», повторяет вопросительно Иисус. «Что, к дьяволу, означает «Рептсек?»»

Потом камера наезжает на женщину, которая, как предполагает Иисус, входит в состав жюри. Она тоже чернокожая, средних лет со следами былой красоты. Отчаянно пытаюсь сдержать смех, она засовывает себе в рот кулак и нервно смотрит по сторонам. «Это – Дарси ДеАнджело», объясняет Бекки. «Она - добрая».

Когда девушка переходит к следующему куплету, камера отъезжает вправо и показывает белого мужчину, уже не молодого, в теле и с бородой. Он закрыл лицо рукой и следит за выступлением девушки сквозь растопыренные пальцы. «Это – Херб Штутц», продолжает Бекки. «Он - известный рок-менеджер. Иногда может быть ядовитым».

«Все понятно», коротко кивает Иисус. «Ядовитый. Я понимаю».

На экране снова появляется лицо поющей девушки как раз в тот момент, когда она проорав «РЕСПЕКТ!», неожиданно заканчивает песню. Запрокинув голову, она стоит в серебристо голубом свете прожекторов и купается в аплодисментах своего кажущегося триумфа, хотя бурные овации однозначно означают иронию. Снова новый кадр, который показывает еще одного члена жюри, единственного, который пока не появлялся на экране. Он моложе, ему лет, наверное, под сорок, загорелый и симпатичный. Белая рубашка и зачесанные с гелем назад темные волосы переливаются в свете студии. Его лицо - непроницаемо. «Это – Стивен». Бекки шепчет его имя почти с благоговением, а тот факт, что совсем необязательно называть фамилию, намекает, похоже, на безграничную власть.

«Он добрый или ядовитый?» спрашивает Иисус. Бекки только смотрит на него и качает головой.

Первым камера показывает Херба Штутца, который говорит с сильным нью-йоркским акцентом, таким сильным, что Иисусу кажется, что тот родом откуда-то со Среднего Запада. «Итак, Симона, детка, ты меня слушаешь? Тебе понравилось у нас сегодня, правда?» Симона хихикает, с энтузиазмом кивая, все еще не до конца оправившись от возбуждения во время выступления. «Отлично, это хорошо, тогда сохрани эти приятные воспоминания, потому, что дальше ты, по моему мнению, в этом конкурсе не пройдешь».

Симона выглядит растерянной, и слово берет Дарси ДеАнджело. «Симона, мне жаль, ты же знаешь, как я не люблю быть одного мнения с Хербом. Но я тоже считаю, что ты не пройдешь дальше. Однако ты ведь будешь продолжать петь, обещаешь? Тебе надо много работать над своим голосом, но твоя артистичность достойна всяческих похвал. Так держать, крошка! Ты действительно отдала песне все, что могла!» Публика хлопает в ладоши и ликует, слушая этот дружеский отказ, а Симона облегченно улыбается и выдыхает едва слышное «Спасибо», вытирая пот со лба. И вот камера наезжает на этого Стивена, который поражает Иисуса темнотой своих глаз, заметной даже на заезженной кассете и экране древнего телевизора, и холодной официальностью британского акцента.

«Да, спасибо большое, Дарси», говорит он. «К большому сожалению, нет резона «отдавать все», если не можешь дать ничего, кроме дымящейся кучи говна». Дарси ДеАнджело качает головой, публика недовольно гудит, Симона пытается что-то сказать, но этот Стивен поднимает руку. «Пожалуйста, как тебя звать? Симона? Дай мне договорить. Я слушал твое пение и, наверное, вправе рассчитывать на то, что и ты меня одну минуту послушаешь, не так ли? То есть, если ты не против, я тоже хотел бы кое-что сказать».

«Нет проблем. Я Вам этого не запрещаю», отвечает Симона, упрямо скрестив руки на груди.

«Вообще-то – это издевательство», продолжает он, «что мы должны здесь сидеть и выслушивать такое. Это тебе понятно, так? Ты чем занимаешься вообще? Чем зарабатываешь себе на жизнь?»

«Я работаю в «Ин Энд Аут Бургер» в ...».

«Ну, хорошо, если я приду туда и закажу пятнадцать гамбургеров, буду смотреть, как ты их готовишь, а потом скажу: «Я вообще терпеть не могу гамбургеры», то ты на меня совершенно справедливо рассердишься, потому, что я украл у тебя время, не так ли?»

«Послушайте, Вы», говорит Симона уже с легким акцентом человека, выросшего в гетто, «я знаю, что я...».

«Ты вообще ничего не знаешь, красавица. Ты – ноль. Пустое место. Ты здесь лишняя». Публике не хватает воздуха. «Пошла вон. Прекрати красть мое время».

Симона борется со слезами.

«Ну, хватит», говорит Дарси, поворачиваясь возмущенно в его сторону. «Хорошо, тебе не нравится, как поет девушка. Но это еще не повод, чтобы...»

«Ох, Дарси, кыш, брысь в корзинку», отвечает Стивен. «Я же делаю ей благо. Что за смысл внушать ложную надежду?»

«Не слушай его», требует Дарси у Симоны.

«Э, нет, ты выслушаешь меня, Симона», парирует Стивен. «Получай наслаждение от песен, которые ты будешь петь своим гамбургерам, когда их переворачиваешь потому, что другой благодарной публики у тебя не будет никогда!»

Симона раздражается рыданиями.

«Я не могу этого больше слушать», говорит Дарси и встает.

«Ну, все, все», пробует разрядить обстановку Херб.

«Опять двадцать пять», вздыхает Стивен. «Драматический уход Дарси со сцены. Скучно. Бывай, Дарси. Пока, Симона». Когда он машет рукой плачущей девушке – а это только легкой шевеление пальцев – гудение в зале становится громче.

«Ты – мерзкая сволочь», кричит Симона сквозь слезы, покидая сцену.

«Правильно подметила», говорит Стивен. «Я – мерзкая сволочь. Следующий!»

«Можешь остановить?» просит Иисус.

Бекки наклоняется вперед и нажимает на паузу. Картинка застывает, показывая крупное, а от того не слишком четкое изображение лица Стивена с жестокой и одновременно лаконичной улыбкой на губах.

«Я не понимаю», говорит Иисус.

«Чего?», спрашивает Бекки.

«Эта девушка, она же пела...ужасно, ведь так?»

«Да».

«Но, когда я был на кастинге в Нью-Йорке, они отсеивали даже таких, которые были намного лучше ее».

«И?»

«Я предполагаю, что все эти люди», он показывает на нечеткое лицо на экране, «или, по крайней мере, те, кто на них работает, знали еще до ее выступления, как она поет, правильно?»

«Конечно».

«Почему же они взяли ее в шоу, если она так плохо поет?»

Бекки, молча, смотрит на Иисуса, смотрит в эти ясные голубые глаза – конечно, они немного покраснели от марихуаны, которую курят в автобусе -, на его светлые волосы, которые, как жидкое золото падают ему на плечи и будто бы горят в солнечном свете. О, да, думает Бекки не в первый раз, *то, что я вижу, это – абсолютная невинность*. Верит ли Бекки Иисусу, что он Иисус? Ни единой секунды. Но он ей помог совершенно без всяких на то причин. Он не предпринял ни единой попытки сблизиться с ней, хотя она не раз видела, как он снимал других девчонок, вернее, по правде говоря, скорее они снимали его. Бекки часто спрашивала себя, почему все происходит именно так.

«Э-э-э... чтобы ее унижить. Я думаю, что зрителей это развлекает», говорит Бекки, и ей становится стыдно, что даже она понимает то, чего не понимает он.

«Вау, значит, когда этот англичанин, этот ...Стивен?»

«Стивен Стелфокс».

«Когда он возмущался, что она крадет его время, он знал заранее, что она будет красть его время?»

«Думаю, да».

«Понимаю», говорит Иисус. «То есть, он просто притворялся? Это был...театр?»

«Да. Шоу». Бекки встает и вынимает кассету из видеоманитофона.

«Но», Иисус еще не закончил, «эта девушка, она что, была убеждена, что умеет петь?»

«Это не редкость среди участников. Хочешь лимонаду?»

«Может быть, она не совсем нормальная?»

«И это не редкость среди кандидатов».

«Другими словами ты говоришь мне, что американцы получают удовольствие, когда смотрят по телевизору, *как над людьми с расстройством психики смеются и издеваются?*»

«Мммм...Скорее всего, это так, ДжейСи. Просто удивительно, насколько мы испорчены, правда?» Бекки исчезает в направлении холодильника.

Нет, думает Иисус и смотрит ей вслед, *не удивительно*.

Он думает об истории, которую ему рассказал один парень много лет назад. Матвей? Или это был Иоанн? Или Лука? Блин, вот память. Хотя прошло-то уже две тысячи лет, а они тогда еще и вином упивались в стельку. Плевать. Один парень проезжал однажды по какой-то римской провинции, и кто-то пригласил его на представление в маленькую временную арену. Римляне любили эти игрища. У них были политзаключенные, уголовники, подозреваемые в чем-то, которых они заставляли сражаться. Маленькие, хилые человечки, выходившие на бой против быкоподобных вооруженных до зубов киллеров, против львов, диких зверей и тому подобных. Некоторые заключенные были больными, умственно отсталыми. Они называли их *идиотами*. Однажды два таких беспомощных идиота должны были сражаться с огромным *медведем*. Эти больные люди даже не поняли, что с ними произошло. Они ходили по арене, улыбаясь и пуская слюни, а медведь, появившись там, просто разорвал обоих на куски. А потом сожрал на глазах у зрителей. И зрители надрывали себе животы от хохота.

Все те же старые игры, думает Иисус.

Глава 3

«Но я не понимаю, в чем проблема: до первого шоу еще две недели. В отдельных программах мы уже показываем каждые полчаса пятнадцатисекундные ролики, а длинные тридцатисекундные клипы идут на разных каналах каждый час, и все это для отобранной целевой аудитории. Я действительно не представляю, что мы еще можем ...»

Не оборачиваясь от окна, так, что присутствующие могут видеть только его черный силуэт на фоне деревьев и крыш Бербэнка, Стивен Стелфокс поднимает правую руку с поднятым указательным пальцем. Как кто-то, кто ловит такси в полной уверенности, что оно сейчас остановится. Данни Плессман, новый заместитель начальника отдела маркетинга канала ABN, замолкает на полуслове, как и все остальные в конференц-зале. Стелфокс поворачивается, дружески улыбается Плессман и спрашивает ее без малейшего намека на неприязнь в глазах: «Почему ты назвала меня сейчас мудаком?»

На некоторое время воцаряется полная тишина. Плессман, не понимая, что происходит, говорит только: «Я, э-э-э...Простите?»

«Мудаком, Данни...Тебя ведь Данни зовут, правильно? Да, мне показалось, что ты сейчас назвала меня мудаком. Я же больше ни о чем не прошу, кроме небольшой поддержки, чтобы соответствующим образом позиционировать шоу на рынке, а твоя реакция на эту просьбу такова, что ты при всех называешь меня мудаком и просишь отъебаться от тебя». Те из присутствующих, кто входит в ближайшее окружение босса, с трудом сдерживают улыбки.

«Я совсем не хотела...»

«Что я тебе сделал, Данни? Кроме того, что принес твоему сраному каналу миллиарды долларов спонсорских денег?»

«Стивен, пожалуйста. Я могу сказать только, что я, то есть, мы, ну, наш канал уверен в том, что делает все возможное для...»

«Я объясню тебе, как все должно быть». Стелфокс снова занимает место в кресле во главе большого овального стола для переговоров. «Мы превратим пятнадцатисекундные ролики в полноформатные клипы. А этот бред про «целевую аудиторию» я не хочу больше слышать. Я хочу везде полноценную программу».

«Что значит, вез...»

«Это значит, блядь, ВЕЗДЕ!», рычит Стелфокс.

Плессман вжимается в кресло.

«Это значит, что на следующей неделе я полечу в какие-нибудь арizonские перди, где процветает инцест, и все трахают друг друга в жопу, найду самую паршивую улицу в этой глуши, ведущую прямо в лес, и спрошу какую-нибудь выжившую из ума старую дуру, которая за весь год, блядь, проводит перед телевизором часов пять, когда начинается шоу, и на каком канале его будут показывать. И если она мне, как из пистолета, не выпалит с точностью до минуты точное время начала передачи, я вернусь сюда, приду к тебе в офис, вырежу твои яичники ржавым ковровым ножом и сожру их у тебя на глазах, чтобы ты никогда не смогла зачать себе паршивого ребенка, который однажды на совещании по маркетингу мог бы назвать меня мудаком».

Плессман пытается что-то возразить, но решает, что лучше будет промолчать. У нее на лице большими буквами написано: «Но, Вы это несерьезно, правда?». Она ищет поддержку у других участников совещания и не находит. И да, это было сказано серьезно.

«А если кто-нибудь из руководства канала с этим не согласен, пусть обратится к Джеймсу Треллику из «Треллик и Ко.», чтобы мы собрались и поговорили о моем контракте, который – какое совпадение – заканчивается с окончанием шоу и должен быть продлен».

Пауза. Тишина. Люди шуршат документами и играют авторучками. Стелфокс берет с тарелки печенье, кусает его и говорит с набитым крошками ртом: «Аминь?»

«Я все передам», говорит Плессман, стараясь выдавить из себя улыбку.

«Спасибо, моя сладкая», отвечает Стелфокс, все еще жуя. «Что у нас следующим вопросом?»

«Иск», говорит Ивэн Литт, заместитель начальника правового отдела ABN. «Девушка, выступавшая в шоу, попала в психбольницу. Ее семья утверждает, что ты ее психически дестабилизировал».

«Да пошли они...», вздыхает Стелфокс.

День обещает быть долгим.

Глава 4

Этой ночью они пересекли Огайо. Автострада была почти пустая, только большой серебряный автобус катил в теплой темноте.

Морган, растянувшийся на последнем ряду сидений, встал первым. Он проснулся с мыслью о чашке крепкого кофе. Зевая и почесывая кожу головы под густой прической «афро», он смотрит в заднее окно автобуса. Солнце уже стоит над горизонтом и выхватывает из рассветных сумерек очертания огромных грузовиков на парковке рядом с ними.

Морган еще никогда не просыпался в Индиане. Он смотрит на утреннее движение по автостраде, проходящей позади исчерченной шинами грунтовой парковки. За широкой дорогой перекачиваются волны желтых пшеничных полей, как в рекламе хлопьев на завтрак. *Здесь где-то должен быть кофе. В таких стаканчиках из пенопласта.*

Пробираясь по проходу между сиденьями, он слышит впереди голоса: малыши, Майлс и Дэнни, сидят на своем матрасе и рассматривают комиксы. «Привет, дети», говорит Морган, «уже не спите в такую рань? Когда вы проснулись?»

«Только что. Мы хотим есть», отвечает Дэнни.

«Потерпите еще немного. Я разбужу остальных, и мы пойдем раздобудем большой жирный завтрак дальнобойщиков».

«А там будут блинчики?» спрашивает Майлс.

«Ты можешь поспорить на свою маленькую белую задницу, что там будут блинчики, сынок. Дядя Морган покажет тебе, как нужно есть блинчики».

Он находит Иисуса, лежащего на спине на трех сиденьях, одетого, свесившего ноги в кедрах, в натянутой на глаза шерстяной шапочке, все еще спящего глубоким сном. Этот тип засыпает, как только закрывает глаза. А потом еще спит, как младенец. Вот так, наверное, и выглядит сон праведника, предполагает Морган. Он трясет его: «Эй, вождь».

«Мммм, Морган». Он медленно открывает свои невозможные голубые глаза. «В чем дело?»

«Все в порядке, старик. Дети хотят есть. Дай мне денег, я пойду и принесу блинчики с жареным беконом».

«Ух, ты, здорово». Иисус садится, зевает и шарит в карманах. «Как спал, хорошо?»

«Очень хорошо. Ты слышал, как барабанил дождь сегодня ночью?»

«Не-а».

«Блин, старик, ты, наверное, можешь спать даже во время саундчека Sonic Youth».

«Кажется, я однажды как раз спал под них. Где это было...по-моему в Вашингтоне?»

Он продолжает шарить по карманам, но выражение его лица становится беспокойным.

«Это были Tortoise».

«Точно, блин, дай мне мою куртку, старик».

Морган кидает ДжейСи куртку, а в автобусе уже раздаются голоса, потому что и остальные просыпаются. Иисус обыскивает куртку, все более нервно, проверяя каждый шов. Морган чувствует, как у него что-то переворачивается в желудке, как во время морской болезни. «Чувак, ты меня разыгрываешь?»

«Я...куда я положил эти проклятые деньги?»

«Ох, блин, старик. Ты же не оставил их вчера вечером на столике в кафе?»

«Я...да нет, точно нет. Они у меня были в руках, когда Мег и я возвращались к автобусу. Она мне еще посоветовала спрятать их в куртку».

«Посмотри еще в раз в джинсах. Черт, дерьмо, может, Мег знает...»

Морган поворачивается и сталкивается с Бекки, которая стоит, еще полусонная в одних трусиках и выцветшей футболке Beastie Boys.

«Эй, ты не видела Мег?» спрашивает Морган. «ДжейСи не может...»

«Она вчера вечером выходила из автобуса, когда пошел дождь», говорит маленький Дэнни.

«У нее была сумка с собой», добавляет Майлс.

«Бли-и-ин», ругается Морган.

«О, Мег», вздыхает Иисус и оставляет попытки найти деньги. Он падает на сиденье и замечает, что на запотевшем стекле рядом с ним кто-то – дети, а, может, Мег - нарисовал кривой смайлик.

Глава 5

«Эта подлая, гребаная наркоманская подстилка». Боб ушел гулять с детьми, поэтому Морган не выбирает выражений.

«Я просто не могу поверить, что она такое с нами сделала», шмыгает носом Бекки, все еще вся в слезах.

«Проклятье, Мег», говорит тихо Крис.

«Воровская лживая пизда...»

«Все, хватит, Моргс», говорит Иисус, уже вдоволь наслушившийся ругательств. «Это - перебор. Мег – наша подруга, будем надеяться, что эти большие деньги не принесут ей неприятностей».

Морган глядит на него в изумлении. *Попробуй понять этого типа.* «Неприятностей?» спрашивает Морган. «Каких таких неприятностей? Может быть вроде тех, которые сейчас у нас?»

«Да, ладно, у Мег ломка. Она не смогла противостоять соблазну, взяла деньги и сделала ноги, наверное, на стоянке. Давайте сожмем кулаки, чтобы с ней ничего не случилось».

Крис бьет головой об стол.

«О, Боже», говорит Бекки. «Что же нам теперь делать?»

«Ребята, это всего лишь деньги. Давайте, соберитесь».

«Всего лишь деньги?» переспрашивает Морган. «Старик, может, ты припрятал где-то платиновую карту «Америкэн Экспресс», о которой мы ничего не знаем? Это были все наши деньги! У нас нет ни цента, а мы сейчас неизвестно где!»

«Ерунда», говорит Иисус, лезет в карманы и выворачивает их наизнанку: носовой платок, пара медиаторов, ключи, несколько смятых купюр. «У меня...

смотри...двенадцать, четырнадцать - ого, еще двадцатка! - сорок шесть долларов с мелочью! Крис, сколько у тебя осталось от денег, которые я дал тебе на бензин?»

«Э-э-э, тридцать или сорок долларов вроде».

«У кого еще сколько есть?»

Морган и Бекки находят у себя в карманах еще несколько купюр по доллару и мелочь.

«Ну вот, еще пятнадцать или шестнадцать долларов. Дотти, Гус?» кричит Иисус через головы вглубь автобуса, вытягивая шею. Дотти и Гус спят, ее голова упала ему на грудь, слюни соединились с пуговицей на его пальто. «Ну, хорошо, я думаю, эти двое нам не слишком помогут», говорит Иисус. «Ладно. Смотрите, у нас все-таки – сколько? – больше ста долларов!»

«Ты издеваешься», говорит Морган. «Можешь мне объяснить, как мы доставим девять человек из Индианы в Эл. Эй? И накормим их при этом?»

«Денег хватит, чтобы доехать до...э-э-э...какой у нас следующий большой город на пути, Крис?»

«Я думаю, Индианаполис».

«...до Индианаполиса», говорит Иисус, сияя улыбкой. «*We got it made in the goddamn shade, man!*»

«И что произойдет в Индианаполисе?» спрашивает Бекки.

«Что-нибудь да произойдет», отвечает Иисус и радостно сворачивает купюры в трубочку. Изумлению Моргана уже нет предела.

Глава 6

Центр Индианаполиса пылает в полуденной жаре. Они нашли парковку для автобуса и высадили Гуса и Дотти в близлежащем парке, снабдив их бутылкой дешевой водки, последним запасом алкоголя. Следовательно, самые важные дела были сделаны. Перебросив за спину акустическую гитару, Иисус обращается к банде, усевшейся на бордюре маленького фонтана в центре окруженной офисными зданиями и магазинами площади, довольно оживленной в обеденное время, а над их головами возвышается башня Чейз Тауэр, расположенная отсюда в паре кварталов. «Так, ребята. Каждый из вас постарается что-нибудь придумать, чтобы заработать пару долларов, а в четыре часа мы снова встречаемся на этом месте.

Никто не предпринимает попытки подняться. «В чем дело?» спрашивает Иисус.

«Мы хотим есть», говорит Дэнни и грустно смотрит на мужчину, перегружающего подносы с сэндвичами из своего «каблучка» на сервировочный столик: еда для работников, запертых в крошечных офисах зданий, вздымающихся в небо вокруг них. ДжейСи однажды недолго вкалывал в офисе. Вот это было тяжело! «*Cut off my hair and send me to work in tall buildings*», цитирует он по памяти Джона Хартфорда.

«Ну, ладно», говорит Иисус и смотрит на оставшуюся без завтрака группу мятежников. «Я думаю, у нас еще осталось немного денег. Да я и сам не прочь перекусить». Он лезет в карман и выуживает оттуда четыре доллара и медиатор.

«Как мы можем все поесть на четыре доллара?» спрашивает Морган. «Это сколько на каждого, по шестьдесят центов?»

«Проклятье, Мег», снова ругается Бекки.

«Хорошо», говорит Иисус, «...успокойтесь. Давайте...». Он смотрит на мужчину, который все еще выгружает сэндвичи. На двери «каблучка» написано: «СЭНДВИЧ КИНГ! ЛУЧШИЕ СЭНДВИЧИ В ИНДИАНАПОЛИСЕ!» И чуть ниже: «ДОСТАВКА В ОФИСЫ И НА ВЕЧЕРИНКИ» – и номер телефона. Подносы помечены: «СОБРАНИЕ АКЦИОНЕРОВ МАКДОННЕЛ ХОУЭЛЛС», а бутерброды короля сэндвичей выглядят действительно аппетитно в окружении ледяных бутылок с колой, соками и водой. Очень жарко, и Иисус облизывает губы.

Он смотрит на здание, в котором исчезает мужчина с сэндвичами. Большая медная табличка провозглашает: «МАКДОННЕЛ ХОУЭЛЛС – ИПОТЕЧНЫЕ МАКЛЕРЫ». Иисус задумывается.

«Крис, у тебя еще есть деньги на телефоне?» спрашивает он.

«Пара долларов, наверное, еще есть».

«Тогда дай мне трубу».

Иисус снимает гитару, встает на бордюр фонтана с телефоном в руке и наблюдает за зданием.

«Что ты, черт возьми, еще придумал?» спрашивает Морган.

«Погоди. Все наслаждаются солнечными лучами».

Через пару минут человек-сэндвич выходит из здания с пустой тележкой, кладет ее в машину и уезжает. Иисус смотрит на удаляющийся «каблучок» - остальные в ожидании смотрят на него – и набирает номер на мобильнике. «Алло, я говорю с «Сэндвич Кинг»? Да, из «Макдоннел Хоуэллс», э-э-э...», он смотрит на табличку с номером дома на здании, «Индиана сквер. Вы сейчас как раз привезли нам обед, правильно? Нет-нет, все в порядке, просто, э-э-э...к нам на собрание подъехало больше участников, чем мы рассчитывали, и нам, вероятно, понадобится добавка. Дайте, я посмотрю, ну, скажем, столько же, и, если вы сможете еще раз приехать, это было бы просто замечательно. Но если получится, то прямо сейчас, иначе они мне здесь голову оторвут. Голодные акционеры, Вы же понимаете. Получится? Да-да, просто запишите на наш счет. Через двадцать минут? Великолепно, огромное спасибо. Я Вам жутко признателен». С ликующей улыбкой на лице он отключает мобильник.

«Прекрасно», говорит Морган. «И что потом? Мы нападём на парня, когда он придет снова, и отберем сэндвичи?»

«Отец», говорит Иисус, набирая следующий номер, «ты дал им глаза, но они не видят». И потом в телефон: «Алло, можно узнать номер «Макдоннел Хоуэллс», ипотечных маклеров в Индианаполисе? Индиана сквер, точно. Ага...» Он записывает номер на тыльной стороне ладони. «Огромное спасибо». Иисус снова набирает номер, в то время как остальные напряженно за ним наблюдают. «Алло, «Макдоннел Хоуэллс»? Кто-нибудь может поговорить со мной об ипотеке? Да, я жду». Он улыбается Дэнни и растрепывает ему волосы. «Алло, да. Я хотел бы взять ипотеку, мне порекомендовал Вас один знакомый. Может быть, у Вас в офисе кто-нибудь мог бы меня проконсультировать? Речь идет о довольно большой сумме, Вы знаете, есть один дом, на который я положил глаз. Но я не хотел бы обсуждать детали по телефону, может быть, я мог бы зайти к Вам для беседы? Отлично. Нет, очень жаль, но я улетаю сегодня вечером. Понимаете, по счастливой случайности я как раз нахожусь в центре и мог бы зайти к Вам минут через пятнадцать. Вам подходит? Отлично, тогда увидимся. Ах, мое имя? Митч. Митч Митчелл. А как Вас зовут? Рэй Кролл? Пишется через «К»? Спасибо большое. До скорого, Рэй».

Десять минут спустя Митч Митчелл регистрируется на стойке в фойе, получает бейдж и проходит, сопровождаемый сотрудником бюро пропусков к лифту, на котором он поднимается на четырнадцатый этаж. Ступая по бежевой ковровой дорожке, Иисус заглядывает в крошечные офисы по обеим сторонам коридора: сотрудники, разговаривающие по телефону и сидящие перед мониторами, делают то, что им положено делать. Он быстро проходит мимо двери с табличкой Р. КРОЛЛ, минует дверь с надписью КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛ и спешит в конец коридора, где видит зеленого цвета указатель с белым человечком, идущим вниз по лестнице: запасной выход. Он проскальзывает в туалет, брызгает себе водой на волосы и зачесывает их назад, заправляет рубашку в джинсы, выжидает пару минут и направляется к лифтам. С радостным звуком «плинг» открываются двери, и один из лакеев короля сэндвичей выталкивает из лифта тележку с большим подносом.

«Это для конференц-зала?» спрашивает Иисус?

«Точно», отвечает мужчина. «Ваши люди сегодня, видать, сильно проголодались. Я уже второй раз сюда приперся».

«Да, мне жаль, чувак». Иисус сует ему два из четырех оставшихся долларов в руку, и берется за тяжелый поднос. «Вот, пожалуйста. Все остальное я сделаю сам...».

«Кому последний с креветками?» спрашивает спустя полчаса Крис разлегшиеся на газоне фигуры и слышит в ответ только тихий стон.

«А ты уверен, что мы никому не навредили?» спрашивает Морган.

«Абсолютно уверен», говорит Иисус и выковыривает листочек салата, застрявший между зубов. «По крайней мере, мне так кажется. Я думаю, что мы нагрели ипотечных маклеров на пару бутербродов. А это люди, которые с незапамятных времен обирают тружеников, Моргс».

Они собирают свои пожитки, берут с собой несколько сэндвичей, а остальные раздают бездомным, когда покидают парк.

«Ну, хорошо, ребята», говорит Иисус и забрасывает гитару за спину, когда они через ворота выходят на раскаленный тротуар. «Мы снова встречаемся здесь в шесть».

Глава 7

Шесть часов, и Иисус, насвистывая, сворачивает за угол, где видит Криса с Майлсом и Дэнни, сидящих на маленьком парапете. Дети выглядят уставшими, щека Дэнни покоится на толстом животе Криса. «Ну, ребята, как провели время?»

Крис чешет свои голые ступни. «Бекки попросила меня присмотреть за малышами. Она сказала, что у нее есть идея, но ей надо остаться одной. Мы нашли тут магазин, торгующий автопокрышками, они искали людей для распространения флаеров. Тип пообещал пять долларов в час мне и по два с половиной мальчишкам. Я спросил его, известно ли ему понятие *минимальная заработная плата*? А он только рассмеялся в ответ и сказал: «Тебя же никто не заставляет, толстый». Можешь себе такое представить? Старик, и кто теперь скажет, что рабство давно отменили? Мы пахали три часа, исходили весь город и сейчас просто уже никакие». Без сил Крис лезет в задний карман джинсов. «Вот». Он передает Иисусу двадцать пять долларов и пару монет. «Я купил нам две банки лимонада и шоколадный батончик. Извини».

«Вау, вот это добыча, ребята!» говорит Иисус и садится на корточки. Дети улыбаются. «Вы просто супер».

«Двадцать пять долларов», говорит Крис. «Ты представляешь, сколько бензина жрет наш гроб на колесах? Может, оставим все, ДжейСи? Продадим автобус, наскребем деньги на билет, чтобы ты...»

Но Иисус его не слушает. Он встает и хлопает в ладоши, завидя приближающегося усталой походкой Боба. «Эй, Машина-Боб! Работает, как новенькая! Как у тебя дела, большой?»

«Дрек», говорит Боб и опускается рядом с Крисом на парапет. «Дрекен». Он лезет в засаленный, обшарпанный карман своей армейской парки, достает оттуда кусок картона с надписью: «ВETERАН ВЬЕТНАМА, ГОЛОДНЫЙ И БЕЗДОМНЫЙ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОМОГИТЕ!» и кладет сверху в стопочку несколько купюр и монет. «Двенадцать, тринадцать, почти четырнадцать долларов. Отлично поработал, Боб! Ты был лучше меня!»

Крис и Боб смотрят на него. «К сожалению, это - правда», говорит Иисус. «Кажется, я испробовал все – от Боба Дилана до паршивых мюзиклов – и заработал целых двенадцать долларов. Я полагаю, люди здесь не очень интересуются музыкой».

Моргану повезло больше. Он устроился мыть посуду в ресторан быстрого обслуживания и заработал двадцать пять долларов. «Это, э-э-э, чуть больше ста долларов плюс то, что принесет Бекки», резюмирует Иисус. «Кажется, мы изрядно приблизимся к Эл. Эй, правда, Крис?»

«О, да, настолько изрядно, насколько гроб на колесах сожрет бензина, а аппетит у него волчий», ноет Морган.

«Это нечестно, Морган», говорит Крис. «Когда я покупал автобус, проблемы с деньгами на бензин не существовало. Я думал, что мы...»

«Да, ладно, ребята, все нормально», примиряюще говорит Иисус. «Мы сидим в одной лодке и делаем все возможное, правда?»

«Мама!» кричит Майлс, вскакивает и бежит навстречу Бекки, которая идет к ним по улице. Она опоздала, уже почти семь часов. Бекки берет мальчика на руки, плюхается на бордюры и кладет голову Бобу на плечо. Она выглядит изможденной. «Мы заработали тридцать долларов, мамочка!» взволнованно говорит Майлс.

«Правда, сынок? Молодец. Тебе было интересно с дядей Крисом?»

«Да. Мы раздали столько листовок разным людям. Вот». Он протягивает флаер с рекламой моторного масла. Бекки улыбается.

«Мама тоже хорошо поработала». Она передает Иисусу пачку денег.

«Спасибо, Бекс», говорит Иисус и считает деньги. «Ты здорово... что это?». Он замечает, что у него в руках двадцатки, полтинники и даже одна сотня. «Здесь же, наверное, долларов четыреста».

«Почти пятьсот», говорит Бекки.

«Мамочка!» ликует Майлс. «Ты заработала больше, чем все остальные!»

«Я устроилась официанткой», объясняет Бекки детям, стараясь не смотреть на остальных. «В один шикарный ресторан. Там была тьма народа, и мне разрешили оставить чаевые».

Иисус глотает слюну и опускает глаза. Крис, Моргс и Боб делают то же самое.

«Ух, ты, мама!» удивляется Дэнни.

В наступающих сумерках они отправляются в обратный путь. Бекки идет впереди и держит за руки своих мальчиков. Иисус и Морган следуют за ней чуть в отдалении.

«Дерьмо, ДжейСи», говорит тихо Морган, «девочка не должна была этого делать».

Иисус вздыхает и засовывает почти шестьсот долларов себе в карман. «Проклятье, Мег», говорит он впервые.

Они заправляют полный бак, и после того, как Крис поспал пару часов, ночью покидают город в надежде наверстать упущенное время на пустых дорогах. В автобусе тихо. Все спят, растянувшись на матрасах или рядах сидений. Только Крис восседает за рулем на водительском кресле. И Иисус, который сидит совсем сзади, курит и размышляет о цене жертвенности, всматриваясь в отдаляющиеся огни Индианаполиса.

Глава 8

«Синергия», говорит Треллик. «Формирование бренда», говорит Треллик. «Ассоциированные продукты», говорит Треллик, сидя на диване во внутреннем дворике «Поло Лаунж» отеля «Бeverли Хиллз». Каждую минуту перед ними проходят люди – продюсеры, агенты, актрисы -, пришедшие сюда, чтобы сказать «привет», пожать руки и немного искупаться в лучах славы.

«Точно», говорит Стелфокс. «Я имею в виду кофейные чашки, майки, ручки, эппы для айфона, каких-нибудь дебильных... кукол. Я считаю, что мы еще просто недостаточно гребем деньги. Или я, может быть, неправ? То, что было раньше, это же какой-то анекдот».

«Праааавильно», говорит Треллик. «Прикинь: в прошлом году «Уорнер Бразерс» заработал на мерчендайзинге больше бабла, чем на всех своих фильмах *вместе взятых*. Шоу должно стать трамплином для остального дерьма. Потому, что в итоге...»

«...нам все еще надо работать, чтобы получать деньги. Так, или я прав?»

«Абсолютно. И это удручает, как ни крути».

Они вздыхают и чокаются джином с тоником. Другим уже под сорок. Стелфокс был когда-то поуже в бедрах, а в трехдневной щетине Треллика заметна седина. Значительно богаче, чем этого требует здоровое неприятие алчности и стяжательства, и одержимые идеей стать еще богаче, намного богаче, за годы совместной работы они втянули в себя несметное количество кокаина и разорили огромное количество деловых партнеров. Кокаин они оставили, но питейным привычкам остались верны. Точно в соответствии с комментарием Треллика по поводу многочисленных общих друзей, оказавшихся в последнее время в диспансерах: кто бросает пить по необходимости, тот - законченный лузер.

К столику предающихся обсуждению животрепещущего вопроса о возможности получения в будущем денег во сне подходит продюсер киностудии «Фокс». Шапочный знакомый Стелфокса по имени Адам-как-тебя-там притащил с собой девушку. Малышка совсем юная, лет четырнадцати или пятнадцати, в макияже и, как это положено в Беверли Хиллз, безупречно красива.

«Ну, Стивен, как дела?»

«Лучше не бывает, Адам, просто великолепно. Ты наверняка знаком с Джеймсом, моим адвокатом?»

«Ну, конечно, мы же виделись в Конгресс Центре в Мюнхене».

«Привет», Треллик вяло жмет ему руку. По нему отчетливо видно, что он не представляет себе, кто такой Адам.

«Простите, что перебиваю вас, ребята. Но моя племянница Хлоя...», он показывает на девочку-подростка, которая выглядит одновременно смущенной и скучающей, «...хочет спросить тебя, Стивен, не может ли она получить пару билетов на первое шоу».

«Да, ну, конечно же», улыбается Стивен. «Я скажу Наоми, она вам вышлет».

«Спасибо», говорит Хлоя, также с улыбкой, демонстрируя шедевр стоматологии стоимостью в несколько десятков тысяч долларов.

«Отлично», говорит Адам-как-тебя-там. «Тогда увидимся в пятницу».

«Заметано».

Парочка уходит, и Стелфокс с Трелликом смотрят им вслед.

«А что будет в пятницу?» спрашивает Треллик.

«Откуда мне знать?»

Треллик зевает, все еще не отрывая взгляда от подростковой попки Хлои, идущей по внутреннему дворику. «Я бы ее трахнул», говорит он. «И у меня не было бы даже угрызений совести».

«Йеп», говорит Стелфокс и просит счет.

Глава 9

По обеим сторонам второстепенной дороги простираются ярко зеленые поля кукурузы, по пути почти не встречаются таблички с названиями населенных пунктов, из динамиков гремит музыка из сборника, составленного Иисусом «Величайшие нью-йоркские группы всех времен», а автобус несется, подпрыгивая и вызывая позади себя настоящую песчаную бурю, вперед по пыльной колее. Звучат The Voidoids со своей «Love Comes In Spruts». Морган и Бекки как раз обсуждают дальнейший маршрут, склонившись над картой, а Иисус сидит впереди, составляя компанию Крису, когда они замечают в паре сотен метров впереди посреди этой глуши кого-то стоящего на обочине дороги. Этот кто-то одной рукой прикрывает глаза от солнца, а другая выставлена вперед с поднятым большим пальцем. Это их первая встреча с человеком, путешествующим на попутках, с того времени, как они покинули Нью-Йорк. «Нам не по пути», говорит Морган, предчувствуя, что произойдет потом.

«Прими вправо, Крис», кричит Иисус.

«Ох, да ладно», протестует Морган. «Какой-то тип один в этой глуши? Наверное, замочил недавно кучу людей».

«Не говори глупостей. Остановись».

Крис тормозит. Раздается пронзительный скрип, автобус, дергаясь, останавливается, а человек исчезает в огромном облаке пыли. Иисус прыгает по ступенькам вниз, ударяет кулаком по ручке, и дверь-гармошка толчками открывается.

«Добрый вечер», вежливо кричит ДжейСи, а остальные напирают на него сзади.

«Добрый вечер, сэр», приветствует его паренек, нервно покашливая. И это действительно паренек: ему, наверное, как раз лет двадцать, на нем старая клетчатая рубашка и обтрепанные рабочие штаны. Тонкие волосы песчаного цвета падают ему на веснушчатое лицо. На плече висит выцветший рюкзак синего цвета. «Сколько будет стоять отсюда до Нэшвилла?»

«Я вынужден тебя разочаровать, малыш», говорит Иисус, «но это не рейсовый автобус или что-то в этом роде». Как бы объясняя этот факт, он показывает рукой в направлении остальных пассажиров: на толстого в «авиаторах» и с голым торсом Криси, на Моргана, сдвинувшего свои солнцезащитные очки на лоб, чтобы лучше разглядеть незнакомца, и зажавшего в зубах толстенный косяк, от которого поднимается сладковатый дым, и Бекки, в одном нижнем белье, громко подпевающую «Trash» New York Dolls, рвущуюся из динамиков.

«Сэр?» говорит паренек, ничего не понимая.

«Малыш, куда, черт возьми, мы заехали?» спрашивает Морган.

Тщетно пытаясь отвести взгляд от голых ног Бекки, паренек говорит Моргану: «Вы в Хогг Каунти, сэр. Северный Кентукки».

«Я знал!» говорит Морган. «Мы уехали из Индианаполиса на юг, толстожопый!»

«Пошел ты на хер... дай мне эту хрень». Крис вырывает из рук Моргана измятую карту и изучает ее, сморщив лоб.

«Ребята, ребята», вмешивается Иисус. Все затихают, а он снова поворачивается к пареньку. «Ты хочешь в Нэшвилл? Ты что, играешь на гитаре?»

Парень немного потерянно смотрит на Иисуса. «Э-э-э...нет, сэр. Мне надо добраться до Нью-Мексико. В Санта Фе. Я слышал, из Нэшвилла туда ходит автобус».

«Вау, Нью-Мексико», говорит Иисус, обращаясь к остальным. «Парню с нами по дороге».

Морган вздыхает.

«Послушай, приятель», говорит Крис и протискивается с водительского сиденья вперед между Иисусом и Морганом, «ты знаешь дорогу отсюда до границы Миссури?»

Парень кивает.

«Ну, тогда: добро пожаловать на борт», говорит Крис и со скрежетом включает первую передачу, а Иисус протягивает пареньку руку, чтобы помочь залезть в автобус. «Как тебя зовут, малыш?» спрашивает он.

«Клод».

«Приятно познакомиться, Клод. А я – Иисус»,

«Как тот из Библии?»

«Точно».

«Итак, Клод», говорит Иисус, когда все рассаживаются на сиденья, а Клод нервно сжимает в руках свой рюкзак и смотрит на новых знакомых: улыбающихся ему Майлса и Дэнни, мрачно глядящего прямо перед собой Боба, Гуса и Дотти, раздобывших где-то бутылку сивухи и по очереди прикладывающихся к ней, Моргана, крутящего очередной косяк, и Бекки, открывающую банку кока-колы. «Ты местный?»

«Да, сэр».

«ДжейСи, ДжейСи вполне достаточно».

«У нас ферма. В паре миль отсюда».

«Ты фермер?» спрашивает Бекки.

Клод кивает и, кажется, ему стыдно. Складывается впечатление, что он прячется за своей длинной челкой и не привык к общению. Окруженный незнакомыми людьми, он чувствует себя выставленным напоказ.

«Вау. Я еще не встречала ни одного настоящего фермера!» с придыханием говорит Бекки и, хотя, закидывая одну длинную голую ногу на другую, она вгоняет парня в краску, с другой стороны приободряет его и вызывает первую робкую улыбку, которая показывает два ряда плохих зубов и симпатичную ямочку на подбородке.

«И что же там, в Нью-Мексико, приятель?» хочет знать Морган, закуривает косяк, конец которого ярко загорается после глубокой затяжки, а хлопья пепла, танцуя, летят к потолку.

«У меня там кузен, он обещал найти мне работу. На нефтяных промыслах».

«На ферме дела идут не очень, так?» спрашивает ДжейСи.

Клод качает головой и смотрит перед собой. «Нет, сэр. Моя мама говорила... то есть, говорит, что землю следовало бы продать, но как ее продашь, если сегодня никто не может ее купить?». Иисус кивает и думает о многочисленных табличках «ПРОДАЕТСЯ», которые они встречали на своем пути. Все эти люди, чьи дома продаются с молотка. Люди, которым годами внушали: «Покупай, покупай, покупай». Они слышали только одно: «Это гарантированно принесет прибыль. Не отставай от жизни. Кто не участвует в этом, проиграет». И все, конечно, хотели поучаствовать. До тех пор, пока не выяснилось, что за кучу досок и штукатурку где-нибудь в жопе мира они должны заплатить сотни тысяч долларов, которых у них нет. И когда этот гребаный карточный домик рассыпался, типы, благодаря которым все это произошло, выступили по телевидению: «М-да, но это рынок, что подделаешь? Мы не можем предвидеть его развитие. Нам очень жаль». Иисус вспоминает поездку на лифте в ад. Когда Морган предлагает Клоду косяк, парнишка неуверенно смотрит на него и отрицательно качает головой.

«А что твоя мама думает о твоей будущей работе на нефтяном промысле?» спрашивает Иисус.

«Пока я зарабатываю деньги и высылаю ей...»

«А твой папа?» хочет знать Бекки.

Клод только смотрит перед собой. «Я не видел его уже много лет».

Некоторое время царит тишина, пока Майлс совершенно серьезно не спрашивает: «А у тебя есть трактор?»

Все смеются. Из динамиков над их головами разносится «Велвет Андерграунд».

«Тебе нравится рок-н-ролл, Клод?» спрашивает Иисус, и, не дожидаясь ответа, поднимает руку и прибавляет громкости. Когда они со скоростью шестьдесят миль в час

едут навстречу солнцу, а зеленые поля Кентукки беззвучно глотают поднятую автобусом пыль, Лу Рид поет «Who Loves The Sun».

«Извините, мадам», говорит Клод и встает.

«Бекки».

«Э-э-э, Бекки, мне нужно в туалет».

«Запомни», кричит ему Бекки вслед, «никаких «по-большому» в автобусе».

Стесняясь, Клод пробирается между сидений, зажав в руках рюкзак. «Сладкий мальчишечка», хихикает Бекки, когда перед ней возникает ее младшенький.

«Кто?» хочет знать Майлс.

«Ну, конечно, ты, мое сокровище», говорит Бекки, берет его на руки и щекочет.

Клод закрывает за собой дверь крошечного туалета и садится на сидение унитаза. В тусклом мерцающем свете неоновой лампы он открывает рюкзак и роется в нем. Запасная рубашка, майка, ржавая коробка из-под табака, в которой весь его капитал в двадцать шесть долларов и несколько центов и фото матери. Некоторое время он смотрит на выцветший снимок, где она, смущенно улыбаясь, сидит на веранде, держа в одной руке чашку с отбитой эмалью, а в другой сигарету. Он откладывает фотографию в сторону и продолжает рыться, нащупывая дно рюкзака.

Клод достает пистолет. Это старый армейский кольт «.45 автоматик», точно такой же, какой был у Боба тогда в туннеле. Пистолет в пятнах ржавчины и такой большой и тяжелый, что узкая рука Клода с трудом обхватывает рифленую деревянную рукоятку. Пистолет старше Клода, даже старше его отца. Семейная легенда гласит, что его привез дедушка Клода, отец матери, из Кореи, где подстрелил немало косоглазых. Парнишка неловко нажимает на предохранитель, вынимает магазин и проводит пальцем по медному патрону, лежащему сверху и закрывающему остальных шесть его спрятавшихся братьев.

Пистолет старый, но патроны новые. Оружие в порядке. Клод мог в этом убедиться - тренировался в лесу. Он вставляет обойму в рукоятку, щелкает предохранителем и осторожно укладывает свои вещи в рюкзак.

Глава 10

Большую часть пути «вниз по Миссури», как поется в «Route 66», они двигаются по федеральной дороге, проезжая города Сайкстон, Уиллоу Спрингс и Моунтин Грув, пока восточнее Спрингфилда, наконец, не сворачивают на интерстэйт. С удовольствием жмет Крис на педаль газа, выезжая на широкую магистраль, на которой даже ночью светло, как днем, стараясь намотать побольше миль, но и не загнать старый большой автобус, а из динамиков раздаются Flying Burrito Brothers, Грэм Парсонс, Мерл Хаггард и Вэйлон Дженнингс. Все без исключения заражены вирусом «кантри» и, следуя серой ленте хайвея 44 в направлении Канзаса, пересекают неподалеку от Питтсбурга границу штата, затем проезжают мимо блестящих в рассветных лучах прохладного утра зданий Уичито, и Морган с ДжейСи на задних сиденьях в который раз поют под гитару «I Am A Lineman For The Country».

Они останавливаются возле супермаркетов или продуктовых магазинов, спят в автобусе, покупают хлеб, колбасу, плавленый сыр и макароны и на маленькой плите готовят себе немудрящую еду во время привалов. Бекки и Морган сменяют друг друга за плитой и делают из простейших ингредиентов соусы, чтобы сэкономить на покупках.

И повсюду во время остановок они видят кричащие рекламные щиты:

**АМЕРИКЭН ПОП СТАР!
СТАРТ НОВОГО ШОУ!
ДЕНЬ ТРУДА, В 20.00 НА АВН!**

Некоторые щиты имеют огромные размеры и показывают улыбающиеся лица трех членов жюри. Иисус замечает, что этот Стелфокс, стоит, скрестив руки на груди, чуть в стороне от остальных. И, хотя он улыбается, в его глазах таится опасность. Другие плакаты имеют размеры поменьше, на них написано только:

ДЕНЬ ТРУДА, В 20.00 НА ABN

Но все это напоминает им только об одном: через четыре дня они должны быть в Эл. Эй, 5 сентября в 10 часов утра. Если они не явятся в это время в ABN, то, как записано в контракте, это «приведет к немедленному исключению из шоу», а, кроме того, телеканал оставляет за собой право «на возмещение от стороны или сторон по предъявлению регрессного требования понесенных расходов, а также упущенных доходов и недополученной прибыли по вине неявки кандидата в оговоренное контрактом время».

Или в формулировке Моргана: пожизненное. Без права на помилование.

Канзас кипит. Жара позднего лета не прекращается и в первую неделю сентября, когда они проезжают городки Гринсбург, Баклин и Мид, приближаясь к юго-западной оконечности штата, зажатой между Оклахомой и Колорадо, где, не доехав до границы миль около ста, в местечке Демократия в Бриг Каунти у них заканчиваются заработанные в Индианаполисе деньги.

На парковке возле интерстэйт путешественники собираются на кризисное совещание. Бекки председательствует на собрании, а ее дети играют на лужайке недалеко от Гуса и Дотти, которые лежат на солнышке и пьют из пластиковой бутылки крепкий сидр. «Ну, хорошо», говорит Бекки. «Крис. Как обстоят дела с бензином?»

«Э-э-э... хреново», говорит Крис. «Мы уже на резерве».

«Все ясно. Морган, как с едой?»

«Тоже херово. У нас еще есть пара банок тунца, немного риса, и, вроде, банка маринованных помидоров. На сегодня, наверное, хватит, а потом – все».

«Чува-а-а-к», стонет Крис. «Если опять придется есть рис или макароны, меня стошнит. Я хочу стейк, курочку или что-то в этом роде. Мне нужен белок, старик. Или я заболею рахитом или еще какой-нибудь хренью».

«Допинг?» спрашивает Иисус.

«Дрекен», говорит Боб недобрым голосом и поднимает вверх пустой целлофановый пакетик.

Вот сейчас положение действительно серьезное, думает Иисус.

«Как ты думаешь, Крис, далеко еще до Эл. Эй?» спрашивает Бекки.

«Блин, еще миль тысяча триста. Два или три дня. Нам нужно только на бензин пятьсот-шестьсот долларов, Бекс».

«Окей», Бекки чешет подбородок и задумчиво смотрит в направлении автомагистрали. «Он большой город, эта Демократия?»

Морган листает путеводитель по Канзасу, который они купили в дороге, и читает вслух: «Демократия. Бриг Каунти. Число жителей: 28.000 тысяч. Местная промышленность: переработка мяса. Электроэнергия и туризм. Бла-бла...», читает дальше.

«Все-таки почти тридцать тысяч человек, достаточно большой город, чтобы иметь ломбард», говорит Бекки и встает. «Сдается мне, что на некоторое время нам придется избавиться от пары вещей. Мы можем заложить акустическую гитару».

«Твой Мартин?» задыхается Крис и смотрит в ужасе на Иисуса.

«Боюсь, что да», говорит Бекки.

«Блин, она права», соглашается Иисус. «У нас будет месяц в запасе. Мы вернемся и заберем ее. За гитару легко дадут четыреста или пятьсот долларов. Маленький усилитель «пяточок» должен уйти за сто. Что-нибудь еще у нас есть?» Без большой надежды он глядит на лица своих измочаленных усталых друзей.

«Еще есть CD-плеер», говорит Крис.

«О-о», возражает Иисус. «Три дня? Без музыки? Не пойдет».

Клод вмешивается в разговор. «Когда мы приедем в Санта-Фе, я дам вам пару сотен долларов». Все смотрят на него. Он пожимает плечами. «Мой кузен прилично зарабатывает».

«Ты уверен, чувак?» спрашивает Иисус. Клод не похож на тех, кто знаком с людьми, у которых есть свободные пара сотен долларов.

«Ну, конечно. Вы же мне помогли».

«Мы тебе их обязательно вернем», говорит с улыбкой Иисус.

Клод смотрит на него, и ему становится предельно ясно, что этот человек не лжет. «Да знаю я», говорит он.

«Итак, сколько нам ехать отсюда до Санта-Фе?» спрашивает Бекки Криса.

«They say that Santa Fe», поет Иисус, «is less than ninety miles away...»

«Вообще-то скорее пятьсот или шестьсот», говорит Крис.

«So there's still time», продолжает петь Иисус, «to roll a number and rent a car...».

«Мне кажется», говорит Бекки, «что Нил Янг добирался туда из другого пункта отправления...».

«Ни хрена себе», говорит Морган и растерянно отрывает взгляд от путеводителя. «Послушайте: «Канзас», читает он, «знаменит тем, что с начала тридцатых годов здесь не голосовали за президента-демократа. В 1999 году штат прославился тем, что исключил из школьной программы эволюционную теорию Дарвина, а в 2005 году были запрещены однополые браки и законодательно резко ограничены возможности сделать аборт».

«Ну что ж, да здравствует Демократия», говорит Иисус.

Глава 11

АМЕРИКЭН БРОДКАСТИНГ НЕТВОРК СТУДИОС, Бербанк, Лос-Анджелес.

Эпицентр урагана. Идет обратный отсчет: еще четыре дня. В зале и на сцене стоит шум: столыры заколачивают гвозди, электрики паяют, начальники отделов и продюсеры кричат друг на друга из-за сроков выполнения работ, превышений бюджета и тому подобного. В довершение здесь невыносимо жарко, поскольку работа впечатляющей батареи прожекторов под потолком проверяется в экстремальном режиме, а тяжелые камеры беззвучно скользят взад-вперед по сцене, поворачиваясь под разными углами и выдвигая и убирая телескопические объективы.

Стивен Стелфокс невозмутимо шагает сквозь хаос. На уважительной дистанции следует его ближайшее окружение: Наоми, личная ассистентка, Гарри, режиссер шоу, Шерри, редактор и, наконец, Треллик, прижимающий к уху мобильник. Сейчас, во время третьего шоу, которое должно стать успешнее всех предыдущих, *венцом*, в присутствии лично мистера Стелфокса дворцовый протокол, известный всем досконально, неукоснительно соблюдается. Когда он проходит мимо, покорно опускаются головы. Хотя письменно это нигде не зафиксировано, всем известно главное: смотреть в глаза Стелфоксу не разрешается никому и, упаси Боже, если кто-либо рангом ниже начальника отдела посмеет подойти к нему и начать разговор. Как это произошло с одним оператором в прошлом шоу, когда тот шел рядом с боссом от гардероба до студии и пытался объяснить, под каким углом нужно снимать членов жюри после выступления участников, чтобы они выглядели еще более эффектно. Это было его последним креативным вкладом в *АМЕРИКЭН ПОП СТАР*. На следующий день его выгнали.

Никто не спорит с шефом.

Быть предтечей, создателем и символом величайшего телешоу Америки означает иметь множество привилегий. Однако одним из самых привлекательных аспектов является тот факт, что Стелфокс не должен делать то, что ему не нравится. А среди прочего, он однозначно не любит общаться с техническим персоналом.

Никто. Не. Спорит. С. Шефом. Точка.

«Это все?» недовольно спрашивает Стелфокс. Они стоят у длинного стола, за которым во время конкурса будут сидеть три члена жюри.

«Что ты имеешь в виду?» спрашивает в свою очередь редактор, всегда нервная Шерри.

«Я имею в виду, Шерри, сколько логотипов ты здесь видишь?»

Шерри подвергает стол тщательной проверке. На столе стоят стаканы для воды членов жюри, украшенные снежно голубыми наклейками Вайб Колы. По фронтому по всей длине идет надпись АМЕРИКЭН ПАСИФИК ЭЙРЛАЙНС. Ноутбуки членов жюри установлены каждый под своим углом таким образом, чтобы со всех камер был заметен логотип изготовителя. «Э-э-э...три?» говорит она, наконец, смотрит на него, как абсолютно неуверенная в себе школьница, которую вызвали к доске, и посылает беззвучные молитвы небу, чтобы ее ответ оказался правильным.

«Верно подметила, моя прелесть», говорит Стелфокс. «Ну, а сколько официальных спонсоров у нашего шоу?»

«Э-э-э..mmm...», она листает свои документы.

«Четырнадцать», отвечает автоматом Треллик, откуда-то позади нее.

«Большое спасибо, Джеймс», говорит Стелфокс. «А почему я вижу здесь только три логотипа?»

«Но...», она смотрит в надежде на помощь на Гарри, режиссера. «Я не представляю себе, где мы еще можем...»

«А как насчет вот этого?» Он показывает на стену студии за столом и направо. «Мы можем разместить здесь какой-нибудь дебильный автомобиль или гамбургер, или я не знаю, что, так или нет? Мотив не был бы постоянно на экране, но все же. А спинки кресел? Мы же довольно много на них вертимся. Или...»

«Ты не находишь», говорит Гарри, «что это будет выглядеть, э-э-э, немного дешево?» Стелфокс поворачивается к режиссеру. «Дешево?» спрашивает он.

«Ну да, если мы все пространство будем использовать под плейсмент продукта...»

«Под интеграцию продукта», поправляет его Треллик.

«Прошу прощения, интеграцию продукта. Я имею в виду, что мы перегрузим таким образом экран, и...»

«*Перегрузим экран?*» спрашивает Стелфокс. «Ни хера себе. А теперь слушай сюда, Орсон. Даже если ты под всеми этими говенными наклейками с логотипами вообще не увидишь этот сраный стол, мне по херу гамак. Если это принесет хоть один лишний цент, в чем ты видишь проблему?»

«Некоторым людям это, возможно, покажется, э-э-э...безвкусным», говорит Шерри, пытаюсь поддержать позицию режиссера.

«Каким людям?» по-настоящему заинтересованно спрашивает Стелфокс.

«Ну, ты знаешь, например, публике».

«Ах, *этим*», облегченно вздыхает Стелфокс. «Наоми...», он поворачивается к Наоми, высокой и стройной двадцатитрехлетней девушке без сердца и совести, «найди мне, пожалуйста, список спонсоров и поручи Терри из маркетинга обзвонить их всех. Посмотрим, кто даст лучшее предложение на использование этой стены. А тебе я скажу вот что, Шерри. Почему бы тебе не разослать *публике* по мейлу копию последней выписки из моего счета? Посмотрим, насколько *безвкусной* она им покажется. Эти вонючие лузеры...»

И вот он уже заканчивает тему, чтобы посвятить себя другим проблемам.

Глава 12

Крис копается с отверткой в руке в моторе автобуса, а Боб стоит рядом, готовый в любое время помочь. Дотти и Гус спят, или, формулируя точнее, «ушли» (сидр оказался крепче, чем предполагалось), а дети отправились обследовать лесок вблизи парковки. Экспедиционная группа, выдвигающаяся для обследования городка, рекрутирована в составе Иисуса, Моргса, Бекки и Клода.

Проходя по главной улице захолустья, Бекки в крошечной джинсовой юбочке, босоножках на пробковой платформе и тоненьком хлопчатобумажном топике кружит головы прохожим. Благодаря выступлениям в андерграундовых клубах Соединенных Штатов, ДжейСи и Морган - тертые калачи в части способности путешествовать по стране без гроша в кармане. Они знают: если обнаружится здание суда, то ломбард будет расположен неподалеку. В конце концов, всегда найдутся люди, которым нужно заложить часы, обручальные кольца или гитары, чтобы заплатить штраф или внести залог. И правда... на улице справа от суда они находят то, что искали: золотые шары на фасаде, блестящие на солнце – официальный знак ломбарда – , подтверждают, что они пришли по адресу. Клод и Бекки удобно устраиваются на лавочке, а Иисус с Морганом заходят внутрь с гитарой Мартин и «пяточком».

Не проходит и трех минут, как они выходят из ломбарда, и Иисус пересчитывает доллары.

«Что за вонючие козлы», говорит Морган, приближаясь к лавочке. «Я не понимаю, почему ты пошел на это».

«Что-нибудь не так?» спрашивает Бекки.

«Да все в порядке», говорит Иисус.

«Триста пятьдесят долларов за Мартин начала восьмидесятых, который стоит минимум тысячу? Семьдесят за усилитель?» возмущается Морган.

«Эй», говорит Иисус весело, «нам хватит этого, чтобы заморить червячка и продвинуть автобус на приличное расстояние вниз по дороге! Так, приятель?» Он дружески тычет рукой Клоду в бок. Клод улыбается. «Ну, давайте, купим пару сэндвичей или еще чего-нибудь для ребят и сивухи для стариков. Ну же, посмотрите по сторонам». Жестикулируя, он показывает на солнце и зеленые деревья вдоль главной улицы. «Какой чудесный день сегодня!»

Повернув за угол в поисках продуктового магазина, они видят скопление народа: человек тридцать или, может быть, сорок, толпящихся на другой стороне улицы. Они скандируют и возбужденно качают плакатами. «Ух, ты», говорит Бекки, «демонстрация».

Подойдя поближе, они могут прочитать некоторые слоганы на плакатах. «НЕ У НАС!» написано на одном. «СПИД – БОЖЬЯ КАРА!» - на другом. Толпа довольно разношерстная, здесь есть пожилые люди, несколько дорого одетых дам среднего возраста и молодые мамы с детьми. Симпатичная девочка-подросток одета в красную майку с надписью GODHATESFAGS.COM. Достигнув последних рядов толпы, они видят, как открывается дверь, у которой стоят люди, и из нее выходит молодой человек. Они смотрят на него: ему лет двадцать с небольшим, в изодранной одежде и испуганный. Толпа начинает волноваться и, скандируя слова «пидор» и «СПИД», напирает на него, когда тот пытается пробраться через скопление народа. Почти вырвавшись из толпы, он получает толчок в спину и спотыкается.

«Эй», кричит Иисус, а Морган хватается молодого человека за рукав, не давая ему упасть, хотя он пытается вырваться, будто боится, что его ударят. «Блин», говорит Морган, «все в порядке?» Парень смущенно кивает. Морган видит, что парень грязный, на нем слишком много надето в такую жару, воротник вельветового пиджака засален и усыпан перхотью. От него плохо пахнет, и зубы зеленоватого цвета. Все его лицо в кровоподтеках и порезах, но видно, что не свежих. Это старые раны: светло рубиновые синяки под глазами, которые раньше были, наверное, черными, желтый с зеленым оттенком синяк от виска через щеку. У него нет переднего зуба. Морган понимает, что перед ним бездомный. Толпа все еще кричит вслед парню оскорбления, когда Иисус загораживает его собой.

«Что здесь происходит?» спрашивает Иисус стоящую рядом с ним женщину в толпе, хорошо одетую даму в летнем платье пастельного цвета и солнечных очках. Одной рукой она держит за руку маленькую девочку лет четырех или пяти, одетую так же, а в другой руке у нее самодельный плакат – кусок картона, прикрепленный к черенку –, на котором написано «ГОМОСЕКИ ГОРЯТ В АДУ!»

«Эта больница», говорит дама.

«Больница? Извините нас...», он показывает на Моргана, Клода и Бекки, «но мы не из этого города».

«Городской совет выделил деньги на открытие ... амбулатории и больницы», она буквально выплевывает последние слова, как будто речь идет о самых грязных выражениях, которые только можно себе представить. «Для больных СПИДом. Прямо здесь! На главной улице!»

Толпа снова принимается скандировать.

«А Вы считаете, что здесь *не должно* быть такой больницы?» спрашивает Иисус.

«Совершенно верно».

«Но... у Вас какая проблема в связи с этим?»

«Какая проблема?» Женщина не находит слов и, кажется, не понимает вопроса. Как будто проблема настолько очевидна, что она даже не думала вести разговор на эту тему. Маленькая девочка вопросительно смотрит на нее снизу вверх. Толпа собирается вокруг женщины. «Мы не хотим, чтобы здесь были эти люди». Кивком головы она указывает на парня, который ищет защиты за спинами Моргана и Бекки. «Мы не хотим, чтобы они заразили наш город».

«Какие люди?» спрашивает Иисус, сама невинность.

«Больные СПИДом. Наркоманы, гомосексуалисты, проститутки и им подобные».

«Мы здесь все добрые христиане», берет слово бородатый верзила.
«Нет, вы не добрые», говорит Иисус любезно, без намека на раздражение или иронию в голосе.

«Что, простите?» спрашивает дама в летнем платье.

«Вы не христиане», говорит Иисус.

«Что ты себе позволяешь, приятель?» спрашивает бородатый.

«Э-э-э...ну, сэр, у Вас в руках плакат, на котором написано, Иисус поворачивает голову, чтобы было легче прочесть: «ШЛЮХИ И НАРКОМАНЫ ПОПАДАЮТ В АД».

«Куда же еще», рычит кто-то.

Иисус смотрит на лица участников этого жалкого сборища, в большинстве своем перекошенных от злобы и ненависти. Потом переводит взгляд вниз на маленькую девочку, которая радостно ему улыбается. Несколько мужчин из толпы приближаются к нему. «Эти люди не заслуживают Божьей благодати», кричит один из них.

«Я Вам вот что скажу», продолжает возмущенно женщина. Фраза «Я Вам вот что скажу» является хорошим индикатором того, что вам придется выслушать изрядную порцию бессмыслицы. «Я каждое утро и каждый вечер возношу молитвы нашему Господу...».

«Знаете, леди», вздыхает Иисус, «Вы можете каждый вечер одевать Вашего песика в костюм супермена. Маленький засранец не станет от этого летать и спасать человечество».

Толпа выслушивает это замечание, задыхаясь от злобы, а женщина театрально прикладывает руку к сердцу. «Вы что же, считаете, что я...», начинает она, а полный мужчина встает между ней и Иисусом. «Все в порядке, Энни», говорит он даме и берет слово. «Послушай, друг мой, вы откуда тут взялись?»

«Нью-Йорк».

Мужчина ухмыляется и качает головой, бросая испепеляющий взгляд на длинноволосого, черного и блядского вида девку. «Ну, это многое объясняет. Запомни, мы не хотим, чтобы наш город превратился в такую же клоаку, как тот, в котором вы живете. Понятно? Почему бы тебе и твоим друзьям не забрать этого квира с собой, не убраться отсюда и не оставить нас, богобоязненных порядочных людей в покое?»

«По крайней мере, в одном Вы правы, сэр», говорит Иисус.

«И в чем, друг мой, я прав?» Тип стоит прямо перед Иисусом и довольно громко сопит. Иисус спокойно смотрит ему в глаза.

«У вас есть все причины бояться Бога», говорит Иисус.

Он поворачивается и берет бездомного за локоть. Пока они уходят, им в спину несется «Убирайтесь в Нью-Йорк» и «Иисус умер за ваши грехи».

«Да, ладно, будьте хорошими», кричит им в ответ Морган.

«О, да: да здравствует Демократия», говорит Бекки.

«Как тебя зовут?», спрашивает Иисус парня.

«П-п-пит».

«Ты уже ел что-нибудь сегодня, Пит?»

«Простите?»

«Еда? Голод?» спрашивает Иисус и показывает, как подносят ложку ко рту. «Ты поешь вместе с нами?»

Молодой человек смотрит на Иисуса, абсолютно не понимая, что происходит. Он не может себе представить, что в этом мире еще существует доброта. Его лицо оживает только тогда, когда он начинает плакать.

«Эй», говорит Иисус, «...это же все...ты в безопасности, старик. Все будет хорошо».

Глава 13

«Здесь просто не стало работы, нигде, понимаете? Все эти дома, которые строились повсюду: вдруг все прекратилось. А потом еще умер мой друг. Он был старше меня, болел дольше. После этого некоторое время я ничего не соображал, накопления кончились, меня выкинули из квартиры, медицинская страховка тоже истекла, я не мог больше платить за лекарства, эти противовирусные препараты и тому подобное. Они страшно дорогие. Есть еще больница там, в Торрансе, где выдают лекарства бесплатно,

но туда надо ехать почти час на автобусе. Раньше здесь была еще одна, не так далеко, но ее пару лет тому назад закрыли, этот ублюдок Буш, понимаете? Когда я услышал, что тут, в Демократии открывают больницу, я подумал, конечно: слава Богу. Но как все развивается, боюсь, при этом давлении со стороны *коммуны*, скоро ее закроют. У больницы постоянно собираются все эти церковные группы, обзывают тебя последними словами и оскорбляют. Я там был сегодня всего второй раз. Пару недель назад, в первый раз, клянусь, я полчаса рыдал. Маленькие дети, ученики начальных классов обзывают тебя «педрилой» и говорят, что на то Божья воля, чтобы я умер. А их родители стоят рядом. Как будто я Богом проклятый...». Пит умолкает и снова борется со слезами за раскладным столом в тени большого автобуса. Бекки берет его, утешая, за руку.

Прокаженный, думает Иисус и заканчивает про себя предложение. *Как будто я Богом проклятый прокаженный*. Пит хлюпает носом и вытаскивает из дырки, где раньше был зуб, кусочек хлеба.

«Что случилось с твоим лицом?» спрашивает Бекки.

«О, пару месяцев назад меня избили ногами два парня».

«За что?» спрашивает Морган.

«Я думаю, потому, что они были пьяными, а я спал на тротуаре».

Все молчат. Бекки замечает, что Иисус сминая рукой банку лимонада сильнее, чем обычно, прежде, чем спросить: «А кем ты работал, Пит?»

«На стройке. Я был плотником».

«Нет, правда?» спрашивает с улыбкой Иисус. «Слушай, Пит», Иисус встает и потягивается на солнце, «хочешь с нами в Эл. Эй?»

Пит смотрит на парня, с которым познакомился меньше часа назад. «Что?» спрашивает он.

«Послушай», продолжает Иисус, «если ты поедешь с нами, то у тебя будет еда и ночлег. Мы позаботимся о лекарствах и найдем тебе позже работу. Обещаю».

Пит поднимает взгляд и щурится на солнце, в лучах которого переливаются длинные золотые волосы ДжейСи. Голубые глаза спокойно смотрят на него. «А как ты все это сделаешь?» спрашивает Пит.

«Ах, мы найдем способ», отвечает ДжейСи.

Пит поворачивается к столу и спрашивает: «Он это серьезно?»

«Он ненормальный, как сортирная крыса», говорит Морган.

Глава 14

Они ненадолго заезжают в Колорадо, потом сворачивают на юг, в верхнюю часть Оклахомы, пересекая штат северо-западнее Бойз Сити и проезжают уже третью за последние несколько часов границу штата. Неожиданно они оказываются окруженными бесконечными просторами пустыни Нью-Мексико.

Клод сидит впереди рядом с Крисом, смотрит сквозь лобовое стекло и наблюдает, как ветер метет песок сквозь кактусы. Как будто простым усилием воли может заставить Санта-Фе появиться на горизонте, если только долго глядеть вперед. С того времени, как они покинули Канзас, он практически не разговаривал, еще меньше, чем обычно. Он просто смотрит в окно и сжимает свой маленький рюкзак, с которым не расстанется, когда к нему подходит Иисус. «Эй, ты», говорит он и протягивает ему одну из двух банок пива, которые держит в руках, присаживаясь рядом, но Клод отрицательно качает головой. ДжейСи пожимает плечами и открывает банку. Он делает приличный глоток, довольно рыгает и присоединяется к занятию Клода, уставившись через лобовое стекло на закат, который обещает небольшое смягчение дневной жары. «Красиво, правда?» говорит Иисус.

«Да».

«Все в порядке, малыш?»

«Ну, конечно».

«Ты рад встрече с твоим кузеном? Как ты говорил, его зовут?»

«Э-э-э... Сэм».

«И ты думаешь, он поможет тебе найти здесь работу?» спрашивает Иисус и отпивает из банки пиво.

«По крайней мере, он так мне говорил. Здесь платят хорошие деньги, сказал он».

«Опасная работа?»

«Думаю, не без этого».

Снова тишина. Ничего, кроме гудения дизельного мотора, черного асфальта, убегающего под колеса, и унылого песка вокруг них. ДжейСи бросает взгляд в заднюю часть автобуса, где, кажется, зарождается атмосфера вечеринки. Перед тем, как показать спину Демократии они купили пару ящиков пива, и вот сейчас Пит стоит в проходе и рассказывает что-то, жестикулируя жестяной банкой, Моргану, Бекс и Бобу. На нем джинсы ДжейСи, футболка Veruca Salt Криса, которая ему очень велика, и он свежeweмытый. Они дали ему денег на душ на стоянке для дальнoбойщиков до их отъезда, и Пит избавился не только от запаха помойки, но и стал чистым и розовым, как новорожденный. Просто удивительно, насколько горячий душ и пара свежих тряпок могут изменить ситуацию, когда тебя уже не обходят стороной, делая приличный крюк, а хотят с тобой что-нибудь отпраздновать.

«А как твоя мама?» спрашивает Иисус, снова поворачиваясь к Клоду. «Ты ей позвонил?»

«Да. У нее все хорошо».

«Это хорошо», говорит Иисус и допивает пиво. «Готов поспорить, ей гораздо легче было отпустить тебя к родственнику, правда? Старый добрый кузен Дэн».

«Да. Я тоже так думаю».

«Прости», говорит Иисус и хмурит лоб, «я имел в виду, конечно, Сэма». Он смотрит на Клода. «Его ведь так зовут?»

«Да, точно», отвечает Клод, тревожно бросив на ДжейСи быстрый взгляд. «Сэм».

«Правильно. Кузен Сэм. Я не был уверен. А ты действительно пива не хочешь?» Он берет вторую банку и помахивает ей. Клод снова качает головой. «Иди к папе», говорит ДжейСи, тянет за колечко, кладет ноги на поручни и как раз прикладывает холодную банку к губам, когда слышится сердитый возглас Криса: «Эй, попутчики, может быть, кто-нибудь и мне пивка поднесет?» Со вздохом Иисус поднимается с сиденья.

Глава 15

Санта-Фе, Нью-Мексико. В путеводителе Моргана написано, что Санта-Фе означает «святая вера». Но после Демократии в Канзасе никто не верит никаким именам.

Начало сентября, наверное, лучшее время для посещения Санта-Фе: здесь прохладнее, чем во время жары в августе, и осины на склонах гор Санто-де-Кристо окрашены в ярко желтый цвет.

Они ужинают вечером в кричаще пестрой мексиканской кантине, отмечая прощание с Клодом в прекрасном настроении, потому что до Эл. Эй, как сказал Крис, осталось всего восемьсот миль. Что даже с учетом целого дня отдыха - просто детская забава. Клод все время просит у Криса мобильник, чтобы проверить, дома ли кузен, но не может дозвониться. Еда в кантине недорогая, такос с рыбой отличные, а Иисус с Морганом стоят, облокотившись на стойку бара, довольные, и пьют очередную порцию текилы.

Друзья чокаются со звоном маленькими стаканчиками и опрокидывают жгучий алкоголь в горло. «И-эх!» крикает Морган и тянется за долькой лимона. «Ты только посмотри на них», говорит Иисус с любовью, и его затуманенный текилой взгляд скользит по кантине туда, где под большим декоративным кактусом собралась его группа путешественников: Биг Боб, натянувший свою хлопчатобумажную куртку на лицо так, что видны только глаза, визжащий от восторга Майлс и гоняющий его вокруг стола, строящий гримасы старший брат Дэнни. Пит взволнованно обсуждает что-то с Крисом и Бекки. Клод снова идет к выходу из кантины, набирая номер на мобильнике Криса. «Вот это прогулочка вышла, а?» говорит Иисус.

«Однозначно».

«Послушай, Моргс. Ты ничего не заметил странного в поведении Клода?»

«Странного?»

«Парень какой-то рассеянный, как будто он...»

«Ну, да, может, он волнуется, чужой город и все такое, ты же знаешь: встреча с кузенком, поиски работы и так далее. Херово, в общем», говорит Морган, «потому что он еще почти ребенок. И потом, разговорчивым он никогда не...».

«Тссс... тихо», шепчет ему ДжейСи, увидев приближающегося Клода. «Нет, я думаю, в соль мажоре это звучит лучше», говорит он уже нормальным голосом.

«Э-э-э... это был мой кузен. Он уже дома».

«Здорово», говорит Морган.

«Послушай», говорит ДжейСи и нагибается к Клоду, «мне как-то неудобно, что ты встретишься со своим родственником и попросишь вот так у него деньги, чтобы отдать их нам. Я думаю, что с тем, что у нас осталось, мы доберемся до Финикса и потом...».

«Это вообще не проблема», перебивает его Клод. «Вы так классно ко мне отнеслись. Я вернусь примерно через час».

«Ну, если ты так думаешь, старик».

Тот кивает.

«Тогда до скорого, малыш», говорит Морган.

Клод изучает многочисленные таблички с именами напротив звонков у большого тяжелого подъезда дома. Старое кирпичное здание в испанском стиле за годы своего существования много раз меняло планировку, и квартиры в нем размножились, как клетки живого растущего организма. Клоду требуется время, чтобы найти имя, которое он ищет. Имя написано от руки, заклеено сверху скотчем, и прочитать его почти невозможно. Но он сразу узнает почерк, хотя и не видел его уже много лет. Квартира 215. Он отходит в тень рядом с домом и ждет пять минут, десять, пока не замечает, что дверь открывается. Тогда он с видом занятого человека быстро взбегаем по ступенькам крыльца навстречу какой-то мексиканке, выходящей из подъезда. Дом не производит впечатления населенного жильцами, которые могли бы расспрашивать кого-то о цели посещения, и действительно: женщина оставляет за собой дверь открытой и позволяет ему таким образом войти в подъезд.

Он спешит вверх по лестнице, на втором этаже слева от него виден номер квартиры 209, и уже там он опускает руку в рюкзак, проходит 211 квартиру, а его рука сжимает рифленую рукоятку, 213, где большим пальцем он снимает пистолет с предохранителя. Остановившись перед квартирой 215, он все еще держит руку в рюкзаке, пытается отдышаться, глотает слюну и стучит в дверь, не давая себе возможность еще раз все обдумать. Спустя несколько тянущихся секунд он слышит звон разбитого стекла – упавшей бутылки –, дверь вдруг распахивается и перед ним появляется мужчина средних лет, почти лысый, с толстым выпирающим из грязной майки и нависающим над резинкой заляпанных тренировочных штанов животом. Лицо мужчины небрито, белки глаз покраснели. Он - выпивши, как Клод и ожидал.

«Что за...», хрипит мужчина с сильным кентуккским акцентом, агрессивно и раздраженно, как в воспоминаниях Клода. «Блин, что тебе здесь надо, ты мал...», орет мужик и с подозрением смотрит мимо Клода в коридор: налет озабоченности, что Клод, а может и не Клод, пришел не один. Но он не успевает закончить фразу: Клод вырывает из рюкзака пистолет и бьет им мужчину в лицо. Тот падает на пол со сломанным носом, и кровь брызжет у него из ноздрей. Клод заходит в квартиру и закрывает за собой дверь.

«Давно не виделись, правда?» спрашивает он, направляя пистолет на лежащую на ковре массивную истекающую кровью фигуру.

Глава 16

«Что, черт возьми...», гнусавит мужчина и держится за нос. Кровь капает ему на майку, когда он пытается встать на ноги, однако бросает эту попытку, услышав холодный металлический звук: Клод передергивает затвор.

Мужчины смотрят друг на друга – в первый раз за пять с лишним лет - один снизу в верх, сопя и кипя от злобы сквозь завесу из боли и слез. Клод дрожит, переживая чудовищный момент в жизни, о котором он так давно мечтал, и который, наконец, наступил.

«Это за маму», говорит он, наводя пистолет и касаясь пальцем курка.

Глаза мужчины расширяются.

Тут дверь распахивается, и Иисус кричит: «Эй, приятель, проблемы?»

Полная тишина. Клод коротко переводит взгляд на Иисуса, по-прежнему держа мужчину на прицеле. «Вас это все не касается, мистер», говорит ему Клод.

«Хорошо, я тебя понял». ДжейСи закрывает за собой дверь, проходит в центр комнаты и осматривается. «Извини, что я пошел за тобой, но у меня было такое чувство, знаешь...».

«Ты можешь остаться и посмотреть, как он умрет», говорит Клод, снова полностью сконцентрировавшись на испачканной кровью фигуре на полу.

«Э-э-э... ну, хорошо. Я могу тебя всего лишь спросить, за что ты хочешь убить своего кузена, Клод?»

«Это не кузен», говорит Клод.

«Клод?» гнусавит мужчина, и у него в ноздре надувается и лопается кровавый пузырь «Это мой папа».

Снова тишина, пока до них доходит, что они только что услышали. Мужчина стонет.

«Это так?» спрашивает Иисус, приближаясь к Клоду на расстояние вытянутой руки.

«Попробуй отобрать у меня пистолет, и ты тоже умрешь», угрожает Клод.

«Хорошо, хорошо, я тебе верю», говорит Иисус.

«Послушай, сынок», подает голос отец Клода.

«Заткнись, ты, кусок говна!» выходит из себя Клод, наводя оружие прямо в лицо мужчины, с дрожащим пальцем на спусковом крючке.

«Клод», говорит спокойно Иисус. «Я никак не могу взять в толк, что ты будешь делать, когда его убьешь?»

«Что? Потом я убью себя!» говорит Клод таким тоном, будто Иисус идиот, если сам не может такого догнать.

«А, понятно», говорит Иисус успокаивающим тоном. «Но для чего ты хочешь это сделать? Подумай о своей маме. О ферме».

«Нет больше мамы. Нет больше фермы. Из-за этой сволочи». Говоря последнюю фразу, он поворачивается к отцу.

«Что случилось с твоей мамой, Клод?» спрашивает осторожно Иисус.

«Она умерла месяц тому назад. Убила себя алкоголем, после того, как этот нас бросил. Пять лет у нее ушло на это... таблетки и виски. Я пытался ее удержать, но она...а потом погиб урожай кукурузы. Банк расторг с нами ипотеку. Она просто, я...». Парнишка полностью теряет самообладание, борется со слезами и пытается удержать свой беспомощный гнев под контролем. «Я не мог справиться один, а помощников мы себе позволить не могли. Эта свинья не прислала нам ни цента. Все пропало...все. Ты меня слышишь, сволочь?» Его палец снова касается курка, отец в панике жмется к стене, хорошо, видимо, представляя, какой мягкий спуск у старого пистолета. «Она...она не хотела есть. Просто перестала есть. На втором этаже у себя в комнате она плакала. Пила. Я пытался, я...в конце от нее ничего не осталось. Только к-кожа и к-кости». Слезы льются у него из глаз. «Моя бедная мама. Что мне еще остается делать?»

В комнате царит полная тишина, слышны только всхлипы Клода.

«Клод», говорит Иисус мягким голосом. «Посмотри на меня, Клод».

Клод оборачивается и смотрит сквозь пелену слез в глаза Иисусу, по-прежнему держа отца на прицеле дрожащей рукой.

«Тебе мама что-нибудь читала, когда ты был маленький?»

«Читала?»

«Да, сказки там всякие?»

«И-иногда».

«Ты помнишь, как ты сидел у нее на коленях? Как ее подбородок касался твоей головы? Она любила запах твоих волос. Помнишь? Это было, когда ты должен был идти спать, наверное, после ванны. Ты для нее был само совершенство, понимаешь?»

ДжейСи говорит медленно, его голос гипнотизирует, когда он подходит все ближе и ближе. Клод теряется в глазах тихоокеанской синевы. «Ты думаешь, она захотела бы увидеть, как ты пустишь пулю в свою красивую голову? И брызнут твои мозги? Она хочет только одного: чтобы ты был счастлив».

«Она ушла».

«Ненадолго. Ты скоро с ней встретишься. Но не сейчас, парень. И не так».

«Ты не можешь этого знать».

«Эх, чувак. В этом деле ты просто должен мне доверять».

«Но я...я ни на что не способен».

«Ты – фермер, Клод. Это, наверное, лучшая профессия на свете».

«Но фермы больше нет», он уже плачет навзрыд.

«Мы и об этом позаботимся когда-нибудь во время нашего путешествия».

Клод смотрит в глаза этого парня, которого знает всего пару дней, и который такой спокойный, такой уверенный. «Ты...ты мне обещаешь?» Клод говорит это, как пятилетний мальчик.

«Иди ко мне, малыш».

Парень падает в объятия Иисуса, прижимается лицом к его груди и выпускает из руки пистолет. Отец Клода видит свой шанс и бросается за ним. Но прежде, чем успевает встать на ноги, Иисус поднимает пистолет и снова наводит на него.

«Мне жаль, сэр. Но я попросил бы Вас снова сесть». Говоря это, он по-прежнему обнимает Клода, чьи горячие слезы намочили ему плечо. «Я понимаю, этот вечер может нанести Вам приличную травму, но практически все уже позади. Скажем так: у нас деньги на бензин закончились, такая неприятность. Поэтому я вынужден просить Вас передать мне содержимое портмоне, которое лежит на телевизоре. Я запомнил Ваш адрес и с радостью верну Вам одолженное, когда мы снова встанем на ноги. Если только Вы, принимая во внимание последние события, не придете к убеждению, что слишком много задолжали своему сыну, отказав ему в поддержке долгие годы. В этом случае будем рассматривать эти деньги как собственность Клода, а я лично позабочусь о том, чтобы он их получил. Что Вы об этом думаете?»

«Бери», говорит Клод старший, едва выговаривая слова от крови во рту и стыда.

«Огромное Вам спасибо, сэр».

После продажи пистолета у них есть достаточно денег, чтобы наполнить полный бак автобуса бензином. Клод плачет на заднем сиденье между Иисусом и Бекки еще целую вечность, когда ночью они пересекают Аризону, остановившись на привал один только раз где-то за Финиксом. Крис выжимает из мотора все возможное, и вдруг они оказываются на интерстейт, ведущей в Санта-Монику. Из ничего, как откровение, в утреннем свете во всей своей красе перед ними встает океан, встречая, как и миллионы раз до этого усталых пилигримов.

Часть четвертая

Лос-Анджелес

«У каждой страны есть свой цирк, которого она заслуживает. В Испании это - коррида, в Италии – католическая церковь. А в Америке – Голливуд».

Эрика Джонг

Глава 1

«Это просто супер, спасибо. О, еще вот что...», Иисус оборачивается и случайно стучает ключами от номера о мраморную стойку регистрации. «Вы мне не подскажете, где здесь можно достать пару надувных матрасов?».

«Надувных?» Дама за стойкой в который раз за время этого сложного и долгого чек-ина поднимает брови.

«Матрасы. Ну, Вы знаете...на которых спят».

«О, я...может, попробуете на Сансет. Мне кажется, там есть пара строймаркетов. Если выйдете из гостиницы, сразу налево...»

«Окей», говорит, поворачиваясь, Иисус и смотрит через лобби знаменитого отеля «Шато Мармонт» на Криса, который дремлет на диване, закрыв глаза, с красным,

залитым потом лицом. Обессиленный и изможденный после часа маневров на автобусе по пробкам утреннего Лос-Анджелеса, он, наконец, может позволить себе отдохнуть. Здесь внутри приятные, прохладные сумерки. Мягкий янтарный свет падает на плетеную мебель, ковры на стенах и полированное дерево. В зависимости от степени усталости или любопытства остальные исследуют непривычно шикарное окружение, и время от времени в лобби звучит восторженное восклицание Бекки и визг детей или редкое удивленное «Дрек!» Боба, опять обнаруживших что-то потрясающее среди этого богатства. «Эй, чувак! Ты знал, что здесь ночевали «Лед Зеппелин»?», кричит взволнованно Морган через все помещение, полное кинозвезд, агентов и продюсеров, удивленно вертящих головами.

«Знаете, что, мэм? Я думаю, сначала мы освежимся».

«Без проблем», говорит молодая дама с улыбкой. У Иисуса сразу же создается впечатление, что здесь в «Шато» вообще не существует проблем. «Может быть, Вам принести что-нибудь в номер?»

«Э-э-э... что, например?»

«Напитки? Закуски?»

«Честно говоря, мисс...», говорит ДжейСи и заговорщицки нагибается над стойкой. «Мы не очень-то при деньгах». Рецепционистке, настоящей профи, удастся, получив такую информацию, весьма правдоподобно передать взглядом свое удивление и озабоченность. «А я полагаю, что здесь далеко не дешево».

Она нагибается совсем чуть-чуть над прохладной стойкой и говорит очень тихим голосом: «Мы получили указание высылать Ваши счета прямо на студию, сэр».

«Ну, если это так. Пожалуй, мы не откажемся от небольшого завтрака».

Телеканал разорился на бунгало. Причем, очень симпатичное: почти сто квадратных метров, холл, спальня, две ванных комнаты и раздвигающиеся двери для прохода на террасу, за которой располагался голубой овальный бассейн. Банде требуется минуты две с половиной, чтобы обуютить помещение. Йеп, за две с половиной минуты интерьер с глянцевой обложки журнала «Vanity» превращается в фото, иллюстрирующее душераздирающий репортаж из лагеря беженцев. Иисус улыбается и снова прикуривает косяк, наблюдая за происходящим, лежа в удобном шезлонге на террасе: Гус и Дотти сидят на полу и систематически опустошают минибар, Майлс и Дэнни колотят друг друга подушками, и слышно, как Бекки наполняет водой одну из ванн. Клод и Пит сидят рядышком на диване, последний рассказывает содержание фильма «Нищий из Беверли Хиллз», а Бетт Мидлер в полный рост заполняет собой огромную плазму на стене. Биг Боб в другом конце комнаты перекладывает содержимое вазы с фруктами в свои многочисленные карманы, а из спальни, где Морган и Крис осваивают стереосистему, доносятся обрывки музыки. Уютно устроив ступни в солнечном пятнышке, Иисус шевелит пальцами ног и думает: *охренеть, а мы не слабо все это провернули.*

«Чуваки, блин, а ведь, получается», говорит Морган и оглядывается по сторонам, выходя из спальни, падая в шезлонг напротив Иисуса и принимая от того косяк.

«Что ты имеешь в виду?» смеется Иисус.

«Кровать размером с гребаное футбольное поле. На ней легко можно спать вчетвером. Еще по одному на диванах в комнате, а если мы эти штуки на ночь занесем внутрь», Морган хлопает ладонью по своему шезлонгу, «...то получаются еще два спальня места. Боб все равно больше любит спать на полу. Правда, старик. Кому нужно столько места для одного?»

«Посмотри на этих в холле!» говорит Иисус. «Разве это не супер, когда другим делаешь приятное?» Морган кивает и широко улыбается, отвечая на улыбку ДжейСи. «А при самом плохом раскладе? Если я вылечу из шоу после первого выступления? По крайней мере, наши люди получили настоящий отпуск».

В этот момент Боб открывает дверь номера, и входят четыре официанта, толкающие перед собой нагруженные сервировочные столики с переполненными серебряными подносами, сверкающими на послеобеденном солнце. Тотчас все обступают официантов, поднимают крышки и тянутся за стаканами и приборами. *Даже официанты здесь профи,* думает Иисус. Они ведут себя так, как будто видят подобное каждый день: полдюжины голодных странных типов, налетевших на них, как стервятники, вонючая парочка

алкоголиков, заснувшая на полу, сладковатый дым в воздухе. Боб неуверенно показывает через раздвигающуюся дверь на Иисуса и Моргана, и один из официантов, протискиваясь сквозь народ, идет через комнату на террасу и протягивает Иисусу счет.

«Спасибо, чувак», говорит Иисус, подписывает счет и прибавляет тридцать процентов чаевых, «и извини – ну, ты знаешь – тут у нас...». Косяком он показывает на личности внутри.

«Сэр, я Вас умоляю...», говорит официант. «У нас здесь неделю проживала «Металлика». Тогда, когда они еще зажигали...Я должен Вам сказать...»

«Вау», говорит Морган. «И какие они были?»

«Настоящие джентльмены. *Спасибо, сэр*», говорит он Иисусу и обозначает легкий поклон, принимая счет. «Это передали для Вас на ресепшен». Он протягивает ДжейСи конверт, на котором красуется логотип ABN. «И если позволите: успехов Вам в шоу!»

«Спасибо, брат», говорит Иисус, улыбаясь.

Иисус засовывает большой палец под печать и разламывает ее: в конверте лежит ламинированный пропуск и письмо, подтверждающее, что завтра утром в девять часов Иисуса заберет лимузин и доставит в комплекс студий ABN в Бербэнк.

«И сколько стоило это удовольствие?» спрашивает Морган.

«А?»

«Счет, ты, чучело. Сколько?»

«О, где-то четыреста».

«*Четыреста долларов за завтрак?*»

«С чаевыми, Морган».

«Ну, это меняет дело», говорит Морган и давит косяк в тяжелой хрустальной пепельнице. «На прошлой неделе мы еще воровали сэндвичи, старик. Нам здесь дадут такого пинка под зад».

«Нет, не дадут», говорит Иисус, все еще рассматривая письмо. «А если и дадут...что из этого?»

«Скажи, тебе бывает что-нибудь не по барабану?»

«Иисус размышляет. «Не-а», говорит он. «Вообще-то нет».

Глава 2

Первый день шоу. Стивен Стелфокс шагает из гардероба в студию 4, в сопровождении фаланги ассистентов, продюсеров и гримеров, которые как преторианская гвардия сгрудились вокруг него. Дарси ДеАнджело и Херб Штутц каждый в сопровождении своей собственной свиты замыкают процессию. Региональные кастинги уже предоставили достаточное количество хорошего материала. Видеоряд заранее был хитроумно смонтирован, выставляя американских фриков на посмешище и вызывая чувство подсознательного стыда. У сотрудников продюсерских подразделений нервы обнажены как обычно, когда Стелфокс ступает на борт. Однако они обнажены еще не до такой степени, какая наступит через неделю, когда шоу пойдет в живом эфире, и начнется «отбор кандидатов» - при этом все кандидаты уже давно отобраны. Стелфокс работает с сюжетной линией. Кто или что поспособствует созданию захватывающего сюжета? Такого, который продержится до декабря, а когда настанет время, взорвется, как бомба?

«Йеп. Идем», говорит молодая ассистентка в микрофон хед-сета.

«Наоми, прелесть», говорит Стелфокс, протягивая ей полупустую бутылку воды «Эвиан», «скажи жирному уроду на третьей камере, что если он еще раз направит на меня объектив снизу и слева в профиль, то следующие двадцать лет будет снимать промежуточные титры к мексиканским мыльным операм».

«Он уже в курсе, ЭсЭс».

Двери студии разлетаются, Стелфокс меняет выражение лица на дружелюбную, участливую улыбку. Потому, что настал момент, когда генерал предстает перед своим войском.

Все происходит следующим образом. Первая передача состоит, как правило, из материала региональных кастингов; в принципе репрезентативный слепок той части американского общества, которая по идее должна была бы находиться в психушке: скачущий пятидесятилетний гомик в боди, скулящий песни Мадонны, нервно

исполняющий номер «Иглз» заикающийся педофил, поющая на тирольский лад стапятидесятикилограммовая домохозяйка. Затем постепенно шоу сконцентрируется на специфических характерах, которые можно грубо разбить на три группы. 1). Те немногие, у кого есть настоящий талант и соответствующая внешность, и которые однозначно пройдут дальше. 2). Те, кто хотя и талантлив, вынуждены бороться с проблемами лишнего веса, косоглазием, лошадиными зубами и цветущими угрями. То есть те, кто, *возможно*, пройдет дальше, поскольку их жизненные истории предлагают достаточно сердечной боли и драм. Диализ и нищета. Разбитая семья и детский дом. Пропавшие родители и потерянное детство. Что, *возможно*, привлечет внимание зрителей – этих *животных*, если выразаться отраслевым термином, введенным в оборот Стелфоксом – потому, что команда продюсеров давно решила, кто пойдет дальше. 3). Маленькая, эксклюзивная группа, в которой находится и Иисус, состоящая из людей, обладающих талантом и привлекательной внешностью и у которых однозначно *не все дома*.

В большом гардеробе, в котором царит атмосфера зала ожидания на вокзале, Иисус слышит смех зрителей в студии, которым как раз показывают сцены из кастингов. Он отрешенно играет пару аккордов на своем Гибсоне и оглядывается по сторонам. Все однозначно нервничают, бегают туда-сюда, заливаются гаммами, делают разминку и, наряженные в свои лучшие тряпки, оценивают каждый каждого, многие с нескрываемой ненавистью.

Все, конечно, кроме Иисуса, который в дополнение к своей душевной улыбке надел рваные джинсы, кеды и выцветшую футболку Mogway, которую ему пришлось одолжить у Бекки – единственной, кто додумался постирать в отеле пару вещей. Большой, чернокожий парень протискивается мимо Иисуса и присаживается в углу, потев и дрожа всем телом. Это выглядит так, будто он хотел бы остаться рядом с унитазом, чтобы блевануть. У него массивное тело, и весит он наверняка сто двадцать килограммов. «Эй, ты в порядке?» спрашивает Иисус.

Парень качает головой. «Старик, я не могу дождаться, когда все закончится».

«Тогда зачем ты в этом участвуешь?» спрашивает Иисус не без доброты в голосе.

«Я хочу помочь своей семье». Парень пожимает плечами.

«Как тебя зовут?»

«Гарри».

«Иисус». Они протягивают друг другу руки: рука ДжейСи прохладная и сухая, рука Гарри – дрожащая полая тряпка.

«Как тот в Библии?»

«Как тот в Библии. Послушай, не парься, малыш. Ну, что с тобой может случиться?»

«Я могу им не понравиться».

«Насрать. Мне ты нравишься».

Молодая женщина в хед-сете и с блокнотом подбегает к ним. «Иисус Христос?»

«Это я». Когда он встает и закидывает гитару за спину, слышно, как смех становится громче. Так часто бывает, когда его имя произносят на публике.

«Ты следующий».

Из-за кулис Иисус смотрит, как певица, выступавшая перед ним, отвечает на вопросы жюри.

«Когда я еще была маленькая», как раз говорит она, а вокруг скользят камеры, «я знала, что однажды стану знаменитой. Я все время чувствовала, что я не такая, как все. Я...»

«Да, крошка», перебивает Стелфокс. «Ты действительно *другая*. Проблема в том, что ты *бесталанная*».

Недовольное гудение и свист в зале, губы девушки дрожат.

«Да ладно, Стивен», говорит Дарси. «Мы не раз слушали здесь участников намного хуже Керри».

«Ах, и это для тебя достаточно веская причина, чтобы она прошла дальше, Дарси? Мы слушали здесь кого-то *намного* хуже? Я полагаю...»

Недовольный гул смешивается со смехом.

«Я говорю, что нет причин...»

«Ну, а я говорю только: следующий. Спасибо, Керри».

«Вы совершаете большую ошибку», говорит Керри упрямо.

«Я это переживу», отвечает Стелфокс. «Следующий!»

Иисус выходит на сцену и жмурится на хромированные прожектора. Как и предусмотрено сценарием, Херб Штутц спрашивает: «Как тебя зовут, сын мой?»

«Иисус Христос».

Зал хохочет, когда Стелфокс (по сценарию) изумленно смотрит на него. Иисус улыбается. Уже тридцать один год одна и та же хрень. Спасибо, папа.

«Как-как?»

«Иисус. Христос».

Дарси закрывает лицо рукой, чтобы не прыснуть. Публика смеется все громче.

«Ну, выше установить планку, видимо, невозможно, а?» замечает Стелфокс.

«Откуда ты приехал, сын мой?» спрашивает Штутц.

«О, из Нью-Йорка».

«Тогда поехали», говорит Стелфокс и добавляет: «э-э-э...Иисус».

Зрители еще смеются, когда Иисус начинает свое выступление. Он поет ту же песню, которую исполнял при прослушивании. «The Only Living Boy in New York», он один в сопровождении электрогитары.

Смех стихает довольно быстро. Штутц и ДеАнджело восхищены. Первый, внутренне сопротивляясь, вторая – безгранично. Выражение лица Стелфокса непроницаемо. Слышатся спонтанные восторженные крики, радостные восклицания, когда ДжейСи в середине песни вставляет короткое струящееся соло. Едва затихает последний аккорд, как публика разражается искренними, долго не смолкающими аплодисментами.

«О, мой Бог!» говорит Дарси. «Это было *просто* изумительно».

«Как долго ты играешь на гитаре, сын мой?» спрашивает Херб Штутц.

«Сколько себя помню».

«Ты умеешь играть. Это говорю тебе я. А я работал с лучшими гитаристами мира». Он смотрит через стол в направлении Стелфокса, который что-то записывает, и говорит: «Стивен?»

«Окей», говорит Стелфокс и поднимает взгляд, как будто бы ничего не произошло. «В отличие от моих коллег здесь я не наделаю себе сразу в штаны только потому, что ты умеешь играть на дурацкой гитаре. Если я выйду на бульвар Голливуд и брошу палку, то попаду в десяток гитаристов, не хуже тебя. То, что ты владеешь инструментом, отнюдь не означает, что ты способен стать звездой. А в нашем шоу речь идет как раз об этом – мы ищем звезду. И потом, посмотри на себя...». Он делает паузу, ожидая в этот момент негативной реакции. Но нет, Иисус стоит, кивает и выглядит немного отстраненным. Тяжелое молчание. Нервный смех в зале. «Извини», говорит Стелфокс, «тебе скучно, *Иисус?*» Еще больше смеха при упоминании имени, которое уже сейчас становится хитом.

«Да, немного». Иисус смеется, абсолютно расслабленно. Публика стонет и хохочет все громче. «*Тебе скучно со мной?*» спрашивает Стелфокс. «Это что-то новенькое. Посмотрим, будешь ли ты скучать и дальше...да, ты умеешь играть на гитаре, молодец. Да, ты можешь держать мелодию. И да, у тебя привлекательная внешность, но я не вижу в тебе задатков звезды и считаю выбранную тобой песню отстойной. Саймон и Гарфанкел? Я тебя умоляю. Абсолютно неоригинально».

«Да? Вообще-то я хотел исполнить что-нибудь из Хендрикса, но люди здесь сказали...»

«Джими Хендрикс?» говорит Стелфокс. «Давай откровенно, он же - уличный музыкант».

«Окей, довольно», говорит Иисус тихим, но решительным голосом.

«Я извиняюсь, не понял?»

«Все ты правильно понял, старина. Прекрати наезжать на Джими».

Ликование и восторг в зале, поскольку в предыдущих двух шоу ничего подобного не было. Конечно, кандидаты возражают Стелфоксу, но обычно с трясущимся подбородком и сжатыми кулаками, убежденные, что их несправедливо засудили. Иногда протест бывает громким и грубым, но таким никогда. Спокойным. Уверенным. Зрители замечают, что что-то здесь не так.

Стелфокс перегибается через стол и рассматривает Иисуса в упор. «Некоторые считают, что я немного понимаю в поиске талантов», говорит он. «И я говорю тебе, что ты не идешь дальше. Девочки?»

«Ты что, шутишь?» говорит Херб. «Он один из самых талантливых мальчишек, которые когда-либо здесь выступали».

«Мальчишек?» говорит Стелфокс. «Извини, сколько тебе лет, Иисус? Мне кажется, тебе...». Он копается в документах.

«Тридцать один».

«Ну, уже далеко не мальчик».

«Ну и что?» говорит Штутц. «Меня он убедил. Дарси? Кажется, твой голос будет решающим».

ДеАнджело, которая слушала разговор и одновременно наблюдала за Иисусом с легкой улыбкой, смотрит сначала на Стелфокса, потом на Штутца и качает головой. «Я обожаю, когда вы вот так спорите. Иисус, от меня ты получаешь «да», малыш. Я говорю, что ты проходишь дальше».

Неподдельное ликование охватывает зал еще до того, как вспыхивают красные буквы АПЛОДИСМЕНТЫ. Иисус не вскидывает победно руку со сжатым кулаком, не скачет по сцене и не рыдает. Лишь едва заметный кивок головы.

«Вот тебе и раз», говорит Стелфокс, качая головой. «А кто из вас обоих хочет быть ментором этого святейшего господина?».

Штутц и ДеАнджело смотрят друг на друга. Она наклоняется и шепчет ему на ухо, после чего тот кивает. «Честно, Стивен?» говорит Дарси. Для музыки, которую наверняка будет исполнять этот мальчик, лучше подходит Херб.

«Херб?» говорит Стелфокс. «Ты - покойник».

«Да ладно!» смеется Херб. «Для меня будет большим удовольствием доказать, что сегодня ты был неправ».

«Окей», говорит Стелфокс. «Твоим ментором будет Херб. Увидимся на следующей неделе».

«Окей», говорит рассеянно Иисус, держа Гибсон под мышкой.

Пока публика ликует, Иисус идет вдоль стола и жмет каждому руку. Наконец, он подходит к Стелфоксу. Мужчины протягивают друг другу руки – рукопожатие Стелфокса холодное, бесчувственное – и недолго смотрят друг на друга: Стелфокс глядит в глаза, синие, как васильки, плывущие в океане. Иисус в свою очередь смотрит в глаза, черные, как космос, бездонные дыры пустоты, летучие мыши кружат в колодцах зрачков, устремляясь в вакуум души.

Мурашки бегут по спине у Иисуса.

Стелфокс тоже замечает нечто необычное...

Сценарий, конечно, предусматривал в общих чертах *дебаты* относительно того, примет ли Иисус участие в шоу. Но ничего другого. Чего-то, чего Стивен пока не может при всем желании объяснить, провозжая взглядом покидающего сцену Иисуса. Он проводит большим пальцем под V-образным вырезом пуловера и чувствует, что жар немного проходит. Он во власти ощущения, которое не посещало его давным-давно, с того времени, как он стал единственным властелином самого успешного телешоу Америки. Осознание происшедшего одновременно возбуждает и беспокоит.

Он чувствует присутствие противника.

«А что такое, черт возьми, ментор?» спрашивает Иисус Бекки вечером того же дня, потягивая дайкири у бассейна.

«Ты, конечно, не смотрел запись пролога к новому сезону?» говорит Бекки.

Иисус беспомощно пожимает плечами. «Я пытался, только все это так...ужасно».

«Но...кто твой ментор?»

«Э-э-э...этот толстый белый. Я должен с ним завтра встретиться».

«Херб Штутц? Блин! Дарси лучше, но, по крайней мере, он поможет тебе в выборе песен и аранжировки и...»

«Почему какой-то идиот должен выбирать для меня песни?»

«В шоу такой порядок».

«Ну, тогда пошло это шоу на хер».

«Да, ладно тебе, попробуй им хоть немного подыграть», говорит Бекки и поднимается. Она классно выглядит в своем бикини.

«Просто...почему во всем всегда должно быть какое-то соревнование?» вздыхает Иисус. Бекки смотрит на него сверху вниз. «Ты такой хороший», говорит она и целует его в лоб. Там, совсем близко от его лица, она замирает, и их ресницы почти касаются друг друга. Он чувствует ее дыхание. Если бы он высунул язык, то мог бы лизнуть ее губы. Иисус поднимает руку и гладит ее по щеке. «Послушай, Бекки, я просто...сейчас я никак не могу быть с тобой».

«Ха!» смеется она коротко и треплет его за щеку. «Размечтался. Спустись на землю, мистер Суперстар». Он смотрит ей вслед, как она бежит к бассейну, и слышит всплеск, когда Бекки красиво рыбкой ныряет в воду.

Позже все собираются в бунгало, чтобы вместе посмотреть первый конкурс: на кофейном столике теснятся пиво, орешки и попкорн, и даже Гус с Дотти растянулись посередине комнаты на полу перед телевизором. Майлс и Дэнни не могут спокойно сидеть на месте и кричат: «Сейчас тебя покажут по телевизору!» будто все происходящее кажется им сном. Все смотрят на представление двенадцати кандидатов, прошедших в заключительную стадию *АМЕРИКЭН ПОП СТАР*, и каждую неделю один из них будет отсеиваться, пока в финале в декабре их не останется только двое.

К «пустышкам», по определению Моргана, можно отнести Райана Крейна: белого парня с приятными чертами лица и белой жилеткой, ментором которого также является Херб Штутц.

На экране появляются «Хармоникс»: угловато танцующая бой-группа, состоящая из четырех Райанов Крейнов слегка варьирующегося этнического происхождения и исполняющая попсу с примесью хип-хопа.

Тут же «Лэйдиз Найт»: трио девиц в очень узких сетчатых боди и очень коротких шортиках, поющее сладкий рок-энд-блюз.

А вот и Гарри МакДональд: крупный, милый чернокожий парень, с которым Иисус познакомился на прологе, в чьем массивном теле помещается потрясающий голос.

«Для квоты фриков», объясняет Морган Крису.

Камера показывает Дженнифер Бенц: нежную куколку с обложки «Плейбоя», которую опекает сам Стелфокс - всеамериканскую любимицу с чистым, как хрусталь, голосом, способным передавать все без исключения нюансы кажущихся бесконечными душераздирающих баллад.

И, наконец, появляется Иисус: огромный, заполнивший собой весь экран с закрытыми глазами, с упавшими на лицо светлыми волосами, поющий перед жюри. Все кричат и хлопают в ладоши, а Иисус стонет и натягивает свитер себе на лицо.

Пит вздыхает и театрально прикладывает руку к сердцу: «Камера любит, любит, любит тебя!» говорит он.

«Точно, классно выглядишь, чувак», соглашается с ним Крис.

Потом идет интервью после кастинга. «Почему я хочу принять участие в конкурсе? Ну, если я скажу, что я Сын Божий...», включается аудио-ряд со смехом зрителей, «...я...э-э-э...ну, я понимаю, как это звучит...».

«О-о-о», говорит Морган.

«...но это, к сожалению, так». Смех громче. «Знаете, я пришел, чтобы попробовать..., ну, чтобы передать завет. Он гласит: «Будьте хорошими». Ну, это...друг к другу. Вы все, кажется, забыли, что Бог...ну это, он недоволен. Я имею в виду...»

Он говорит еще, а потом включается реклама.

«Ну, по крайней мере, тебя будут узнавать», говорит Пит.

«Кажется, гитара была немножко расстроена?» спрашивает ДжейСи Криса.

«Вот тебе обязательно надо было все это говорить?» спрашивает Морган. «Знаешь, кто ты теперь?»

«Моргс!» перебивает его Бекки.

«Ты - придурок, который выдает себя за Сына Божьего».

«Заткнись, Моргс», говорит Крис.

«Да все в порядке, ребята», говорит Иисус. «Что с того?»

«Ты сказал, что вообще не будешь участвовать в конкурсе потому, что это шоу фриков. А прямо сейчас ты сам выставил себя одним из них. Ты теперь стал неотъемлемым юморным элементом телепередачи».

«Мы беседовали довольно долго. Я понятия не имел, что они вставят этот разговор в программу».

«Знаешь, что?» говорит Морган и встает, «для Сына Божьего ты иногда ведешь себя слишком по-идиотски». Он уходит в другую комнату.

«Вот блин», говорит Иисус. «Это же только телевизор. Кого это волнует? А вообще-то я получил сегодня деньги от студии. Дети, может, пойдём, съедим по мороженому?»

Через полчаса Иисус узнает, кого это волнует, когда он с Биг Бобом, Майлсом и Дэнни стоит в очереди в «Баскин Роббинс» на Мелпроуз Авеню. Машины тормозят, незнакомые люди кричат приятные вещи: «Эй, Иисус, ты настоящий рокер!» И менее приятные: «Эй, спаси меня, сраный фрик!» Прохожие останавливаются и пялятся на него. Три раза у него просят автограф, два раза сфотографироваться, а один раз звучит неприкрытая угроза от взбешенного христианина, который, правда, спешно ретируется, поняв, что Боб входит в сопровождение Иисуса.

«Блин», говорит Иисус в ожидании такси до гостиницы. Майлс и Дэнни засунули носы в вафельные стаканчики с шоколадным мороженым. «Люди действительно смотрят это дерьмо. Охренеть».

«Дрек», говорит грустно Боб.

Стивен Стелфокс задумчиво отворачивается от окна одной из комнат своего дома и легонько стучит себе маленьким черным пультом дистанционного управления по зубам. За немного тонированным стеклом окна во всю стену виден кусочек пляжа Малибу, его собственного пляжа, золотящегося на солнце, и Тихий Океан. Его ближайший сосед Стивен Спилберг живет в полумиле ходьбы по пляжу.

Он нажимает на PLAY и смотрит интервью еще раз. Симпатичный, хотя и вконец обдолбанный длинноволосый блондин беседует с Самантой Дженсен, остающейся за кадром. «Я совсем не рассчитываю на то, что мне кто-то поверит», как раз говорит он. «Я просто стараюсь, ну, это, понемногу помогать людям. Вместе с моими друзьями Крисом и Морганом. Люди почему-то, думают, что отец – Бог – такой злой мстительный тип, который всех уничтожит, если ему день и ночь не молиться. Но это совсем не так. Конечно, иногда его терпение на пределе, но...»

Стелфокс нажимает на паузу: лицо Иисуса заполняет собой весь экран 60-дюймовой плазмы. Симпатичный парень, без вопросов. И голос хороший, хотя Стелфокс, безусловно, убрал бы эту брэнчащую гитару. Но главное вот в чем: он без сомнения верит в то, что рассказывает. Из этого следует, что он наверняка душевнобольной. Это может пополнить квоту фриков и пару недель привлечь зрителей. Стелфокс придерживался убеждения, что идеальный кандидат должен быть экзальтированным фриком с привлекательной внешностью, интересной биографией и при этом не без таланта. Но такие кандидаты пока не встречались. Обычно, для сумасшествия имелись причины. За душераздирающую биографию надо, как правило, платить.

Во время продолжительной прогулки на кухню он рассматривает стены, увешанные многочисленными произведениями современного искусства: Уорхол, Дэмиен Херст, Банкси. Последний, на взгляд Стелфокса, был вообще какой-то малюющий вандал. Да еще и с вонючими левацкими взглядами. Но цены на него шли вверх, а консультант заверил его: «Это хорошая инвестиция».

В просторной кухне, посреди итальянского мрамора и старого специально обработанного дерева, которое по уверениям дизайнера, этой жутко фамильярной, но знаменитой гомотягины из Фриско, было вывезено из квакерской церкви 19 века где-то в Массачусетсе, ему требуется что-то около минуты, чтобы найти нужный холодильник. У боя сегодня выходной. Он вынимает оттуда бутылку ледяного «Грей Гуза», наливает водку, которая такая холодная, что стала густой, в бокал со льдом и добавляет несколько долек лайма, который горничная предварительно нарезала.

Приятная жизнь. Ничего не скажешь.

Результат долгих лет...ну, не сказать, чтобы пота и слез. Скорее, крови. Нож в сердце и спину. Плодить и распространять слухи. Дезинформация и лесть, каверы, ну, и, конечно

следить за тем, чтобы текст был понятен «нормальным» слушателям. Он, кому осталось всего ничего, чтобы стать миллиардером, потягивает свой дринок и смотрит на сверкающий за окном океан. *Вы все мне заплатите*, поклялся он как-то самому себе, понимая фразу буквально. И теперь они все платят. Весь этот сраный мир. За баллады. Бывая в Лондоне, он встречался со старыми знакомыми. В «Граучо» или «Марк Хикс» или «Нобу». Дерек цеплялся за пост генерального директора какого-то вшивого маленького инди-лейбла. Он начинал потеть, когда для переиздания концертного альбома Stiff Little Fingers нужно было инвестировать пятнадцать центов в маркетинг. Данных в свои – сколько? – пятьдесят так и остался промоутером на радио. Все еще сидел на EMI, смеялся над одними и теми же анекдотами каких-то диджеев, пытаюсь уломать их поставить занюханый поп-сингл. А всего-то делов: сегодня уже никто не покупает пластинки. Зачем расставлять аккуратно стулья на палубе «Титаника»? Плюнуть и растереть: эти идиоты думали продавать шампанское в Берген-Бельсене и трюфеля в Освенциме. Никто, естественно, не клюнул. Ни у кого все равно не было денег, а кликом мышки можно получить все бесплатно. Он хорошо помнил дискуссии на заре скачивания музыки из интернета: «Люди всегда будут стремиться купить альбом... - артворк и упаковку». Точно, старик. Через пять лет ты просыпаешься и понимаешь, что играешь в ужастике «Матрица»: со штепселем в затылке, а повсюду между собой общаются машины и отдают то, над чем ты работал, бесплатно. Причем любому! Предложи кому-нибудь, кому еще нет семнадцати, заплатить деньги за музыку, и он посмотрит на тебя, как на последнего придурка. *И правильно сделает*, думает Стелфокс. *Рынок сыграл ему на руку, как никогда. И не подходите ко мне со своими слезами. Эти клоуны, которые носятся в надежде продать тираж в десять тысяч дисков, забыли нечто важное: бесплатно – это очень весомый аргумент.*

Итак, ни одна жопа больше не покупает дисков.

За исключением его дисков. Просто идеальная ситуация.

Ощущая мурашки, бегущие по спине, он делает глоток и нажимает на PLAY. Лицо Иисуса снова начинает говорить, теперь на плазме поменьше над мраморным островом посередине кухни. Он все еще отвечает на вопрос: «Почему ты хочешь участвовать в конкурсе?»

«...причина, почему я снова спустился – или, если быть точнее, почему меня снова послали сюда, ведь в прошлый раз это были не игрушки - причина в том, что я должен был попытаться вести людей за собой, вдохновлять их помогать другим, но в наше время это - совсем не просто и ...».

Да, думает Стелфокс. А ведь может все получиться, и даже лучше, чем казалось на первый взгляд. Конечно, он не хотел бы, чтобы этот инди-фрик в своей майке Folk Implosion учудил что-нибудь безумное, например, *выиграл* бы конкурс. А вот полагающуюся ему роль он мог бы сыграть вполне.

Стелфокс, конечно, знает, кто выиграет этот конкурс. Но правильно выстроенное шоу нуждается в некоей сюжетной линии с захватывающими поворотами: триумф, несмотря на непредвиденные сложности, элементы юмора и так далее. Все выстраивается очень тщательно, с переплетениями, как в голливудском блокбастере. А публика, эти животные, выражаясь профессиональным языком, должна сидеть в зале и удивляться, как ловко он таскает кроликов из цилиндра. Все эти типы из скаутских отделов звукозаписывающих фирм, с которыми он работал раньше, до сих пор играют в дартс, как однажды сказал его учитель.

Стелфокс больше не играет в дартс.

Он точно знает, на какой номер поставить.

Когда Иисус еще раз глядит прямо в камеру, он нажимает на паузу. Эти глаза. Стелфокс замечает, что не может долго выдержать взгляд даже в двухмерном изображении. Что-то в нем его беспокоит.

Боже мой. Вот в чем дело.

Бомжару просто распирало от доброты.

Глава 3

В студии на бульваре Вентура Херб Штутц в слаксах, в рубашке «Ральф Лорен» и с «Ролексом» на руке слушает, сидя на диване в прохладном кондиционированном воздухе, песню Pavement «Summer Babe». Иисус растянулся на полу и подпевает в ливайсе, майке Slint и пластмассовых «Касио». Когда композиция заканчивается, воздух из колонок какое-то время еще вибрирует потому, что ДжейСи вывернул регулятор громкости до отказа. Некоторое время царит тишина, пока Херб не наклоняется к Иисусу.

«Мальчик мой», говорит он, «ты совсем лишился рассудка?»

«Как может не нравиться эта песня, старик?» спрашивает Иисус.

«Ты хоть раз смотрел это проклятое шоу?»

«Э-э-э...»

«Прикинь, далеко ли ты пройдешь в конкурсе с этим бредовым артроковым лоу-фаем? То есть, как ты думаешь, сколько человек что-то слышали об этой группе?»

«Да какая разница?» спрашивает Иисус растерянно.

«Мы должны найти материал, который люди знают. И который они любят».

«Люди любят сырные палочки. Люди любят внедорожники. Люди любят это дурацкое шоу! Мы не должны равняться на этих людей, Херб!» Через стекло режиссерской команда телевизионщиков снимает сюжет о процессе работы с ментором, который позже будет вмонтирован в передачу.

«Все равно, забудь», говорит Херб. «Стивен никогда не разрешит исполнять это».

«Я думал, что песни, которые я буду исполнять, будем выбирать *мы*?»

Херб хохочет.

«Проклятье», говорит Иисус. «Ну, хорошо, что ему нравится?»

«Баллады. Стивен любит баллады».

«Едрит Мадрид».

«Мы не должны на сто процентов следовать его предпочтениям», говорит Херб, подходя к стене черной аппаратуры хай-фай, вынимая айпод ДжейСи и вставляя свой. «Причина, по которой он хочет видеть тебя в шоу, не считая...ну, одна из причин, по которой он хочет видеть тебя в шоу, это то, что ты должен делать что-то роковое. Что-то немного отличное от других».

«Хорошо, как насчет...»

«Я сказал *немного* отличное. Тебе здесь точно не позволят вытащить из небытия вторые стороны сорокапятки «Секс Пистолз». Даже и не думай об этом. Нам нужно что-то роковое. Соответствующее твоему имиджу. Что-то, что цепляет». Иисус улыбается. Его веселит, что люди до сих пор говорят такие вещи. «Нам нужна песня, которую знают миллионы. Ни какая-нибудь альтернативная лажа, которая нравится примерно четырнадцати ненормальным в Ист Вилледж. Смотри, я поставлю тебе сейчас то, что с моей точки зрения подходит...».

Херб включает «Since you Been Gone» в исполнении «Рэйнбоу» («*Ооооо, нет, старик! Блин, меня тошнит от Ричи Блэкмора*»), затем «Keep On Loving You» («*Speedwagon? У тебя крыша поехала?*») и «More Than A Feeling» (Иисус, против воли: «*Это клевая песня, но послушай, старик. Она такая предсказуемая. Давай, тогда я спою сразу «My Country Tis of Thee»*»). И так продолжается все дальше и дальше. Иисус проводил куда менее приятные часы – в тюрьмах, больницах, пенсионных фондах - но их было не так много.

Спустя еще несколько часов Херб ставит «Don't Wanna Miss A Thing».

«Но, блин, Херб. Если уж «Аэросмит», то можно поставить что-нибудь из *раннего* «Аэросмита»? Что-то с диска «Toys In The Attic?»

«У тебя абсолютно неправильный подход, мальчик. «Клевый». «Ранний».

«Предсказуемый». Знаешь, кто смотрит это шоу? Мама и папа в Оклахоме и их маленькие дети. И я скажу тебе вот что: маме и папе с маленькими детьми по барабану, что там «клевое», «раннее» или, блин, «предсказуемое!» Херб откидывается назад, и его нервы на пределе. Нахальный тип. За кого он себя принимает, если...?»

Иисус вздыхает. «Послушай, Херб. У нас все получится. Нам нужно что-то, что было бы клевым и хипповым и отвечало бы моему *имиджу*, что бы это не обозначало».

Одновременно это должна быть песня, которая продается миллионными тиражами, и которую любой, сидящий перед телевизором, уже слышал».

«Отлично», говорит Херб. «Давай, составим список. У меня, кажется, есть блокнотик в кармане».

На какое-то время воцаряется тишина. С ухмылкой на лице Иисус поднимается с пола, идет к стереосистеме, вставляет айпод и крутит колесико. Через три минуты и тридцать девять секунд улыбается уже и Херб.

«Ну, и?» говорит Иисус.

«Ну, да. Возможно», отвечает Херб, усмехаясь. «Если Стивен это пропустит».

Глава 4

Вторая неделя, суббота после Дня Труда: любимое телешоу Америки выходит в прямой эфир. Иисус снабдил свою банду билетами, и они сидят теперь на трибуне, зажатые людьми со Среднего Запада, которых в зале большинство. Многие одеты в майки и бейсболки с именами других студий, куда они ходили днем на экскурсию, по максимуму используя свое пребывание в Эл. Эй. Разогрев подходит к концу, звучит мелодия шоу, Иисус потеет за кулисами с гитарой подмышкой.

Первая неделя репетиций была нелегким испытанием для психики. Когда Иисус услышал, как студийный оркестр играет его номер, он молча взял гитару, прислонил ее к громким фоном к усилителю и пошел в гардероб. «КТО-НИБУДЬ МОЖЕТ УБАВИТЬ ЗВУК ЭТОЙ ГРЕБАННОЙ ГИТАРЫ?!», заорал не в первый раз Барри, дирижер.

Херб протиснулся вслед за Иисусом в гардеробную. «Проклятье, что опять с тобой случилось?»

«Что за хрень, Херб? На хера мне нужны эти скрипки и вонючие рояли? На пластинке нигде нет этого говна».

«Послушай, мальчик, мы должны немного прокачать аранжировку».

«Зачем?»

«Смотри». Херб подошел к Иисусу и закрыл за собой дверь. «Там, на сцене двадцать восемь лучших студийных музыкантов, некоторым из них платят двойной гонорар, а я должен бегать за тобой, чтобы спорить об аранжировке? Просто, спой свою паршивую песню, ладно?»

«Мммм», Иисус покачал головой.

«Ох, парень. Если Стивен об этом узнает, ты кубарем вылетишь отсюда...»

«На пластинке слышно бас, гитару и ударные, ничего больше. Я могу позвать своих ребят? Я схожу за Крисом и Морганом, и мы...»

«У тебя совсем крышу снесло?» засопел Херб. «Барри окончательно взбесится, если узнает, что ты не только хочешь изменить аранжировку, но и привести сюда свою маленькую никчемную группу! Шевели своей глупой жопой на сцену и исполни номер, как...»

«Он все время заставляет меня уменьшить громкость гитары, этот Барри».

«Послушай, папа и мама в...»

«АААААААААА! Если я еще раз услышу про папу с мамой в Оклахоме, Херб!»

Херб вздохнул и прислонился к стене. Этот проклятый упрямец. Идет всего лишь вторая неделя, а у него с ним неприятностей столько, сколько не было со всеми участниками предыдущих конкурсов вместе взятых. Но в парне что-то было... можно даже сказать, что Херб любил маленького засранца. Дверь распахнулась, и появилась молодая девушка с гарнитурой хед-сет и блокнотом. «Херб, вас двоих зовут на сцену. Срочно».

«Да, да», прокричал он вслед девушке. Когда дверь снова закрылась, он повернулся к ДжейСи. «Слушай. Я поговорю с Барри и позабочусь о том, чтобы аранжировку немного «обезжирили», окей? Но ни о какой твоей группе здесь не может быть и речи. И будь аккуратнее с регулятором громкости, хорошо? Держись подальше от педали овердрайва. Мы здесь не на Манхэттене в клубе CBGB».

«Спасибо, Херб»

«Не за что».

Для Херба все еще оставалось загадкой, по какой причине Стелфокс так легко согласился на его предложение по поводу номера, с которым ДжейСи должен был выступить в первом живом эфире. По правде сказать, это была как раз та разновидность музыки, которую Стивен просто ненавидел. Но у Стелфокса – большого знатока демографических исследований, опросов общественного мнения и рейтингов Нильсена – были свои причины... и интуиция. Если он ошибся, ну, тогда, никогда не будет поздно показать назойливому маленькому альтернативному засранцу на дверь.

«ПОЖАЛУЙСТА!» гремит из динамиков. «БУРНЫЕ АПЛОДИСМЕНТЫ нашему ведущему *КЕВИНУ ЛИРИ!*»

«Ох, блин», шепчет Морган высоко на трибуне на ухо Крису, «такое вонючее суррогатное говно может быть только в шоу-бизнесе».

Зал взрывается прожекторами, когда Лири под оглушительные аплодисменты танцующей походкой спускается по неоновой лестнице. «Спасибо, спасибо», говорит он, выжидая, когда ликование начнет спадать. «Итак, мы снова здесь! С нами двенадцать многообещающих кандидатов, а вы, уважаемая публика, в течение следующих десяти недель будете решать, кто останется в программе, а кто вынужден будет уйти. Само собой разумеется, наше жюри будет оказывать вам в этом квалифицированную поддержку. Вы хотите познакомиться с его членами?» Ликование и восторженные крики. «Давайте, пригласим их. Леди и джентльмены, мисс Дарси ДеАнджело!»

Де Анджело выходит из-за кулис, немного полноватая, в золотом платье. Ее безукоризненные зубы блестят в свете умопомрачительного количества ватт. «Дарси, как у тебя дела?»

«Ну, Кевин...»

«Проклятье», шепчет Морган, «сколько еще будет продолжаться это дерьмо?»

«Шшшш», шипит Бекки.

Дарси еще некоторое время несет какой-то бессмысленный вздор. После этого выходит Штутц, который в свою очередь говорит что-то пустое. А потом Лири объявляет: «...и, наводящий ужас, самый могущественный англичанин западного полушария, едкий, как бочка с кислотой, *мистер Стивен Стелфокс!*»

Публика выходит из себя, когда Стелфокс размеренным шагом – в черном костюме и черной рубашке с расстегнутым воротником – проходит на сцену, почти застенчиво кивает и, в общем, очень правдоподобно имитирует способное к сочувствию человеческое существо. «Стивен», говорит Лири и на середине сцены протягивает ему микрофон, когда аплодисменты постепенно затихают. «Ты рад, что шоу снова в эфире?»

«Очень, Кевин».

Стелфокс радуется предстоящему конкурсу гораздо больше, чем Лири, чья попытка поговорить о повышении своего гонорара была задушена Стелфоксом всего несколько дней назад в зародыше со следующим комментарием: «Послушай ты, гондон. Мы не заплатим тебе ни центом больше, а если тебя это не устраивает, можешь убираться отсюда и вести «Утреннюю почту» или юморину на радио в Арканзасе, или откуда ты там».

Но Лири – профи, и ему удается смотреть на Стелфокса взглядом, выражающим нескрываемое уважение и искреннюю привязанность, когда тот говорит: «Здесь будут прекрасные выступления и не очень. Некоторые будут просто ужасными! У нас есть и сюрпризы – я думаю, вы будете иметь возможность убедиться в этом уже во время первого выступления сегодня вечером. Но, в конце концов – как обычно – вы, публика, вынесете вердикт. Ему удастся произнести слово «публика» таким тоном, как будто это самое прекрасное слово, которое он знает.

«Спасибо, Стивен. Великий человек собственной персоной!»

Стелфокс идет к своему месту за украшенным невообразимым количеством логотипов столом, за которым уже сидят ДеАнджело и Штутц.

«А сейчас», продолжает Лири и поворачивается к зрителям, «наше шоу откроет человек, уже заставивший о себе говорить. Из Нью-Йорка: с нами Иисус!» Публика визжит, когда гаснет свет.

«Блин ушастый», говорит Бекки.

«Ребята, я сейчас наделаю в штаны», шепчет Крис. Секунду вокруг все черно, а потом на сцену медленно проливается холодный, подводной синевы свет, и раздаются

накатывающий, знакомый всем гитарный рифф. «Этого быть не может», говорит тотчас Крис, когда включаются прожектора, мягко вступают бас с ударными, ДжейСи подходит к микрофону и поет «Come as you are...», а аплодисменты и восторженные крики становятся все громче.

Публика выходит из себя, ликует, слушая первый куплет, члены жюри смотрят друг на друга и делают заметки, при этом Штутц довольно кивает. Дарси, как всегда, улыбается, улыбается даже Стелфокс, когда через минуту и двадцать три секунды, Иисус переходит к припеву и, думая о Барри, дирижере, стоящем позади него, с легкой улыбкой ставит ногу на запрещенную педаль овердрайва. Педаль под названием Ibanez Tube Screamer 1984 года - одно из немногих незаложенных за последние несколько недель в ломбард устройств. На ее плате установлен священный чип D-9, а регулятор громкости заранее вывернут до предела. Дранный кед Иисуса нажимает на выключатель, когда медиатором он проводит по струнам гитары вдоль снизу в верх по грифу до самого конца. А Tube Screamer делает как раз то, для чего был создан: он заполняет студию ревом садящегося Боинга 747, которому под крылья прицепили по крылатой ракете. Иисус уже кричит, клянется, что он безоружен, когда переходит к гитарному брейку Кобэйна – в принципе просто вариации мелодии - поворачивается к оркестру и убыстряет песню. Барри встал к Иисусу спиной, пытаясь движениями своей палочки как-то замедлить темп. Но ударник вступает уже по полной, и они с Иисусом понимающе ухмыляются друг другу. Когда первый еще сильнее лупит по хай-хэту, а второй подходит совсем близко к усилителю, почти на расстояние регенерации, извлекаая из гитары хриплые скрипучие звуки, остальная часть оркестра в явном замешательстве и панике старается следовать измененной аранжировке.

Две минуты спустя Иисус стоит перед жюри, слегка вспотев, а аплодисменты постепенно затихают. Но реакция на услышанное в зале разная: часть публики – включая, естественно, банду ДжейСи – вне себя от восторга, тогда как другая часть, в основном те, кто постарше, из фракции маек и бейсболок с логотипами телестудий, сидят, все еще держа мизинцы засунутыми в уши, качают головами и кричат своим соседям: «Что Вы сказали?»

«Это было так громко, мальчик!» говорит Дарси. Херб показывает Иисусу два больших пальца.

«Нирвана», значит...», начинает Стелфокс. «Если я не ошибаюсь, такое в нашем шоу происходит в первый раз...и, надеюсь, в последний».

«Но, Стивен, ты же это не всерьез!» возражает Херб. «Мальчик выступил просто здорово».

«Я скажу вот что...», Стелфокс не договаривает предложение до конца, так что кажется, будто он не находит слов. «Весь этот гранж, давайте откровенно, кого он еще интересует?»

«Эй», отвечает Херб. «Это класная песня. Было продано больше двадцати миллионов этого альбома. А ты всерьез утверждаешь, что это никого не интересует?»

«Да, примерно двадцать лет назад были проданы миллионы этого альбома. Да и сама по себе песня вовсе не дурна», заявляет Стелфокс. «Я даже думаю, что из нее можно было бы смастерить подходящую версию. Потому, что исполненная сейчас тобой вообще никуда не годится».

«Ага», говорит Иисус. «А что Вам в этой версии не понравилось?»

«Слишком сырая. Все слишком по-любительски. Например, в середине песни вдруг убыстряется темп!».

«Эй, рок-н-ролл всегда заводится», говорит Иисус таким тоном, будто это известно каждому идиоту.

«Дарси?» спрашивает Стелфокс.

«Мое мнение таково: ты здорово держишься на сцене», начинает она, «ты прекрасно играешь на гитаре, но вот выбор песен мне абсолютно не нравится. Так, что, боюсь, от меня ты получишь «нет». Мне жаль».

«Эй, да все нормально, бывает хуже», комментирует Иисус сочувствующие охи и ахи из зрительного зала.

«Итак, нам известна позиция Херба», говорит Стелфокс, «и, похоже, решать предстоит мне, будешь ты отдан на суд зрителей или нет». Он берет драматическую паузу и стучит

ручкой по блокноту. Иисус стоит, расслабившись, переместив вес на одну ногу, с отключенным Гибсоном через плечо. «Вопреки своему мнению», говорит Стелфокс, «я оставляю тебя в шоу. Но...» - восторженные крики и ликование – «...но, я не устаю это подчеркивать, ты должен собраться и уделять больше внимания выбору песен и аранжировке, если хочешь продолжать участвовать в конкурсе».

Херб смеется. «Попробуй сам убеди этого мальчишку!»

«Ты вообще имеешь представление...», говорит Стелфокс и снова поворачивается к Иисусу, «...каким опытом обладает этот человек?» Он показывает ручкой в направлении Херба. «С каким числом мультиплатиновых артистов он уже работал? Если ты хочешь иметь шансы в борьбе с конкурентами, которые вместе с тобой принимают участие в конкурсе, ты должен срочно пересмотреть свое отношение к делу и слушаться своего ментора».

«Мне нравится Херб», говорит Иисус, «он крутой чувак, но...не-а, я не буду его слушаться».

Публика надрыгает животы от хохота. Херб пожимает плечами, как будто хочет сказать: ну, что с ним поделать?

Глава 5

События до и во время шоу развиваются по одному и тому же сценарию в течение последующих недель: Иисус и Херб орут друг на друга ровно два дня из-за выбора песни, пока не находят компромисса: на третьей и четвертой неделе Иисус исполняет «Song 2» Blur и аранжированную с учетом солирующей гитары версию «Purple Rain». При этом он довольствуется скудным выбором песен, которые для Херба – или точнее, для Стелфокса – являются приемлемыми в коммерческом плане, а для Иисуса, само собой, достаточно «клевыми», чтобы хоть как-то компенсировать несбыточные надежды сыграть что-нибудь из Sebadoh или Joy Division. После достигнутого согласия по поводу выбранной песни спор разгорается с новой силой уже из-за аранжировки и оркестровки от Барри, который относится к Иисусу с нескрываемой неприязнью. В каждой передаче доходит до конфронтации Иисуса со Стелфоксом, в которой Херб принимает сторону Иисуса, а Дарси поддерживает то одного, то другого. Все, так сказать, идет по плану: Стелфокс распорядился, чтобы выступление Иисуса не выносили на голосование зрителей до пятой недели, поскольку канал ABN еще не располагает надежными данными о телеаудитории за первый месяц нового конкурса. Босс хочет проверить свою теорию, свою интуицию.

А пока Иисус становится...знаменитостью.

Не только свист и хлопки ладонь о ладонь на улице.

Растет число желающих, толпящихся в отеле, выразить Иисусу свое восхищение, когда все собираются у бассейна.

Также, как и желающих получить автограф, когда они отправляются вечером в кино или гуляют ночью по городу.

Стелфокс сидит у себя в офисе, когда Саманта Дженсен стучит в дверь и заходит, держа под мышкой толстую папку со свежими рейтингами.

«И?» спрашивает он.

«Это затмило все, Стивен. То есть, я даже не могла предположить, что шоу станет еще успешнее», говорит она, протягивая ему графики и статистику. «Мы стоим на три пункта выше отметки за тот же период последнего конкурса. Это невероятно. Там внизу в отделе рекламы они просто визжат от радости».

«Знаешь, что, Саманта...», говорит Стелфокс скучающим голосом, кладет ноги в туфлях Lobb за две тысячи долларов на стол и потягивается, предвкушая наслаждение этими сказочными, сказочными цифрами, «...иногда уже становится даже не интересно постоянно быть правым по любому сраному поводу».

«Я все-таки не могу понять...», говорит Саманта и падает на огромный кожаный диван в углу, над которым висит четырежды платиновая пластинка девчоночьей группы «Певчие птички», с которой Стивен работал тогда, в девяностые, когда она еще училась в

Стэнфорде, «...какая целевая группа дала нам эту прибавку? Ведь в предыдущем шоу рейтинги уже зашкаливали».

«Это же очевидно», говорит Стелфокс и отбрасывает в сторону рейтинг Нильсена. «Кстати, скажи Элу, пусть закажет новый опрос, чтобы подтвердить результаты этого. Подумай. Кто до сегодняшнего дня еще *не смотрел* нашу передачу?».

«Эскимосы?» спрашивает она. «Цыгане? Дикари на Амазонке?»

«Эти маленькие засранцы инди», говорит, ухмыляясь Стелфокс. «Все эти плюшевые, такие клевые любители тофу, которые скорее трахнули бы немецкую овчарку, чем сели смотреть это шоу. Вот так, а теперь они его смотрят. Почему бы и нет? Ведь сейчас в нем участвует один из них...».

Глава 6

В передаче номер пять, шоу, в котором кандидаты должны исполнить песню Битлз на собственный выбор, все идет не так.

После длинного горячего спора о том, почему он не хочет петь «Helter Skelter», Иисус и Херб останавливаются на «Come Together».

Но Дарси и Стелфокс считают его версию недостаточно убедительной. Еще одно выступление, получившее очень низкую оценку жюри – приторная до тошноты версия «With A Little Help From My Friends» в исполнении Райана Крейна, которая даже с учетом вкусов Стелфокса была страшно бесцветной и суррогатной. Стелфокс информировал членов жюри заранее, что выступления Иисуса и Райана сегодня должны будут быть поставлены на голосование зрителей. Принимая во внимание рейтинг Нильсена, он был убежден в том, что именно Крейн будет вынужден покинуть шоу.

И вот, Крейн и Иисус стоят перед столом жюри, как двое подсудимых в обезьяннике, а между Стелфоксом, Дарси и Штутцем летают термины, вроде «наличие», «звездные данные», «оригинальность» и «комплексный подход». «Ну, что сказать, я считаю, что вы оба – прекрасные исполнители, но прежде всего я хотела бы услышать от вас», говорит Дарси и смотрит на обоих кандидатов, «...к чему вы стремитесь? Насколько это важно для вас? Готовы ли вы отдать все для достижения цели?»

«Э-э-э, а что Вы имеете в виду?» спрашивает Иисус.

«Дарси», перебивает его Крейн. «Я каждый раз выкладываюсь здесь на сто десять процентов». Он театрально показывает на священное место: сцену. «Я верю в то, что наш путь предопределен Господом и ...».

«Ну, что ж», говорит Стелфокс, «я думаю, ты понимаешь, что и Иисус здесь придерживается того же мнения...». Публика хихикает.

«О нет. Абсолютно не придерживаюсь», вступает Иисус. «Честно говоря, Богу вообще наплевать на подобные глупости».

«Прошу прощения?» спрашивает Крейн возмущенно и впервые оглядывается на Иисуса.

Пожалуйста, только не сейчас, думает Бекки, сидя на трибуне. *Мы же в живом эфире.*

«Эта история с предопределенностью судьбы, бредятина о направляющей кого-то Руке Божьей – полная ерунда. На предопределенность судьбы ссылаются все, кому не лень: от серийных убийц до тиранов и диктаторов. Бог дал вам свободную волю, чтобы вы, ну...делали, что хотите...»

«Ах, значит, мы можем делать все, что захотим?» спрашивает Крейн.

«До известных пределов. Вы просто должны соблюдать одно основное правило».

«И что же это за правило?»

«Просто...быть хорошими».

«Знаешь, что», говорит Крейн сквозь стиснутые зубы, уже повернувшись к Иисусу лицом. «Я – католик и не могу спокойно смотреть, как ты используешь в качестве сценического имени...»

«Ах, ты католик?» перебивает его Иисус, единственный человек в студии, чей пульс бьется абсолютно нормально. «А что там с твоим Папой? Ты знаешь, что он отказывается подписывать Декларацию ООН о признании прав гомосексуалистов и инвалидов? Кроме этого, этот тип практически отрицает Холокост. Он...»

Паника в аппаратной, Гарри, режиссер, орет в микрофон хед-сета: «Сделайте что-нибудь! Черт бы вас всех побрал!»

Зрители в зале стонут, когда Стелфокс пытается взять ситуацию под контроль. «Окей, ребята, хватит. Я полагаю...»

«Святой Отец...», Крейн пытается что-то сказать, в то время как Иисус продолжает обвинять Папу, используя железные аргументы.

«...наказывает известных педофилов из католической церкви, назначая им «Фазу покаяния». То есть он их не выгнал или типа того. В половине случаев они были переведены в другие приходы, где могут продолжать заниматься тем же самым! И это – тот самый Папа, у которого хватило ума поехать в Африку и на полном серьезе внушать людям, что использование презервативов способствует распространению СПИДа».

«Как смеешь ты...», лицо Крейна багровеет.

По всей Америке люди хватаются за телефоны, высказывают свое возмущение, коммутатор АВН раскалится, как 4 июля.

«Чтобы вернуться к музыке...», говорит Дарси.

«...член Гитлерюгенд. Гомофоб и антисемит...», говорит Иисус.

«Я НАХОЖУ ТВОИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ НЕВЫНОСИМО ОСКОРБИТЕЛЬНЫМИ!» кричит Крейн.

«Эй, тогда прости мне», говорит Иисус, когда шоу прерывается на рекламу. «Ты же у нас христианин».

Глава 7

Рэй Клэнси – крупный мужчина ростом за метр девяносто и бывший лайнмен футбольной команды колледжа. Он происходит из уважаемой католической семьи и сделал карьеру, как по учебнику – частная школа, Принстонский Университет, АВН – и уже в тридцать два года стал начальником отдела норм и правил. Пост, который он занимает уже почти двадцать лет. За все время работы одним из руководителей канала АВН он не был возмущен до такой степени перепалкой в живом эфире, как сейчас.

«ЭТО ШОУ ДОЛЖНО БЫТЬ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫМ, ЧЕРТ ВАС ВОЗЬМИ, ДОШЛО?» рычит Клэнси, метаясь за своим столом, словно тигр. Он вызвал в свой офис Стелфокса, Дженсен и Гарри. «ЧТО, К ДЬЯВОЛУ, ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИТ, И ПОЧЕМУ ЭТИ ДВА УБЛЮДКА В ЭФИРЕ СПОРЯТ О РЕЛИГИИ?»

«Мистер Клэнси, сэр, мы предупредим конкурсантов...», начинает Саманта.

«КТО ДОПУСТИЛ, ЧТО ЭТОТ ЗАСРАНЕЦ ВООБЩЕ ПОПАЛ В ПЕРЕДАЧУ?»

«Ох, пожалуйста, перестаньте орать», говорит Стелфокс. «У меня начинает болеть голова».

Клэнси изумленно смотрит на него, и ему требуется некоторое время, чтобы собраться. «Теперь слушайте меня внимательно», говорит он очень медленно, «Вы вообще понимаете, с кем сейчас разговариваете? Вы, напыщенный английский индюк. Этот парень уходит из шоу».

«Да что такого вообще случилось?» спрашивает Стелфокс, оглядывая всех присутствующих, действительно стараясь изо всех сил понять своим британским атеистическим рассудком реакцию американских холериков на все религиозное.

«Что случилось? Этот подонок оскорбил Святого Отца в прямом эфире. И Вы на полном серьезе спрашиваете меня, что случилось?»

«Господи Боже, кого это волнует?»

«Мистер Стелфокс», говорит Клэнси, берет себя в руки и становится официальным, «тут не о чем дискутировать. Я никогда не пойду на риск возможного оскорбления религиозных чувств зрителей и акционеров, оставляя этого типа в шоу. На следующей неделе он вылетает».

«Знаете, сколько он набрал сегодня процентов при голосовании зрителей?», спрашивает Стелфокс. «Девяносто два. Ребята, кто-нибудь получал такой процент на этой стадии конкурса ранее?»

Гарри и Саманта отрицательно качают головами.

«Вы меня не слушаете», говорит Клэнси.

«Ну, наконец, мы пришли к одному мнению», отвечает Стелфокс. «Послушайте, благодаря этому парню, телеаудитория растёт, как на дрожжах. Уже сейчас поступления от рекламы выросли на десять процентов. Он остаётся».

Клэнси смотрит на Стелфокса ненавидящим взглядом и хватается за край стола. «За кого, собственно, Вы себя принимаете?» повышает он голос.

«Ох, отъебись, Рэй», говорит Стелфокс.

Дженсен закрывает глаза.

«Что Вы сейчас мне сказали?»

«Я сказал: отъебись», повторяет Стелфокс и поднимается со стула. «Но, возможно, я должен был выразиться яснее: ОТЪЕБИТЬСЯ, ГОВНЮК! ТЫ СТАРЫЙ, ВЫЖИВШИЙ ИЗ УМА ЖИРНЫЙ ГОВНЮК! СОВСЕМ ОХУЕЛ?» Стелфокс включает свой усилитель на полную мощность: по сравнению с его мега-наездом вспышка ярости Клэнси выглядит, как истерика трехлетнего ребенка в супермаркете. «А ТЕПЕРЬ ПО БУКВАМ: ЭТО! МОЕ! БЛЯДСКОЕ! ШОУ! МОЙ КОНТРАКТ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ПОСЛЕ ПРОВЕДЕНИЯ КОНКУРСА, И ЕСЛИ ТЫ, СТАРЫЙ ХУЙ, СКАЖЕШЬ ЕЩЕ ХОТЬ СЛОВО – ХОТЬ ОДНО ЕДИНСТВЕННОЕ СЛОВО - Я ПЕРЕЙДУ НА ДРУГУЮ СТОРОНУ УЛИЦЫ И ЗАБЕРУ ВСЮ ЭТУ ХЕРНЮ С СОБОЙ В NBC ИЛИ FOX, А ТЫ МОЖЕШЬ ПОДНЯТЬСЯ В ОФИС К ФРЕДУ И ОБЪЯСНИТЬ ЕМУ, КАК ТЫ ТОЛЬКО ЧТО ПРОСРАЛ САМУЮ ПОПУЛЯРНУЮ ТЕЛЕПЕРЕДАЧУ АМЕРИКИ!»

Курсивом, жирно, подчеркнуто: ничего из этого не передает даже в самой малой степени масштаб этого буйства.

Воцаряется напряженная тишина, когда Стелфокс снова садится, совершенно спокойно. Гарри и Саманта смотрят на него с открытыми ртами.

«Еще как я пойду к Фреду и поговорю с ним, скотина», говорит Клэнси, весь трясясь.

На следующий день во время делового ланча (суши с доставкой) начальников отделов в офисе Фреда размером с баскетбольную площадку на седьмом этаже Рэй Клэнси говорит: «Это возмутительно, Фред. Знаешь, кем назвала меня эта островная обезьяна? То есть, я знаю, показатели у шоу очень хорошие, но, Господи: Святой Отец? Все-таки в жизни есть вещи важнее рейтингов. Я прав?»

Фред кивает и жуёт.

Позже вечером того же дня, за лучшим столиком в «Дэн Тана'с», в первом зале в углу слева у стены за бутылкой красного вина ценой в двести долларов и нью-йоркским стейком с кровью Стивен Стелфокс говорит: «Маленький бомж получит от меня поджопник и успокоится. Но Фред, благодаря этому парню... три миллиона за тридцать секунд рекламы в финале? Абсолютно реальная вещь. Это больше, чем в проклятом Супербоуле».

Старый Фред кивает и жуёт.

На обложке «Variety» на следующей неделе:

БЛАГОДАРЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ПЕРЕПАЛКЕ
АМЕРИКЭН ПОП СТАР
ИМЕЕТ РЕКОРДНУЮ ТЕЛЕАУДИТОРИЮ!

В новостях бизнеса того же издания:

КЛЭНСИ ПОКИДАЕТ АВН!

«В понедельник было получено официальное подтверждение, что начальник отдела норм и правил покидает АВН по собственному желанию. «Мы желаем Рэю всяческих успехов в его новых начинаниях», сказал председатель совета директоров АВН Фред Гудман».

Спустя несколько дней Херба и Иисуса приводят в офис Стелфокса: золотые диски, хром и кожа, светло-бежевый ковер, а возле письменного стола шефа трое сотрудников рекламного отдела. Стелфокс хлопает в ладоши: «Эй! Кто к нам пожаловал – Иисус, наш спаситель-инди!» кричит он под смех профессионалов маркетинга. Иисус натужно

улыбается. Он в первый раз приглашен для личной беседы в офис большого начальника. «Оставьте нас на пару минут, ребята», обращается Стелфокс к двум мужчинам и молодой женщине.

«Твой кавер Принса на прошлой неделе был просто супер», говорит сотрудница Иисусу, выходя из кабинета.

«Херб, Иисус, садитесь», говорит Стелфокс, когда дверь закрывается. «Итак, мы легко отделались. К счастью. В итоге они даже указали на дверь этой живой окаменелости Клэнси. Ну, и, немного полемики, как известно, никогда не повредит. Но заруби себе на носу: я не допущу, чтобы ты использовал шоу как платформу для пропаганды своих взглядов. Спасайте китов, проклятый Папа, великий Боже, мне по барабану».

«Я ему уже сказал об этом», говорит Херб.

«Но что я должен был делать?» спрашивает Иисус. «Если этот...»

«Слушай сюда, дружок», перебивает его Стелфокс, «ты будешь делать следующее: стоять на сцене, мило улыбаться, хлопать своими голубыми глазами и повторять: «Боже, благослови Америку». Потом ты споешь свою песенку, покрутишь попкой перед телезрителями и *оставишь своих тараканов для личного пользования*».

Иисус вздыхает, и его взгляд скользит по золотым дискам на стенах. «Вау», говорит он. «А Вы поучаствовали в создании целой кучи музыкального ширпотреба, так?»

Стелфокс громко смеется, выслушав столь безапелляционное мнение. «Послушай ты, засранец», говорит он. «Ты вообще настолько ничего не понимаешь в музыке, что понадобилось бы специальное шоу для твоего просвещения. Поэтому отправляйся назад в гостиницу. Да, кстати: что это за странный счет из «Шато» за обслуживание в номере на десять тысяч долларов?»

«Ну...», говорит Иисус.

«Ты нас еще и за идиотов держишь. Если случится невероятное, и по окончании конкурса ты получишь контракт на запись альбома, я вычту из твоего аванса каждый вонючий крабовый коктейль и каждую «кровавую Мэри». А теперь выметайся отсюда и слушай свои говенные вторые стороны сорокапятков, онанируй под никому не нужные гитарные соло Тома Верлэйна, плачь и жалуйся своим друзьям-лузерам на несправедливое устройство мира, делай то, что делают все фрики вместо того, чтобы жить в свое удовольствие. Но на репетиции ты будешь приходить с улыбкой до ушей и без дурных мыслей в башке. Иначе вылетишь из конкурса с такой скоростью, что даже не заметишь, как это произошло». Стелфокс держит паузу и добавляет, как бы ставя точку над *i*: «Говнюк».

«Э-э-э...я думал, что зрители решают, кто остается в шоу».

Стелфокс смеется, теперь резче, закидывает голову назад и показывает свои белоснежные ровные зубы. Первое, что он сделал, когда приехал сюда и стал зарабатывать не просто много денег – как тогда в Лондоне – а *безумно много* денег. «Здравствуйте, я ваша тетя», говорит Стелфокс, «тебе ведь уже тридцать один год. И все детство в жопе играет? Зрители? Эти *животные*? Я тебя умоляю. Послушай, мне нравится этот стиль «инди», окей? Все это суперсерьезное дерьмо. Оно работает, оно привлекает новых зрителей. Эти неумытые идеалисты, которые из принципа не хотели смотреть шоу? Теперь они его смотрят. Благодаря тебе. Но не выбивайся из танца и оставь свои странные взгляды на существующий мир при себе. Не давай дурацких интервью, а то вылетишь. Понятно?»

«Конечно», говорит Иисус с приветливой улыбкой.

«Он понял», говорит Херб и встает, собираясь уйти. Встает и Иисус.

«Хорошо. Спасибо, Херб. Можешь идти. А я хочу еще поговорить с нашим Спасителем наедине».

«Окей...», говорит Херб, а Иисус снова опускается на стул.

Когда дверь за Хербом закрывается, Стелфокс подходит к Иисусу, садится на край стола и говорит: «Хорошо, а теперь поговорим серьезно».

«Мммм...а о чем?»

«О тебе. Что ты хочешь получить в результате всего этого?»

«Мммм...возможность помогать людям. Научить их ответственно относиться к жизни».

«Это понятно», Стелфокс отмахивается. «Обнять кита, спасти говенные леса тофу, все ясно. Я спрашиваю тебя, чего бы ты хотел добиться в музыке? В *финансовом* плане?» Что для Стелфокса, разумеется, одно и то же.

«Ну, может быть, снова записать диск с моей группой. Поехать с Крисом и Морганом в турне и сыграть несколько концертов».

«Глупости», говорит Стелфокс. «Послушай... забудь эту ерунду. Запишу ли я диск вашей прыщавой группы, когда закончится шоу? Возможно. Если бы это произошло, да, мы могли бы сделать средненькую пластинку «инди», и, исключительно благодаря шоу, она стала бы золотой. Вы поехали бы в турне и играли в больших городах перед парой тысяч засранцев. Или...»

«Или?»

«Ты выступишь соло, выгонишь своих лузеров, и мы выпустим альбом с каверами. Я выберу песни, ты будешь меня слушаться в вопросах маркетинга и продвижения диска, и мы, блин, заработаем *двадцать или тридцать миллионов долларов*. Подумай над этим. Ты же хочешь сделать карьеру, чтобы помогать неимущим больным рассеянным склерозом, так?»

«Ну, да, я не совсем так...»

«Все равно. Держись меня, и ты будешь грести достаточно баксов, чтобы открыть столько кухонь для бездомных, сколько твоей душе угодно».

«Окей. Но э-э-э...ведь у Вас на счетах уже триста миллионов долларов?» Херб назвал ему эту цифру.

«Четыреста», поправляет его Стелфокс.

«И в чем здесь разница?»

«Прости, не понял?»

«Какая разница между четырьмястами и четырьмястами тридцатью миллионами?»

Стелфокс смотрит на Иисуса, как на человека, окончательно потерявшего рассудок.

«Тридцать миллионов долларов», говорит он.

Глава 8

Проходят недели, и даже здесь в Эл. Эй. становится прохладнее, когда заканчивается ноябрь, и вот на пороге уже Рождество и день рождения Иисуса.

За это время зрительская аудитория растет, множатся заголовки в газетах и журналах, а участников становится все меньше: «Хармоникс» расстались с шоу после неудачной попытки исполнить «Time After Time» Синди Лаупер в стиле хип-хоп. «Лейдиз Найт» ушли после того, как в ходе спора со Стелфоксом по поводу их версии «Crazy In Love» Бийонсе одна из девушек наглядно показала, как реагируют в гетто на критику.

За стенами студии в Америке существуют три лагеря, голосующие за Иисуса: ребята-инди, которые вопреки всему смотрят шоу и голосуют. Хотя они прекрасно понимают, что этот конкурс не что иное, как куча дерьма: все то, чего они терпеть не могут. Но их привлекают мастерски созданные Стелфоксом отношения между ним и Иисусом, построенные на том, что он глубоко ненавидит исполняемую Иисусом музыку и все, что тот собой олицетворяет. Есть абсолютно нормальные зрители, которым музыка, в общем, по барабану, но им нравится напряжение и конфликты между Стелфоксом и этим неумытым придурком, выдающим себя за Сына Божьего. А еще поддержка идет со стороны фракции геев, огромного лояльного блока, постоянно увеличивающегося после перепалки на тему «Папа, СПИД, гомосексуальность».

Ежедневно в «Шато Мармонт» поступает корреспонденция на имя Иисуса: производители безалкогольных напитков, гитар, конфет, торговые сети, авиакомпания... все хотят получить право на использование его имени. Телешоу, журналы, газеты и интернет-издания умоляют об интервью. Стопками приходят предложения сняться в кино. Агенты и продюсерские фирмы шлют корзины с фруктами и огромные бутылки шампанского, что в один прекрасный день провоцирует Крису задать вопрос: «Чувак, а они не могут прислать что-нибудь полезное? Носки, там?»

«Вау, старик», говорит Морган. «Ты хотел платформу? Теперь у нас есть платформа, малыш».

Воскресный бранч с бандой в полном составе у бассейна постепенно стал традицией. Поначалу они еще выходили из отеля, чтобы где-нибудь пообедать – Майлс и Дэнни были большими любителями «Рэй-Авто» чуть ниже по бульвару Сансет - но в последнее время такие вылазки за пределы охраняемой гостиницы стали практически невозможными: фаны и завистники, рукопожатия, выставленные камеры мобильных, свист и оскорбления.

«Да», говорит Морган и вытряхивает кетчуп на денверский омлет, «в чем все-таки состоит план? Мы здесь уже два месяца. Ты достаточно знаменит, чтобы мы могли сыграть пару приличных концертов, снова вместе. Давай, сваливаем отсюда».

«Ты это говоришь», осторожно замечает Пит, «прекрасно представляя, что они не дадут вам сыграть вместе в шоу».

«Блин, плевать я на это хотел», говорит Морган. «Ты думаешь, я хочу выступать в этом дурацком шоу?»

«Возможно, ты просто завидуешь», говорит Бекки.

«Да, пошла ты», говорит Морган.

«Послушай», говорит Иисус, помешивая ложечкой овсяную кашу в поисках ягодки черники, «мне нужно продержаться здесь еще совсем чуть-чуть». Он откидывается назад, кладет ложку на стол, раздавливает чернику на языке и думает: «Папа, ты был прав». Он обводит собравшихся взглядом. «У меня тут было...ну, видение», говорит он, стесняясь, поскольку фраза звучит как-то по-дурацки.

«Господи», стонет Морган, «что...видение, как подольше остаться в телевизоре, зависать в «Шато», и чтобы тебя все на улице узнавали? Да, это видение, так видение».

«Что у тебя за проблемы, старик?» спрашивает Крис.

«У меня, блин, никаких проблем!» Морган отшвыривает салфетку и встает из-за стола. «С каких это пор в присутствии поп-звезды запрещается открывать рот?»

«Дрек», нервно говорит Боб.

Этой ночью он лежал на паре подушек в углу большой комнаты и спал. Крис храпел на большом диване, Бекки и дети тоже были в постели. Вдруг он услышал, как с шипением открывается бутылка, повернулся и увидел Его, сидящего на корточках в слабом свете минибара с бутылкой колы в руке.

«Привет, пап», сказал Иисус заспанным голосом.

«Десять долларов за бутылку дешевой шипучки?» прошептал Бог, подошел ближе и сел в кресло напротив импровизированной постели Своего сына. «Мир совсем рехнул». Он был одет в Свои вещи для игры в гольф: слаксы, рубашку поло и старый, пропотевший козырек от солнца.

«Как у тебя дела?» спросил Иисус и оперся на локоть. Мягкое голубоватое сияние бассейна было единственным источником света в комнате с задвинутыми шторами.

«Не могу пожаловаться, сын мой. Сегодня прошел все лунки за семьдесят три удара». «Вау».

«Неплохо для моего возраста, правда?» Бог сделал большой глоток из бутылки и довольно рыгнул.

«И?» спросил Иисус. «Каково твое мнение?»

«Ну», сказал Бог и посмотрел на спящие в темной комнате фигуры. «Наверно, я сделал бы все по-другому. Но ты, скорее всего, должен был учитывать обстоятельства. Знаешь, ты ближе к цели, чем тебе кажется».

«Да?»

«Я знаю, ты ненавидишь эту хрень. И я тебя понимаю. К примеру, эти «Хармоникс» с их пупурри на тему битлов на прошлой неделе? Вот херня. Ты бы видел Джона».

«Могу себе представить».

«И когда я слышу, как эти маленькие засранцы благодарят меня или просто произносят мое имя...Ну, да ладно, ты на правильном пути, сын. Так держать. Но тебе понадобятся деньги. Десять долларов за колу? Здесь внизу все крутится только вокруг денег. Тебе понадобится приличный куш».

«Пап, пожалуйста, не так таинственно. Зачем мне будут нужны деньги?»

«Это же видение. А видение должно быть таинственным. Думай о большой равнине».

«О большой равнине?»

«Подсказка из зала: Если ты построишь, они придут».

«Ой, да пошел ты, пап. Этот фильм - редкостное говно».

Бог смеется. «В точку попал. Хорошо, послушай, мне пора. Я хочу по пути наверх явиться в ведерке с мороженым или в какой-нибудь скале в Мексике или Ирландии, а может, где-то еще. Чтобы поржать над этими проклятыми католиками. Всегда полезно».

«Думать о большой равнине?»

«Иеп». Бог допил колу и поставил пустую бутылку на пол. «Иди сюда, маленький ублюдок». Бог, шутя, растрепал волосы Своего сына, прижал его к Себе, поцеловал в лоб и нежно ударил кулаком несколько раз в плечо. Иисус в ответ на это вытащил из-под одеяла босую ногу и пытался уязвить ею промежность отца. Как ему не хватало таких моментов игры со своим предком! «Никогда не доверяй отцу и сыну, которые не хотят время от времени дать друг другу пинка под задницу», объяснял ему как-то отец.

«Шшшш», прошипел Бог. «Кончай прикалываться. Еще остальных разбудишь. Ладно, скоро увидимся, мальчик. Ложись снова спать. И будь хорошим, окей?»

«Да, да».

«О, слушай, а покурить у тебя есть?»

«Там, в пепельнице».

Бог выудил из пепельницы длинную, только наполовину выкуренную тайскую палочку и поднес себе под нос.

«Изумительно», сказал Он. «До скорого, сынок».

«Пока».

Бог просочился сквозь потолок и исчез. ДжейСи повернулся на другой бок и уснул.

Иисус выпрямляется, размешивает сахар в кофе и смотрит на друзей. Те смотрят на него.

«Большая равнина?» спрашивает Бекки. «Что это значит?»

«Понятия не имею», отвечает Иисус. «Такие вещи обычно становятся понятными через некоторое время. Ну, ты же знаешь, увидела что-то и говоришь: «Ах, вот оно что».

«Эй, ДжейСи», говорит Клод. «А что, Бог, правда, ругается?»

Глава 9

Одиннадцатая неделя, предпоследнее шоу, всего три кандидата. И только одна участница имеет зрительский рейтинг выше, чем у Иисуса.

Дженнифер Бенц – всеамериканская любимица.

Имея в менторах самого Стелфокса, Дженнифер порхала от тура к туру с копной светлых волос, великолепной фигурой, алебастровыми зубами, подчеркнуто скромными и чуть откровенными нарядами – здесь кусочек крепкой ноги выше колена, там немного приятно загорелой груди – и безупречно исполненными балладами.

Мерайя Кейри.

Уитни Хьюстон.

Селин Дион.

Святая Троица Стелфокса.

По мнению ДжейСи – а он из тех, кто очень объективно относится к другим людям – единственная проблема Дженнифер заключалась в том, что девушка-зайчик из журнала «Плейбой» выглядела на ее фоне радикальной феминисткой. Родители пасли ее на каждом шагу. Иисус не мог припомнить, когда она сама ответила бы на поставленный вопрос. В примерной, где давно бросили затею что-либо подправить в Иисусе, звучало примерно такое: «*Дженнифер, ты наденешь кремовое платье со светло-голубой парчой?*» «Нет», отвечала мама Дженнифер. «*Мы наденем платье цвета шампанского с бежевыми оборками*». Или за обедом: «*Картофель?*» - «*Только салат*», отвечал папа.

«Они относятся к бедной девочке, как к скаковой лошади», сказала как-то Бекки.

Гарри МакДональд тоже еще участвует в конкурсе. Толстый парень собирает голоса совсем не по квоте фриков, как думал поначалу Морган, а из сочувствия: в начале конкурса в каждой передаче был небольшой сюжет с биографией кандидатов, и история Гарри, живущего в покосившейся лачуге в Новом Орлеане вместе с сидящей на пособии мамой с многочисленными братьями и сестрами, вызвала настоящий фурор. Особенно

на фоне предвыборного ролика Республиканской партии семейства Бенц: живая реклама одежды «Ральф Лорен» на прогулке по огромному участку в Вестчестере, на лыжах в Аспене, во время игры в волейбол на пляже Малибу, и все это приправленное высказываниями типа «Нам удалась жизнь». Однако эти кадры вызывали у зрителей совсем другие, чем полагалось бы, чувства: «Тщеславие», сказал Стелфокс. «Дай этим животным ощутить свое превосходство, или хотя бы покажи им его по телевизору».

Гарри был дружелюбным, скорее застенчивым мальчиком, но обладал огромным талантом: мощный, сильный голос в стиле «соул», чистый, как колокольный звон, и живой в верхнем регистре, немного напоминающий Аарона Невилля, хотя Иисусу и его ребятам не нравился репертуар, который выбирала для него Дарси ДеАнджело. Любимые баллады Стелфокса и засахаренные попсовые песни. «Чувак», сказал однажды Морган, слушая, как Гарри заливается соловьем, исполняя «Money's Too Tight To Mention», намекающую, как и большинство ранее исполненных им песен, на сложную жизненную ситуацию, «интересно было бы послушать, как парень поет по-настоящему и покажет, наконец, яйца, так?»

«И вот сегодня вечером их осталось только трое». Из динамиков студии в Бербэнке голос ведущего звучит празднично, из включенных по всей стране телевизоров – скорее, как приговор. «Сегодня вечером вы примете решение, кто будет двумя участниками финала. Сегодня вечером, в живом эфире из Голливуда, Калифорния. Встречайте **АМЕРИКЭН ПОП СТАР!**»

Господи, думает Иисус, пробираясь по узкому коридору к сцене и держа гитару высоко в руке, чтобы на нее не наткнулся кто-нибудь из технического персонала и не расстроил ее. В другой руке он держит маленький 5-ваттный усилитель Фендер. Создается впечатление, что звучащий из динамиков голос ведущего возвещает о наступлении конца света.

«Эй, парень, а тебе не надо быть в гримерной?», наезжает на него кто-то в хед-сете с блокнотом.

«Да, да».

Он доходит до конца коридора, сворачивает налево и стучит в синюю дверь. «Войдите», раздается глухой голос.

Иисус входит в гардеробную и видит, что семья МакДональдов как раз собирается уходить: мама и множество маленьких братьев и сестер. «Привет, Гарри, как дела?»

«Привет, ДжейСи. Это моя семья».

«Приятно с вами познакомиться, дети... Миссис МакДональд», говорит Иисус, улыбается детям и протягивает руку маме Гарри, которая принимает ее скорее раздраженно.

«Так это ты, который считает себя Сыном Божиим?»

«Э-э-э... да, мэм».

«Это ты на полном серьезе?»

«Мне очень жаль».

Какое-то время она смотрит ему в глаза. «Ммм... гмм». Потом она поворачивается к Гарри, целует его в щеку и говорит: «Счастья тебе сегодня вечером, сынок. Постарайся сделать все возможное».

«Да, мама».

«И не доедай эти сэндвичи, слышишь?» Она показывает на поднос с бутербродами, который стоит на столе. «Даже если они здесь лежат, их совсем не обязательно есть».

«Да, мама».

«Ну, тогда, пошли...»

Она подталкивает детей к выходу. Иисус закрывает за ними дверь и обращается к Гарри: «Послушай, чувак. Можешь сделать мне сегодня вечером одолжение?»

Он подключает гитару к маленькому усилителю и играет Гарри мелодию песни.

«Черт, я не знаю, ДжейСи», говорит Гарри. «Мы не должны такого делать. У нас будут неприятности».

«Какие еще неприятности? Да брось, что с нами может случиться?»

«Нас вышвырнут из конкурса. Я знаю, тебе все равно. А мне это нужно, старик».

«За это они не могут нас выгнать из передачи в живом эфире. Доверься мне! Все твои знакомые дома будут в восторге. Такой шанс упускать нельзя. Что с тобой... тебе песня не нравится?»

«Я люблю эту песню, чувак. Я все время хотел исполнить что-нибудь в этом роде. Но Дарси мне не разрешает».

«Дарси. Насрать на Дарси. Ну, давай, старик. Люди увидят, что ты для разнообразия тоже можешь исполнить что-то крутое».

«Блин, я не знаю, чувак».

«Гарри, доверься мне». Гарри смотрит в эти большие сияющие глаза.

«Пять минут до эфира...», раздается жестяной голос из динамика на стене. «Всем участникам...».

Что-то в этих глазах особенное, думает Гарри. Однажды он наткнулся на выражение «способность вести за собой», когда перед окончанием школы заполнял анкету, чтобы какие-то специалисты могли определить, какая профессия ему больше всего подходит. «Автомеханик» - вот что они ему посоветовали. Гарри ненавидел автомобили. Но когда ДжейСи стоял, поставив одну ногу на усилитель, и улыбался ему так, как будто никогда в жизни с ним не могло бы случиться ничего плохого, то... Гарри ему верил.

«Блин, старик, окей».

«Хороший мальчик. Какой куплет?» Иисус протягивает ему написанные от руки на нескольких листах бумаги слова песни.

«Второй?»

«Я так и думал», говорит Иисус и мизинцем поворачивает регулятор громкости на гитаре. «Окей, давай быстро пройдемся по тексту».

Гарри открыл вечер ужасающим кавером «An Innocent Man» Билли Джоэла, песней, которую выбрала Дарси, полагая, что она отражает его статус аутсайдера шоу, хотя, как заметил Морган, «эта песня отражает только тот факт, что является законченным дерьмом». Дженнифер Бенц блистает в свете прожекторов в шикарном платье и исполняет в раздутой до размеров гигантомании аранжировке «Don't Stop Believing». Гарри и Иисус стоят и смотрят на нее из-за кулис, а около ста миллионов человек следят за происходящим по телевизору: рекордная аудитория в новейшей истории американского телевидения.

Сегодня – тематическое шоу. Несколько недель назад такое уже было – музыка «Мотаун». Сегодня вечером это «Классические американские исполнители». Само собой, в определении Стивена Стелфокса. Сморщив лоб, Иисус прошелся по перечню рекомендованных исполнителей. Его реакция была чем-то средним между возмущением и изумлением – Майкл Джексон... Билли Джоэл... Journey?» Ты издеваешься надо мной, Херб?» пока в самом конце списка не кивнул с довольным видом. Этот исполнитель ему подходил. «Но это не должна быть какая-то непонятная композиция с раннего альбома», напомнил ему в очередной раз Херб.

Бенц кланяется, когда струнные выдают финальное крещендо, а зрители в зале студии взрываются аплодисментами, криками и свистом.

«Ну, что тут скажешь», кричит Кевин Лири, выскакивая на сцену. Бенц гордо вышагивает мимо Иисуса и Гарри, с капельками пота на лбу, взглядом, говорящим «попробуйте-ка выступить лучше», и падает прямо в объятия родителей. Иисус слышит, как отец говорит ей «Ты не дотянула немного...», и переключает свое внимание на Лири, который провозглашает: «...его выступления дали немало пищи для споров, но многим из вас он, несомненно, нравится, ведь иначе его бы здесь не было... и вот...»

«Увидимся на сцене», шепчет Иисус Гарри и коротко хлопает его по плечу, выбегая в свет прожекторов навстречу аплодисментам.

«И чем ты нас сегодня порадуешь?» Лири обнимает Иисуса за плечи, как будто они неразлучные друзья.

«Ну, Кевин, я думаю, можно сказать, что эта песня является, э-э-э, неофициальным гимном Америки...»

«Как всегда, очень таинственно. Леди и джентльмены, аплодисменты Ии...»

Лири еще не закончил предложение и не снял руку с плеча ДжейСи, а тот уже бежит со всех ног к оркестру. Он счастлив, что может исполнить свой номер со студийными

музыкантами. Потому, что как раз эту песню не испортит оркестровка, даже наоборот, ей нужна мощная аранжировка – три гитары, орган и все остальное – от колокольчиков до последнего треугольника. Он настолько возбужден, что запрыгивает на помост к ударнику и, опережая ошарашенного, возмущенного Барри, который просто стоит со своей дирижерской палочкой в руке, кричит в лицо барабанщику «ONE, TWO, THREE, FOUR!» а оркестр, понимая эту команду, на счет «FOUR!» вступает по полной, давая начало впечатляющему спектаклю. Одновременно Иисус выдает поверх всей этой массивной стены звука гитарный рифф в стиле Дуэйна Эдди, пионера «твэнга», затем поворачивается и прыгает на три метра в высоту, ноги врозь над головой пианиста. Публика визжит, в яме для фотографов сверкают вспышки, а камеры фиксируют кадр, который на следующий день появится во всех ежедневных газетах – Иисус в воздухе перепрыгивающий через пианиста, который с открытым ртом смотрит на него снизу в верх. Иисус каким-то непостижимым образом успевает как раз вовремя подбежать к микрофону, чтобы начать первый куплет: «In the day we sweat it out on the streets of a runaway American dream», а публика спонтанно вскакивает со своих мест, кричит и выбрасывает в воздух кулаки, телезрители зовут своих родственников и друзей к экранам, чтобы те увидели эту настоящую бешеную энергетику, вырывающуюся из телевизоров, Херб излучает гордость, Дарси прикрывает рот ладонью, а Стивен Стелфокс чувствует, что происходит нечто особенное, чего он не может понять, и его волосы на затылке и руках встают дыбом; Иисус заканчивает первый припев вместе со зрительным залом, отскакивает назад и поворачивает гриф гитары в сторону оркестра, музыканты которого в большинстве своем не скрывают улыбок, когда он ведет их за собой и заставляет играть гораздо быстрее, чем было оговорено заранее, так что Барри машет своей палочкой, как безумный, поскольку ему не остается ничего другого, как принять этот темп; Иисус поворачивается к кулисе и кивает, а оглушительные аплодисменты еще более нарастают, когда на сцену выбегает Гарри, срывает со штатива микрофон и поет о девушке Венди, которую он умоляет пустить к себе и объясняет, что хочет быть ее другом. Брови Стелфокса поднимаются почти до того места, где начинают расти волосы на голове, Иисус всей ладонью правой руки лупит по струнам своего Гибсона, немного замедляет темп, оркестр следует за ним, настоящим дирижером, не Барри, сильный и чистый голос Гарри парит над всем этим, когда он запрокидывает назад голову и кричит: «And strap your hands 'cross my engines!»; публика в зале подпевает в полный голос, мама Гарри с его братьями и сестрами за кулисами готовы лопнуть от гордости, лицо отца Бенц приняло мрачное и злобное выражение. Иисус уже сейчас обливается потом, закидывает гитару за спину, принимает у Гарри микрофон, под объективами камер падает на одно колено и поет о девушках, расчесывающих волосы перед зеркалами заднего вида, и парнях, которые хотят выглядеть настоящими мужчинами, великолепно рассчитывает время, переходя к словам «in an everlasting kiss», неожиданно ставит микрофон на штатив и берет гитару, а оркестр переходит к инструментальной части, в которой парень-басист прекрасно исполняет это адское соло, и Иисус с Гарри танцуют вместе посередине сцены, как Кларенс и Босс, Гарри с бубном в руке, который он поднял с пола, с лицами, светящимися от радости, потерявшимися в музыке, а потом брейк, пальцы скользят по грифу сверху вниз, пока не берут открытый аккорд E, Иисус запрыгивает на рояль, кажется, бесконечно бьет по струнам, держа аккорд на седьмом ладу, пока снова не кричит «ONE, TWO, THREE, FOUR!», прыгает ноги врозь с рояля, а Гарри рыбка бросается к микрофону, чтобы пропеть «The highways jammed with broken heroes on a last chance power drive», в то время как Иисус успевает добежать до Гарри и, облокотившись на него, спеть «Everybody's out on the road tonight but there's no place left to hide», а потом они сменяют друг друга строфа за строфой, оркестр играет так, как будто речь идет о жизни и смерти, Гарри положил Иисусу руку на плечо, когда они вместе кричат: «TRAMPS LIKE US – *BABY WE WERE BORN TO RUN*»; а потом, в самом конце, мокрый до нитки Иисус поднимает гитару в свете прожекторов высоко над головой, взяв заключительный аккорд, поворачивается к ударнику и смотрит ему в глаза, прыгает на полтора метра в высоту и приземляется точно в тот момент, когда с последним смэшем ударных наступает тишина, а собравшаяся в зале публика и телезрители буквально сходят с ума.

Только четыре человека в Америке не разделяют это чувство: семейство Бенц и Стивен Стелфокс.

Глава 10

«Что, черт возьми, ты себе позволяешь?» Они собрались в Зеленой Комнате недалеко от главной сцены, и те, кто стоит в коридоре – среди них семья Бенц, семья МакДональд, Бекки, Морган и Крис - сдерживаемые многочисленными ассистентами, слышат из-за двери глухой рык.

«ЭТО МОЕ ШОУ! МОЕ ПРОКЛЯТОЕ ШОУ! ТЫ, МЕРЗКИЙ ЗАСРАНЕЦ! И ВСТАТЬ, КОГДА Я С ТОБОЙ РАЗГОВАРИВАЮ!»

В шоу объявлен перерыв на два часа для голосования по всей Америке. За двадцать минут до конца перерыва звонки больше не принимаются. Иисус, как обычно, лежит, вытянувшись на полу, мокрый от пота, абсолютно без сил (Как же Брюс мог выступать каждый вечер, сорок концертов подряд?) Гарри МакДональд сидит впереди на краешке стула и обеими руками нервно теребит бутылку «Эвиана». Саманта Дженсен и Треллик не вмешиваются, пока Стелфокс буйствует.

«Ох, чувак, прекрати», говорит Иисус, «какие проблемы? Мы зажгли, и людям понравилось».

Стелфоксу как-то удается сдержаться, чтобы не вскочить и не врезать со всей силы Иисусу ногой по лицу.

Дженсен качает головой. «Исполнив несанкционированный дуэт и получив тем самым преимущество перед другими конкурсантами, ты нарушил условия контракта, и нам не остается ничего другого, как тебя дисквалифицировать. Независимо от исхода голосования телезрителей».

«Черт, старик», говорит Гарри, «я знал».

«У тебя совсем крышу снесло?» говорит Стелфокс. Всем нужно некоторое время, чтобы понять, что Стелфокс обращается к Дженсен. «Выгнать обоих? На следующей неделе – финал, ты, недоразвитая овца, что с ним делать? Шоу длиной в пять минут, где мы объявим: «Эй, вот Дженнифер Бенц, она выиграла. Большое спасибо и спокойной ночи, вы, недоумки...? Включи свои дурацкие мозги, если уж окончила элитный университет!»

«Эй», говорит Иисус, «прекрати так с ней разговаривать, чувак».

«Слушай сюда, ты, жалкий кусок дерьма», говорит Стелфокс и поворачивается к Иисусу. «Будет вот так: этот жиртрест...», он показывает на Гарри, «...вылетает. Сегодня вечером. Мы скажем, что он просто выбежал на сцену во время твоего выступления. Что ты мог сделать? Ничего».

«Ерунда», говорит Иисус. «Это была моя идея».

«Мне насрать. Он переживет и поедет сегодня вечером домой. А ты будешь на следующей неделе выступать в финале месте с Дженнифер, с улыбкой до ушей. Играй по моим правилам, или ты тоже вылетишь. Я позабочусь о том, чтобы ни одна фирма звукозаписи никогда не подписала с тобой контракт. А в телевизор ты попадешь в следующий раз только тогда, когда в новостях сообщат о твоем самоубийстве».

Иисус смеется. «В этом городе для тебя больше нет места...?»

«Точно».

«Да брось ты...»

«Что?»

«Да ничего... Гарри, дашь мне глоточек воды? Спасибо, чувак. Ничего не выйдет. Что у вас еще есть в запасе?»

Стелфокс и Треллик смотрят на Иисуса, который сидит, скрестив ноги, на полу и пьет «Эвиан».

«Ну, а если так?» говорит Треллик. «Мы подаем на тебя в суд за нарушение контрактных обязательств, повлекших за собой убытки в случае срыва финального конкурса в той или иной форме, за потерю поступлений от рекламы..., и мы вменим тебе все до последнего цента по счету отеля, который, между прочим, уже выражается шестизначной суммой».

«Мы говорим сейчас о нескольких десятках миллионов долларов, ты, паршивый, маленький засранец-инди», вставляет Стелфокс. «И это только то...».

«Окей, окей», Иисус пожимает плечами. «Делайте, что хотите».

Подать на него в суд, думают Стелфокс и Треллик одновременно. Что с него можно получить? Коллекцию винтажных маек?

«Несоразмерные, неавторизованные счета из гостиницы», продолжает Треллик, «имеющие признаки мошенничества, которые не будут оплачены. Отель подаст на тебя в суд, и ты пойдешь в тюрьму, мой друг».

«Тогда я пойду в тюрьму. Что поделаешь?»

Стелфокс замечает, что сутулится. Он садится и трет пальцами виски. Как можно разговаривать с кем-то, кого невозможно запугать? Кому все по барабану?

Раздается громкий стук в дверь. «Войдите», кричит Стелфокс. Дверь открывается, в комнату снаружи врывается гул голосов, отец Дженнифер Бенц бушует: «Это неслыханно!» - и входит ассистентка режиссера Джейми со стопкой бумаг подмышкой. «Столько звонков не было никогда. Линии раскалены добела».

«И каковы результаты?» спрашивает Стелфокс.

«Про Дженнифер Бенц можно забыть. Ребята оставляют малышку далеко позади себя, ЭсЭс».

«БЛЯДЬ!» кричит Стелфокс. Он спланировал все до мельчайших деталей: сингл Дженнифер на первом месте в хитпарадах, рождественский альбом с Дженнифер в шапочке Санта-Клауса на обложке, немного декольте. На какое-то время в Зеленой Комнате воцаряется тишина. Потом Стелфокс проводит обеими руками по волосам, набирает в легкие воздух, смотрит на часы и говорит: «Окей. Когда мы снова выйдем в эфир, будет вот так...».

Глава 11

Полчаса спустя трое – ДжейСи, Гарри и Дженнифер Бенц – стоят на возвышении в центре сцены перед ликующей публикой в свете прожекторов. Кевин Лири проходит мимо них танцующей походкой к жюри и говорит: «Что за вечер! Что за вечер! Не думаю, что у нас было уже нечто подобное. Так, Стивен?»

«Нет, Кевин», говорит Стелфокс. «Это...». Он качает головой и старается изо всех сил показать, что ему не хватает слов. Дарси и Штутц торжественно смотрят на него после того, как получили указание «заткнуть пасти».

«Двое из вас», очень серьезно продолжает Стелфокс и смотрит на Иисуса и Гарри, которые стараются выглядеть подавленными, что лучше удастся Гарри, чем Иисусу, «решили взять проведение конкурса в свои руки и выступили дуэтом». Аплодисменты и ликование публики, которые Стелфокс игнорирует. «Я допускаю, что кому-то из зрителей такое выступление понравилось, но в отношении Дженнифер этот поступок был нечестным, и это не подлежит обсуждению». Жидкие аплодисменты и выкрики верных поклонников Дженнифер из зала. «Поэтому я иду беспрецедентный шаг в истории нашего шоу и ...», он берет паузу, прежде, чем сказать главное, «объявляю результаты сегодняшнего телефонного голосования аннулированными и недействительными».

Стоны и крики в зале, свист и протестующие возгласы. Зрители дома перед экранами орут на свои телевизоры.

«Но Стивен», перебивает Кевин возмущенный зрительский зал – точно в соответствии со сценарием, написанным четверть часа назад в проходе слева от сцены на коленке - «но ведь найдется немало телезрителей, оплативших телефонный звонок, и...».

«Совершенно верно, Кевин. И я скажу об этом прямо сейчас. Заверяю всех вас, что телефонное голосование на следующей неделе будет бесплатным. И наши зрители получат возможность еще раз увидеть всех кандидатов в живом эфире, потому, что впервые в истории АМЕРИКАН ПОП СТАР...», он оглядывается и качает головой, будто не может поверить тому, что скажет сейчас, «...в финале примут участие все три претендента».

Зал взрывается бешеными аплодисментами и восторженными криками.

«И тот, кто наберет большее число голосов телезрителей, одержит победу. Но, но...», выкрикивает он сквозь шум зала, «у меня есть такое чувство, что я должен кое-что

сказать вам, ребята», продолжает Стелфокс и смотрит на Гарри и Иисуса. «Мы не потерпим еще раз такого поведения, как сегодня вечером. Эта программа выходит в прямом эфире, а значит, она беззащитна против любых злоупотреблений. У нас есть свои правила, которые гарантируют равные шансы всем участникам показать себя с наилучшей стороны. Мы поняли друг друга?»

Лири снова подходит к конкурсантам и держит микрофон перед Гарри и Иисусом, которые, как предусмотрено сценарием, бормочут извинения и уверения, что более такого не повторится.

«Да», говорит Гарри. «Мне очень жаль, Стивен. Мне жаль, Дженнифер».

А потом происходит то, что совершенно точно не было предусмотрено сценарием.

Иисус протягивает руку и забирает у Лири микрофон. Он чувствует легкое сопротивление и поэтому чуть дергает его к себе. Лири со страхом смотрит на Иисуса, когда тот сходит с возвышения на сцене и говорит: «Совершенно верно. Гарри. Я тоже хотел бы извиниться перед Дженнифер. Мне жаль, Джен. Я сделал это без злого умысла».

Стелфокс, Дженсен, Гарри наверху в режиссерской, все, занятые в постановке шоу, нервничают, потому что Иисус держит микрофон в руке и обращается к ста миллионам человек, а по уточненным впоследствии данным зрителей было даже больше, почти тридцать четыре процента американского населения смотрели передачу. Публика в зале аплодирует, Дженнифер смотрит на Иисуса невинными глазами и хлопает длинными искусственными ресницами. А Стелфокс думает: *все не так плохо, это может сработать*.

Эта мысль живет ровно две секунды.

Столько требуется Иисусу, чтобы пройти мимо Лири, который с улыбкой протягивает руку к микрофону, и сказать: «Кроме этого, я хотел бы воспользоваться этой возможностью, чтобы извиниться лично...»

«Ой, блин, нет», говорит Саманта Дженсен и бежит из-за кулис в режиссерскую.

По регламенту ABN только два человека имеют право прерывать идущую в прямом эфире передачу: продюсер – в данном случае Стелфокс – или ответственный редактор телеканала - Дженсен, которая что есть мочи несется по коридору за сценой. Следующие три минуты этого живого эфира поставят серьезные вопросы относительно правильности данного регламента, а именно в масштабах всей Америки – от последней пивной до Верховного Суда.

«...не только перед Дженнифер, но и...э-э-э...на какой камере мы сейчас?» Он подходит к краю сцены, прямо к зрителям, и смотрит в камеру номер два, чей красный огонек ритмично мигает и переносит его во множество, великое множество квартир. «Но и перед всей Америкой...».

«Окей, спасибо. Я думаю, что...», говорит Стелфокс.

«Позвольте мне рассказать кое-что об этом человеке», говорит Иисус и подходит к Стелфоксу в сопровождении камер и вытягивающихся шей зрителей.

Дженсен как раз сворачивает как на коньках за угол, когда слышит спокойный торжественный голос Иисуса из динамиков в коридоре.

«Вы знаете, что думает о вас этот человек? О вас, которые смотрят это шоу у себя дома? Он считает вас отбросами. Круглыми идиотами. Просто...самой убудочной и неграмотной сволочью, какую только можно себе представить. Которая, правда, достаточно хороша для того, чтобы каждую неделю набирать эти паршивые телефонные номера и покупать...эти вещи». Иисус бьет ладонью по одному из логотипов на столе жюри. «И попсовые диски, которые он выпускает, и...»

Сидящего за пультом Гарри охватывает паника. Режиссер, чья режиссура не работает. Может, так было спланировано? «Э-э-э...продолжаем», говорит он. Оставались еще две минуты до плановой рекламной паузы: в живом эфире – целая вечность.

Дженсен сворачивает на предельной скорости за угол и со всего маху влетает в Боба, врезаясь ему головой в грудь, как квотербек в огромного защитника. У нее темнеет в глазах, и она не замечает легкого сжатия ее щиколоток, когда Боб осторожно и бережно – он не хочет причинять леди боль без причины - втаскивает ее за ноги в пустую гардеробную и закрывает за собой дверь.

«Я думаю, ты один из этих...», продолжает Иисус и облокачивается на стол возле Стелфокса, «беспардонных тиранов, которые по какой-то причине управляют судьбами мира, так, человечек? Которые навязывают людям дерьмо и утверждают, что это как раз то, чего они хотят. Если маленьким детям давать сладости, они будут просить все больше и больше, даже если у них выпадут все проклятые зубы».

Некоторые операторы улыбаются, подходят с камерами ближе и ищут лучший ракурс, предвкушая реакцию Стелфокса. Он хочет что-то сказать...и понимает, что не может. Он смотрит в эти голубые глаза и не находит слов. Кажется, светящийся нимб окружает Иисуса. У Стелфокса гудит в ушах так громко, что заглушает крики в его наушнике. Словно в транс смотрит он на Иисуса, который поворачивается к камере и говорит: «Ладно, хватит об этом. Я не думаю, что у меня много времени, поэтому...я хотел бы сказать, что вы должны серьезно переосмыслить все, что происходит здесь внизу. Особенно отношение к религии. Вы вообще представляете себе, насколько Бог вами недоволен? Люди из-за вашей веры убивают друг друга. Какие-то противники абортотубивают врачей – а вам, противники абортотубивают, я вам скажу: вас, подонков, Он просто ненавидит - в телестудиях сборища идиотов собирают деньги во имя Господа. Вы что, думаете, ему нужен от вас хотя бы цент? Загрязнение окружающей среды, алчность, все это дерьмо, чем вы ежедневно занимаетесь, чтобы заработать бабки и купить вещи, которые никому не нужны. Вы...вы уже дошли до того, что считаете нормальным получение банкирами бонусов в сотни миллионов долларов в то время, как другие спят в картонных коробках и жрут корм для собак. Вы, что, окончательно сбесились? Значительная часть населения планеты считает нормальным заворачивать женщин с головы до ног в черные мешки и забивать гомосексуалистов камнями и палками. Еще одна, тоже значительная часть, молится клоуну в Риме, который на полном серьезе способствует замалчиванию фактов сексуального насилия над детьми. Он сидит в Ватикане. Дьявол, он должен был бы сидеть в тюрьме!»

Находящиеся в зале Морган, Крис и Бекки сидят с открытыми ртами. В первый раз они видят разъяренного Иисуса, который, похоже, всю свою жизнь ждал этого момента. Бекки оглядывается на зрителей. Все тарашатся на Иисуса, не веря в происходящее, как загипнотизированные, а нимб, кажется, заполняет всю студию, охватывает каждого, затягивает в себя...

«А мы здесь в Америке, насчитывающей среди стран так называемого цивилизованного мира наибольшее количество людей, называющих себя христианами, *допускаем все это свинство!* Вы представляете себе, что Он об этом думает? Вы всего-то пять минут находитесь на этой планете, а уже умудрились превратить ее в грязный сортир. Вы должны...»

За пределами студии американские телезрители реагируют этим субботним вечером по-разному.

Выключаются телевизоры.

Люди ликут.

Детей спешно укладывают спать.

Телезрители хватаются за телефоны.

Пишутся возмущенные мейлы и блоги.

Люди орут: «Убирайся назад в Россию, сволочь!»

Другие хлопают в ладоши, свистят и кричат: «Так держать, парень!»

Многие лихорадочно ищут кнопку записи на пультах своих телевизоров.

А еще этим вечером в домах есть такие, кто, как Стелфокс или публика в зале, заморожено смотрит на сцену, на этот переливающийся пульсирующий свет, затмевающий все вокруг и позади Иисуса, когда он подходит к камере и заполняет собой телеэкраны от Денвера до Детройта и от Флориды до Сиэтла. И выполняет, наконец, свою миссию. Учит, ведет за собой, вдохновляет. Некоторые возмущены, да, но нельзя же получить все сразу здесь и сейчас.

«...Христиане против гомосексуалистов, христиане против абортотубивают, христиане против социализма. Христиане за огнестрельное оружие, христиане за атомные бомбы. Это же факты, я ничего не выдумываю! Что произошло с вашим чувством *общности*? Вы что, ничего не понимаете? БУДЬТЕ, ЧЕРТ БЫ ВАС ПОБРАЛ, ХОРОШИМИ!» Теперь он стоит у самого края сцены и смотрит прямо в камеру.

«Ладно, я почти закончил. Если кто-то захочет начать новую жизнь, в которой ему не надо будет лгать или вставать в пять утра, проводить полдня в автомобиле или поезде, видеть своих детей в лучшем случае два часа в день, а потом, спустя годы, удивляться, почему у него нет с ними контакта, заниматься деятельностью, которая угрожает существованию нашей планеты, приходите ко мне. Вы меня найдете. Об этом будет написано во всех газетах. Спасибо за внимание. Спокойной ночи».

Он выпускает из рук микрофон – глухой удар, завывание фона – и уходит со сцены.

Звук фона выводит Стелфокса из транса. Он смотрит на сцену и видит ее, как будто в первый раз сегодня вечером: пустое возвышение на сцене, где был Иисус. Дженнифер Бенц и Гарри еще стоят на своих местах с открытыми ртами. Штутц и ДеАнджело пялятся на него, публика молчит, и хорошо слышно одного из руководителей трансляции, прокричавшего: «РЕКЛАМА! ВЫХОДИМ ИЗ ЭФИРА!», а девушка в хед-сете и блокнотом дергает за рукав Стелфокса. И тут начинается настоящее светопреставление.

Глава 12

Следующие четыре дня – конец первой недели декабря – Иисус проводит, не покидая бунгало гостиницы. Он дает интервью и снимается для любого издания, готового заплатить за эту привилегию. А их немало: все, начиная от «Enquirer» и «Harper's» до «Celebrity Lifestyle». Он – на первых страницах практически всех англоязычных ежедневных газет западного мира. За четыре дня он собирает почти миллион долларов.

На третий день в «Шато» появляется Стивен Стелфокс. Его черный внедорожник «Кадиллак Эскалэйд» с шофером величественно скрипит шинами по каменным плитам пандуса гостиницы.

«Эй, привет», говорит Иисус Стелфоксу, который занимает место напротив Иисуса и Моргана и с отвращением смотрит на царящий в бунгало бардак. Подносы из-под еды, трусы на батареях. На террасе лежат два бомжа в обмороке. «Блин, а что случилось с теми у бассейна?»

«А-а, это просто Гус и Дотти. Мои друзья».

«А-а, ну-ну...Окей, перейдем к делу. Не могу поверить, но ты - самая яркая звезда, которая когда-либо принимала участие в нашем шоу. Нет, блин, ты сейчас самый известный человек во всей Америке. Я выпущу твой альбом».

«О какой сумме идет речь?» спрашивает Морган.

«Ах, а ты кто такой будешь?» парирует Стелфокс.

«Минутку...» заводится Морган и поднимается с кресла.

«Спокойно, Моргс, сядь», говорит Иисус. «Это Морган. Он – ударник в моей группе».

«Ах, ударник?» говорит Стелфокс и прикладывает руку к груди, будто бы извиняясь. Слово «ударник» он произносит как «император». «Мне очень жаль. Я не знал. Пожалуйста, продолжайте! Просветите меня, палочки какой фирмы Вы предпочитаете, какую микрофонизацию? Какую...или погоди-ка, может, ты просто заткнешься?»

«Сволочь», говорит Морган и снова встает.

«Морган», говорит Иисус и кладет руку на плечо, «может, выпьешь чего-нибудь? Все в порядке, старик. Все под контролем».

«Только ничего не подписывай», бросает через плечо Морган на ходу.

«Итак, сколько?» спрашивает Иисус.

«Миллион долларов за право на издание и миллион за запись диска. Одна треть подлежит оплате после подписания контракта, одна треть после записи альбома и одна треть после публикации».

«Да. Окей», говорит Иисус.

Стелфоксу требуется время, чтобы переварить эту информацию. К таким переговорам он не привык. «Мы запишем альбом здесь в Эл. Эй, песни, конечно, выберу я, и, наверное, не стоит еще раз повторять, что твой друг-ударник и прочие участники твоей так называемой «группы» войдут в студию только в качестве разносчиков пиццы».

«Нет», говорит Иисус.

«Как?»

«Нет. Я буду работать с ребятами, и мы запишем альбом в своей собственной студии. Иначе сделка не состоится».

«Тебе известно, что в договоре, который ты подписал в связи с участием в шоу, есть параграф, запрещающий тебе записывать диски для другого лейбла?»

«Ну, если ты это говоришь...»

«И что ты будешь делать?»

«Не буду записывать музыку».

Стелфокс размышляет. *Нет ничего невозможного. Все можно разрулить. Если у тебя есть пара синглов для продвижения альбома, никого уже не интересует, какие остальные песни записаны на пластинке. Треллик должен спрятать в контракте положение, позволяющее лейблу микшировать запись по-новому в соответствующих случаях. При таком ремиксе достаточно много возможностей. Возьми с собой в приличную студию только голос и запиши с помощью хорошего продюсера песню заново, чтобы она могла понравиться нормальным людям. Да, вот так и поступим.*

Стелфокс делает вид, что надолго задумался, а потом, наконец, медленно кивает. «Я приму твое предложение, если ты примешь мое, и на пластинке будут два кавера, которые выберу я».

Иисус размышляет. *Насрать. Мы запишем их так плохо, что у него ничего с ними не выйдет.*

«Да. Окей, по рукам».

«Отлично. Будем в контакте».

Они протягивают друг другу руки, и Стелфокс в первый раз за время переговоров снимает свои солнечные очки. Иисус видит летучих мышей, ныряющих в черноту зрачков. А еще он видит там летающие искры. Стелфокс ощущает исходящую от своего визави доброту. Он просто весь пропитан ею.

Иисус рассказывает обо всем Моргану и Крису.

«Вау», говорит Крис, «значит, мы получим треть из этих двух миллионов прямо сейчас...независимо от того, что произойдет позже?»

«Йеп», говорит ДжейСи.

«Вот это супер!»

«Хммм», говорит Морган. «Вы знаете, ребята, сколько это будет?» Они смотрят на него.

«Ровно шестьсот шестьдесят шесть тысяч».

«Ух, ты», говорит Иисус. «6-6-6. Прикольно, правда?»

«Хммм», говорит Морган.

Пока Иисус у бассейна улыбается в камеры и снова отвечает на вопросы вроде «Кто истинный Иисус?» остальные собирают вещи. Крис покупает новое транспортное средство: микроавтобус в люксовом исполнении с самолетными сиденьями, морозным кондиционером, DVD-плеером и впечатляющей системой хай-фай. В четверг после последнего выступления ДжейСи в шоу банда готова отчалить, отдав часть своего вновь заработанного богатства на оплату счетов «Шато Мармонт» за обсуживание в номере и царские чаевые персоналу, который все это время радушно относился к пришельцам и даже выставил за дверь какого-то кинопродюсера, пожаловавшегося на Гуса и Дотти, лежавших в коматозном состоянии у бассейна. *Есть два места, где все равны, думал Иисус, на Небе и в очень, очень хороших гостиницах.*

«Чувак», говорит Крис, выруливая на новом автобусе из «Шато» на Сансет Стрип, «мне тяжело отсюда уезжать».

Финал *АМЕРИКЭН ПОП СТАР* проходит в эту субботу без своей главной звезды. Рекордное количество зрителей включает телевизоры, чтобы увидеть, как Гарри триумфально побеждает Дженнифер Бенц (во многом благодаря своему замечательному выступлению вместе с Иисусом на прошлой неделе). Но, принимая во внимания события прошедшей недели, этот финал называют «одним из величайших разочарований в истории телевидения». Буквально, «Гамлет» без принца. Иисус радуется победе Гарри и заработанным им деньгам, которые так много значат для его семьи. А представляя, как Стелфокс крушит свой офис из-за того, что о планах выпуска рождественского альбома Дженнифер можно забыть, Иисус тихо смеется про себя. А между тем они уже в пути на восток. Лос-Анджелес скрывается позади них под жарким куполом смога. Крис сидит за рулем и поет вместе с Вилли Нельсоном «On The Road Again», гремящую из

первоклассной новой стереосистемы. Они едут в направлении Аризоны в поисках большой равнины.

«Эй», говорит Морган. «Что будет последним, что услышишь после того, как отсосешь у Вилли Нельсона?»

«Понятия не имею», говорит Крис через плечо и смотрит на дорогу.

«Я не Вилли Нельсон», говорит Морган.

Часть пятая

В раю. Техас

«Растет ощущение, что Техас на самом деле является отдельной страной, местом, где небеса, катастрофы, алмазы, политики, женщины, судьбы, футболисты и убийцы гораздо крупнее и масштабнее»

Пит Хэмилл

Глава 1

«Ну что, ребята, как вам? Вот, что такое красивый вид!» Эти слова произнес маклер, когда почти год назад они стояли на этом утесе и смотрели вниз на долину. Уже тогда, тем декабрьским утром, открывающийся вид можно было назвать потрясающим. Сейчас, в тлеющей жаре раннего сентябрьского утра, этот вид даже...ну...

«Блин, папа», говорит Иисус и, поднимая банку пива, чокается с долиной. «Ты умеешь обставить дело». Ледяное пиво имеет металлический привкус. Он закуривает косяк. Чуваки, этот урожай – их первый – был...его, конечно, не сравнить с травкой на небе, но все-таки этот урожай был «бомбой» по определению Морган. Иисус надвигает шляпу на глаза, вытягивается на утесе и размышляет. Как любит повторять отец: сидя целыми днями в офисе, ты играешь в пожарного. Очень важно регулярно выходить в «поле», чтобы освежить мозги, или еще лучше, основательно их продуть и освободить место для новых идей. Именно по этой причине ДжейСи взобрался на утес с видом на запад.

Коллард Крик, петляя, течет от него вдаль к заливным лугам на западной границе их участка земли, в трех милях отсюда. На берегу этой небольшой реки растут можжевельник, дубы, сосны и ели. Лес, граничащий с лугами, богат дичью. В нем водятся олени, перепела, водоплавающие птицы, иногда встречаются одичавшие домашние свиньи и индюки. Клод показал им, как ловить индюков, и в маленьком хлеву на ферме их уже живет с десяток. «Птички очень вкусные», просветил их Клод. А когда он испек одного в земляной яме, они смогли в этом убедиться. Они ели индюка под звездным небом с печеной картошкой.

По его левую руку на южной границе участка находится озеро в форме согнутой в локте руки больше трех километров в длину и около четырехсот метров в ширину или, как его оригинально окрестил маленький Майлс, «Большое озеро». В прохладной глубине его серебристо мерцающих в вечернем солнце вод кружат жирные окуни и сомы. Биг Боб и Морган – оба страстные рыбаки – уже рано утром часто ходят туда с удочками и наживкой. Большое озеро настолько велико, что по его поверхности можно кататься на водных лыжах, хотя сам ДжейСи этого еще не пробовал. Иногда в послеобеденное время слышен довольный визг Бекки, когда ее тянет катер, за штурвалом которого находятся то Крис, то Пит. Их смех и рокот мотора в безветренную погоду разносятся далеко по участку.

По его правую руку, севернее, возвышается высокая гряда поросших елями гор, разрезанных дорогой, ведущей на Брантсвилль, ближайший городок в пяти милях отсюда или до хайвея, повернув на который, за день можно доехать до Остина. Время от времени машины, едущие по горной дороге, останавливаются, и тогда можно увидеть, как из-за деревьев что-то блестит: солнечный свет, отражающийся от линз камер репортеров или биноклей туристов и любопытных соседей, желающих своими глазами увидеть, как живут фрики. У подножия гор теснятся дома вновь прибывших поселенцев, все в стадии

строительства. До утеса доносится приглушенный стук молотков и визг циркулярной пилы. Некоторые из этих домов выходят на другое, «Маленькое озеро».

ДжейСи перекачивается на живот, чувствует жаркое солнце на спине и гладкий гранит под локтями, когда он устраивается, чтобы посмотреть на восток: через крышу фермерской усадьбы, в которой по большей части проживают они сами – они, которые называют себя в шутку «первыми поселенцами». Рядом с усадьбой стоят и первые два дома, которые они построили под руководством Пита, довольно неказистые, но непроницаемые для дождя и ветра, усеянные солнечными батареями. Он смотрит вдаль на ферму, расположенную в полумиле отсюда. Там кипит работа. Люди с тачками снуют туда-сюда, блестит кристально чистая вода, льющаяся из шлангов и поливальных установок. За фермой возвышаются два больших ветряка, лопасти которых мягко вращаются на легком ветерке.

Поначалу Клод заметно нервничал, получив ответственное задание, но справился парень с ним прекрасно. В начале года, еще до наступления весны он ежедневно трудился по пятнадцать часов. Он строил планы, сажал и убеждал остальных активно помогать при пахоте и удобрении земли. Хотя, по мнению Клода, почва здесь была неплохой для данной местности, он настоял на закупке высококачественного компоста стоимостью в несколько десятков тысяч долларов. И вот, разноцветные плоды этой изнурительной работы правильными прямоугольниками растут из земли: зеленые ряды лимонных бобов и горошка, кольраби, брюссельская капуста и мангольд, вперемешку с желтыми пятнышками огромных тыкв, яркими цветами кабачков и красными вкраплениями острого перца и помидоров.

Их первый урожай.

Иисус снова садится, допивает пиво, расплющивает банку в руке и от души рыгает. И вот он сидит посреди этой роскоши: тысяча гектаров, четыре квадратных мили тexasской гористой местности на границе Прерии Эдвардса. И все принадлежит им, куплено и оплачено. Джек Берри из «Берри и Франклин» поспособствовал, по его словам, «делке века»: тысяча пятьсот долларов за гектар и ветхая старая усадьба с пятью комнатами впридачу.

Рыба в озерах, дичь в лесах, там, на ферме, растут практически любые овощи, которые только можно себе представить. Блин, это была действительно «делка века».

Легкий шум мотора отрывает его от приятных дум. Иисус встает и видит Криса, взбирающегося к нему по пыльной тропинке на зеленом кроссовом мотоцикле с надписью на бензобаке: «СОЖРИ МОИ ЯЙЦА». Последние метры он использует, как трамплин, перелетает через обрыв и приземляется на вершине, глушит мотор, кладет моцик на бок и пробегает несколько шагов, чтобы не пылить на ДжейСи.

«Ну», говорит Крис, присаживаясь на утес рядом с Иисусом. От старого толстого Криса осталось немного. За лето он сбросил минимум пятнадцать килограммов, поскольку поблизости нет никаких «Бургер Кингов» и тому подобного, а еще потому, что помогает Клоду на ферме и Питу на лесопилке, ест здоровую пищу и каждое утро плавает в озере.

«Привет, большой», говорит Иисус и протягивает ему косяк. «Как дела?»

«У нас там внизу пара новеньких», Крис кивает на север, туда, где заканчивается дорога, ведущая к воротам участка.

«Правда? Откуда?»

«Семья из Детройта, кажется».

«Еще одни из города моторов, так?» У них уже есть несколько поселенцев из Детройта. Город умирает. *Какой позор, думает Иисус, что это случилось с одной из столиц рок-н-ролла: MC5, Stooges, White Stripes. И ко всему этому огромное количество «техно».*

«В общем, ими занимается Бекки. Но было бы лучше, чтобы ты сходил туда. Они хотят с тобой поговорить. У мистера Детройта с собой оружие и все такое».

«Нет, блин, опять это оружие?»

Вообще, такое случалось не так уж редко, что приезжие хотели жить здесь в мире и гармонии, но со сраным магнумом под подушкой. Такие уж они, американцы - если нет пушки, значит - голые.

«Эй, ДжейСи!»

«Ребята!»

«Сыграешь с нами в настольный футбол?»

Он улыбается, машет рукой и бьет ладонью о ладони, следуя за Крисом по пыльному двору, полному играющих детей. Субботнее утро. Блин, для него каждый день здесь был субботним утром, и каждый вечер – вечером пятницы. Доносится шипящий звон тарелки: Морган занимается ударной установкой внизу в студии, которую они сейчас как раз оборудуют, и пока не доволен звуком. При покупке инструментов они не *слишком* разгулялись – Крис получил новый Фендер Презижен Бэсс, а Иисус позволил себе восхитительно красивый кремовый Лес Пол Джуниор 1960 года выпуска с двойным грифом, как у Джонни Тандерса. Они много работали над демо-записями для альбома ДжейСи. Совсем без споров и давления извне не обошлось. Уже полгода Стелфокс с Иисусом спорили об упомянутых в контракте двух кавер-версиях. В июле Стелфокс прибыл на вертолете, чтобы ознакомиться с положением дел, и указал им, в принципе, только на то, что вокал должен быть громче, гитарные соло вырезаны, а к припеву надо переходить быстрее. После этого он снова улетел восвояси не без своего обычного вопроса, по какой причине ДжейСи сидит на этой свалке вместе с бомжами, когда у него на счету миллионы.

«Эй, Бекс», говорит Иисус, подходя к главным воротам и осматриваясь: Бекки отлично выглядит в своих коротеньких обрезанных джинсовых шортах и камуфляжной жилетке оливкового цвета. Повернувшись к нему спиной и скрестив руки на груди (плохой знак), она беседует с белым мужчиной маленького роста в очках и бейсболке «Тайгерс». Мистер Детройт, предполагает Иисус. Его семья, женщина еще меньше ростом и двое детей – мальчик и девочка лет десяти-одиннадцати – напирают сзади, и маленькая девочка визжит от радости, увидев появившегося Иисуса. «Он не такой, как по телевизору», громко шепчет она брату. Кажется, что семья приободряется при виде приближающегося к ним Иисуса и улыбается ему. *Fame, Fame, fatal Fame*, звучит в голове у Иисуса песня The Smith. *It can play hideous tricks on the brain*.

«Салют, ребята, в чем проблема?»

«Проблема», говорит Бекки «в том, что у Теренса с собой оружие».

«Просто отдай им пистолет», шипит женщина.

«Мне очень жаль, друг, никакого оружия».

«Но я только что видел там кого-то с ружьем».

«Да, у нас есть ружья для охоты», продолжает Иисус. «Ты тоже можешь охотиться, если захочешь. Но личное огнестрельное оружие у нас иметь не разрешается».

«Я...но он дорогой. А что вы с ним сделаете?»

«Я же тебе уже говорила...», повышает голос Бекки, постепенно закипая.

«Спокойно, Бекки», говорит ДжейСи и кладет ей руку на плечо. «Я все решу». Потом он снова поворачивается к мужчине. «Мы возьмем его на хранение, а если вы решите уехать, то получишь его назад».

«Нам следовало бы утопить все это проклятое оружие в озере», говорит Бекки.

«Я получу квитанцию?», спрашивает тип.

«Теренс», шипит женщина.

«Окей, окей...». Он лезет в рюкзак и достает отвратительный черный револьвер. «Я не хотел причинять вам неудобства. Я просто не знал, что нас здесь ждет».

Крис берет оружие, а Иисус подталкивает семью к воротам. «Ты не причинил нам никаких неудобств, Теренс. Заходите. Привет, дети, мэ. Я – Иисус. Большинство называет меня ДжейСи».

«О, мы знаем, кто ты такой!» смеется женщина радостно, как девочка. «Меня зовут Тереза Брокоу. А это Шон и Клэр».

«Ты все в лицо высказал этому Стелфоксу», говорит маленькая Клэр.

«Ах, он не такой уж плохой». Когда надо, Иисус может и соврать.

Семья Брокоу следует за ДжейСи и Бекс вглубь участка, осматриваясь и вытягивая шею. В воздухе чувствуется острый запах жареного на гриле мяса, откуда-то доносится музыка – жесткий фанк, Джордж Клинтон, наверное, и звуки молотков и циркулярной пилы.

«Если вы хотите есть», говорит Иисус и показывает на трехметровой гриль, «прямо там не решетке что-то наверняка жарится. Спать можно на раскладушках в тех ангарах

внизу. Просто идите по этой тропинке к лесу. «Так мы размещаем временно всех новеньких. Там есть душ, туалет и все, что пожелаете. Но вы можете, если хотите, поставить палатку. Ну, пока все для начала, ребята. Остальное обсудим позже. Хотите что-нибудь выпить? Пиво? Они доходят до усадьбы. На полу тенистой веранды Боб играет с Майлсом в гоночные машинки.

«Да, с удовольствием», говорит Теренс Брокоу. «Я...я думаю, я не знал, что нас здесь ждет. То есть, я читал о вас, но это... немного напоминает рок-фестиваль, так?»

«Да, возможно», говорит Иисус, открывает холодильник и вынимает пару банок ледяного пива и два лимонада для детей. «Только без билетов по двести долларов, бургеров по пятнадцать и говенного мейнстримовского рока. Твое здоровье». Они чокаются банками и садятся на деревянные ступени.

«Настоящая утопия, правда?» говорит Тереза и снимает солнечные очки.

Иисус стонет. «Пожалуйста, не называйте это утопией. Это *не* утопия».

«И как бы тогда ты назвал это?»

«Просто...общность, может быть. В изначальном смысле этого слова».

Они кивают, пьют пиво и смотрят на склон, поднимающийся к ферме.

«Сколько людей здесь живет?» спрашивает маленькая девочка.

«Сейчас приблизительно сто человек, Клэр. Люди, которые приехали сюда одни. Но есть и семьи, как у вас».

«Ух, ты, они, наверное, очень большие?» говорит Теренс и показывает банкой с пивом на ветряки.

«Йеп». Иисус следит, как тот восхищенно смотрит на блестящие лопасти. «Мы вышли на специалиста из «Хорс Холлоу Винд Энерджи Сентер» там, в Тейлоре и Нолан Каунти. Я говорю мы, но вообще-то основную работу провел наш друг Пит. Эй, Пит», зовет его Иисус. Пит склонился над чертежами, которые разложил на скамейке. «Это семья Брокоу из Детройта».

«Здравствуйте», говорит Пит, подходит к ним и протягивает руку.

«В общем, Пит привез сюда этого типа, и он нам объяснил, как все работает. Он даже помог приобрести нам эти подержанные вертушки. Они обошлись нам почти в миллион. Но они генерируют электроэнергию, правда, Пит?»

«Почти миллион киловатт в год».

«Да, если они работают», говорит Бекки.

«Правильно, вначале с ними был сплошной геморрой», говорит Пит. «Они не вырабатывали достаточно электроэнергии, и лопасти иногда не крутились по непонятным причинам. В конце концов, этот тип поставил две цифровые камеры, чтобы иметь возможность наблюдать за лопастями круглые сутки и выяснить, в чем дело. Эти маленькие штучки записывают все прямо на жесткий диск внизу в цоколе».

«Точно, при запуске у нас были небольшие проблемы», вмешивается Иисус.

«Старушка Бекс относится к людям, которые видят не наполовину полный стакан, а наполовину пустой».

«Спасибо, тебя по тому же месту. Хоть кто-то здесь должен думать практически», говорит Бекс.

«А когда», говорит Теренс, вытирая пену с верхней губы, «когда здесь служба?»

«Служба?» спрашивает Иисус.

«Ну да, как в церкви, с молитвой и все такое?»

Иисус и Бекки хохочут

«Ох, старик», говорит Бекки, «с этим делом ты здесь точно не по адресу».

Глава 2

«Это просто...это действительно сильно меня беспокоит. Вы понимаете, что я имею в виду, Айк?»

«Мммм...Я вижу, что Вы озабочены, святой отец», говорит Айк, пытаясь не звучать слишком отстраненно.

Шериф Айк Стерджес откидывается на спинку стула, и старое дерево благородно скрипит, когда он кладет ноги на письменный стол и ставит большую чашку с кофе себе на живот. Подсчитать преступления в городке Брантсвилль, Пелл Каунти, можно на

пальцах одной руки: нарушения правил дорожного движения, дважды употребление алкоголя в общественном месте, нарушение общественного порядка. Ничего особенного. Кроме этого случая изнасилования, которое ему до сих пор снится, у Старого Айка в его городе за пятнадцать лет не было ни одного серьезного происшествия, и так должно быть в будущем.

И вот появляется этот Чарли Гласс, *пастор* Чарли Гласс, будьте любезны, и вносит смуту. *Чего он, собственно, добивается*, спрашивает себя Аик и чешет свою серебристую бородку. Он бы сейчас закурил, но знает, как священник относится к курению.

«Чарли, проблема в том, что я до сих пор не понимаю, чего Вы от меня ждете?»

Пастор Гласс вздыхает. Он снимает очки, протирает их своим галстуком и говорит подчеркнуто медленно, как будто имеет дело с умственно отсталым. *Очки у пастора совсем не такие, какие ожидаешь увидеть у священнослужителя: дорогая дизайнерская вещь с каким-то логотипом и желтыми стеклами*, думает Аик.

«Вы читали, какие мысли высказывает этот человек?» спрашивает пастор, снова надевает очки и стучит пальцем по фотографии Иисуса в «Нью-Йорк Таймс», которую он разложил на столе. «Он говорит, что он наш Господь Иисус. Сын Божий. Пришедший во наше спасение. Эта неприкрытаяblasfемия! Знаете, если бы мусульманин утверждал, что он Мухаммед, ему бы, наверное, давно отрубили голову».

«Слава Богу, мы не мусульмане, Чарли, так ведь? Хотите еще кофе? Еще кусочек торта?» Он встает и идет к кофе-машине. Через стекло он видит Дайен, которая сидит за компьютером и болтает с двумя его заместителями Чипом и Бертом. Все трое над чем-то смеются.

«Нет, спасибо», говорит Гласс через плечо. «Стоит, однако, заметить, что для мусульман религия все еще кое-что значит. Одна только мысль о том, что происходит всего в пяти милях от города, где наши дети ходят в школу, а наши жены за покупками...».

«Насколько я могу судить, Чарли, там ничего не происходит, кроме неоспоримого факта, что, поселившись здесь только в январе, они соберут прекрасный урожай».

«То есть, вы там бывали?»

«Конечно. Пару раз я туда заглядывал».

«И?» пастор Гласс смотрит на него в ожидании. «И...все, пастор. Пара людишек, которые живут на своей частной собственности, как хотят...что, собственно, является их конституционным правом».

Черт возьми, мужик, думает Аик. *Живи и давай жить другим, так или нет? Мы же хотим вести себя по-христиански, так или нет?*

«Вы разговаривали с ним?»

«С этим Иисусом? Да. Приветливый, вежливый. Ну, может, немного фантазер. Но не хуже, чем большинство детей сегодня. Знаете, времена меняются».

«Вы можете мне назвать хоть что-нибудь, что изменилось бы к лучшему, шериф?»

«Пастор, если Вас так беспокоит, что эти люди живут здесь неподалеку, поезжайте туда и посмотрите. Как Вам мое предложение?» Аик наклоняется над столом и скрещивает руки на груди в надежде, что вопрос наконец-то исчерпан.

«Скорее всего я так и сделаю. Ну, что ж», Гласс вынимает свое длинное худое тело из кресла, напряженно улыбаясь, «спасибо, что уделили мне Ваше драгоценное время. Я хотел только...донести до Вас свою озабоченность. Вы же понимаете?»

«Ну, конечно, я все понимаю, пастор». Аик встает, чтобы пожать ему руку.

«Будьте так любезны и передайте мой привет Марджори, хорошо? Я ведь наверняка увижу вас обоих в воскресенье в церкви».

«Можете не сомневаться. Да, и не забудьте Вашу газету». Он протягивает ее Глассу, который уже взялся за дверную ручку.

«Оставьте ее себе. Вдруг, пригодится».

«Ну, как знаете, спасибо. Хорошего дня».

Аик снова садится и доедает последние крошки с тарелки, наблюдая, как пастор, милостиво кивая, проходит по маленькому полицейскому участку и выходит на залитую солнцем улицу. Аик выбрасывает «Нью-Йорк Таймс» в мусорную корзину.

Чарли Гласс. Аик вспоминает его отца, пастора Уилларда Гласса. *Когда ты приближаешься к шестидесяти, думает Аик, в таком маленьком городке, как этот, ты уже знаешь всех отцов.* Аик задумывается о том, знает ли Чарли о деле, заведенном на его отца, которое до сих пор хранится где-то здесь в коричневой папке. Тогда, в 1986 году, когда Чарли еще ходил в школу, старый Уиллард был задержан за превышение скорости вблизи границы штата. В его машине находилась пятнадцатилетняя чернокожая девочка, которую он по его словам хотел «духовно окормить и наставить на путь истинный». Он отделался предупреждением, и история была замята шерифом Грэмом, предшественником Айка. Аик был тогда помощником шерифа. «Однозначно», сказал тогда задержавший Гласса Джимми Кребб, «все выглядело так, что пастор наставил бы маленькую черномазую на путь истинный и окормил ее по полной программе».

Вот что изменилось к лучшему. Сейчас люди уже не употребляет таких выражений. В присутствии Айка, если только совсем не идиоты.

Кто-то стучит в стекло. Входит Чип с документами на подпись. «И что томит праведного пастора?» спрашивает Чип. «Ничего, Чип», говорит Аик, подписывая бумаги. «Абсолютно ничего. Там что-нибудь еще осталось от торта моей жены, или вы, стервятники, все сожрали?»

Глава 3

Поселенцы приезжали не так быстро, как ожидалось. И их было не так много. Конечно, поначалу история вызвала большой интерес, в течение нескольких недель после того, как Иисус покинул шоу со скандалом, поднявшим его паблисити до неслыханных высот. Но многие из прибывших в эту первую волну – в отличие от Моргана и Бекки Иисус никогда не употребил бы слова «бомж» или «попрошайка» - были, скажем, так, не слишком надежными. А когда они поняли, что зиму должны будут провести в продуваемых ветром вагончиках из гофрированной жести, взятых в аренду у одной фирмы в Остине, боронить твердую землю, да еще и помогать строить дома, в которых в будущем они будут жить, многие очень быстро садились в свои машины, на мотоциклы или, закинув узелок на плечо, скрывались за холмами.

Пит и Клод были основными действующими лицами на первом этапе. С помощью одного архитектора из Брантсвилля Пит разработал проект постройки очень простых щитовых домиков с двумя или тремя спальнями. Они привлекли по рекомендации Джека Берри к работе Гарри Питтса, владельца местной строительной фирмы, который возвел со своими рабочими первые домики, пока Пит не набрался опыта и не смог взять руководство строительством в свои руки. Крис, Иисус и другие возвели под его контролем первые дома вокруг старой усадьбы. Тогда, в марте, их было около тридцати человек, включая первоначальную группу, поэтому работа продвигалась медленно. Если они не были заняты на стройке, то помогали Клоду: рыли грядки и обносили их старыми шпалами, которые они нашли внизу на лугу. Таким образом, они защищали свои посевы от прожорливых червей. Эти черви, кстати, являлись прекрасной наживкой для ловли жирных окуней.

Поздней весной, когда стало теплее, потек ручеек поселенцев. Скоро их было уже несколько десятков.

Но кем были эти люди? Кто мог плюнуть на свою старую жизнь, бросить дом, работу и друзей, чтобы жить где-то в Техасе у гитариста, который утверждал, что он Сын Божий? Как и ожидалось, некоторые были хиппи. Выброшенные из жизни люди, которые хотели куда-то приткнуться. Многие из них были на грани. Люди, которым нечего было терять: ни работу, ни дом, ни семью. Некоторые, опять же, приезжали просто из любопытства или были очарованы Иисусом – фанаты шоу, которые искали возможность зависнуть с ДжейСи. Но это не играло никакой роли. Никому не было отказано в приеме, хотя некоторых, неожиданно совсем немногих, позже все-таки попросили уйти подброду. Как правило, из-за того, что они отказывались работать, однако имели место также и отдельные случаи недостойного поведения в отношении женщин.

Поскольку проект рос, время от времени они были вынуждены проводить совещания. Так же, как и его Отец, не выносящий этих «митингов» ДжейСи, поручил Бекки созывать и

проводить такие собрания в старом сарае, где собравшиеся сидели на тюках с сеном или на полу и обсуждали текущие задачи.

На собрании сегодня утром были обычные вопросы: семья Траумов, Марти и Анджелина, парочка престарелых хиппи, живущая в огромном чуме, который они соорудили на берегу Большого озера и называли юртой, жаловалась на то, что по утрам кричащие и ныряющие со старой пристани дети мешают им спать. Было решено, что поскольку дети есть дети, а озеро невозможно демонтировать и перенести в другое место, и, если шум до такой степени невыносим, им помогут установить юрту подальше от озера.

Мэри Шеттерлинг, очень активная тридцатилетняя вегетарианка из Сан-Франциско под стоны ДжейСи в очередной раз подняла вопрос о выращивании в больших объемах каких-то особых ростков бобов, для чего было необходимо строительство специальной теплицы, затраты на которую, по мнению Клода, были слишком велики. Решение этого вопроса снова было передано Клоду, который лишь покачал головой и показал большим пальцем руки вниз. Мэри утешили уверениями в том, что Клод поможет ей установить у ее дома маленькую теплицу, где она могла бы выращивать столь ценную для нее зелень для собственных нужд.

Многие из поселенцев поначалу удивлялись, почему ДжейСи самоустранялся от решения подобных вопросов. На собраниях он практически никогда не брал слова, не произносил речей и не вел душевительных бесед. Большинство из тех, кто прибыл недавно, обращались к нему с различными вопросами на религиозные, философские или другие темы, однако, удивленные, уходили ни с чем, получив в ответ: «Э-э-э...о-о-о...вау, да откуда мне знать?» «Блин», сказал как-то ребятам ДжейСи. «Я чувствую себя, как Дилан в шестидесятые».

«Окей», говорит Бекки, закрывая собрание. «Не забывайте, пожалуйста: сейчас осень, и скоро придет зима. Для большинства из вас это будет первая зима здесь. Ночами будет холодно. Поэтому, если кто-то из вас беспокоится о том, что в ваших домах будет недостаточно тепло, особенно те, у кого есть маленькие дети, будьте добры обратиться к Питу или другим, которые позаботятся об утеплении домов на зиму. Вы, в палатках – Марти, Анджелина. Я знаю, вам нравится жить в вашей шикарной юрте, но некоторые из вас должны подумать о том, не переехать ли в ближайшие недели поближе к усадьбе или заселиться в один из домиков. Поверьте, в ноябре будет холодно. Окей, еще вопросы?» Иисус уже оперся на плечо Моргана, чтобы встать, когда Джулия Белл подняла руку. Джулия – крупная, в годах, похожая на мужчину лесбиянка из Нью-Йорка, приехала сюда в начале лета со своей подругой Амандой.

«Джу?» Бекки предоставляет ей слово.

«Мне очень жаль, что я снова вынуждена говорить об этом, но Гафф до сих пор не убрал мусор, который лежит за его домом. Хотя...»

«Минуточку...», говорит Гафф Реннет и встает.

Ох, блин, думает Иисус и снова садится. *Проклятые братья Реннеты*. Да, все правильно, только совсем немногих попросили собрать свои вещи и уехать. Но некоторым это до сих пор грозило. Например, Реннетам. В их клан входили братья Гафф, Пэт и Дик с женами и детьми. Они были загорелыми парнями со Среднего Запада, которые приехали в середине августа и постоянно со всеми ссорились. Это были неотесанные мужики, у которых при прибытии отобрали целый арсенал оружия, в том числе полуавтоматического: в общем, не самые желанные соседи. На одном из собраний, где поднимался вопрос о Реннетах, Иисус высказался за то, чтобы им было позволено остаться. Работали они хорошо – Гафф, Дик и Пэт построили свои дома самостоятельно, на лесной опушке у маленького озера недалеко от дома Джулии - а их дети были просто супер. «Кроме того», сказал Иисус, «не каждый поселенец будет отвечать нашим представлениям об идеальном гражданине. Мы сами должны подавать положительный пример, а не выгонять людей». Реннеты не отличались склонностью к порядку и аккуратностью, поэтому за два месяца за их домами скопились какие-то старые моторы, запчасти, сломанные игрушки и тому подобное. Джулия несколько раз жаловалась на это, и на последнем собрании, скрипя зубами, Гафф пообещал все убрать.

«Что за дела?» говорит Гафф и злобно смотрит на Джулию. «Мы убрали все, о чем ты просила».

«Нет, не убрали», говорит Джулия спокойно, оставаясь сидеть на своем месте. Некоторые считали, что и Джулия может вывести из терпения кого угодно. «Эта старая ржавая машина без колес все еще стоит там...».

«Мы ее чиним!» говорит Дик и смотрит на Гаффа, который утвердительно кивает головой.

«Мы решили», говорит Джулия, «что такие вещи должны стоять в гараже, а не в саду, как...»

«А как мы ее перевезем в гараж без колес, Джу-ли-я?» спрашивает Гафф.

«Не об этом речь. Я...»

«Окей, ребята», перебивает Бекки. «Дик, можешь взять джип и оттащить машину в гараж, где будешь ее чинить, хорошо?»

«Вот, блин», говорит Гафф. «Значит, нам надо будет каждый раз туда херачить, чтобы заняться машиной? Там, откуда мы родом, у каждого за домом стоит автомобиль».

«Ну», говорит Иисус, встает, отряхивает пыль с коленок и в первый раз за время собрания берет слово, «как там говорится в «Волшебнике изумрудного города?» Мы не в Канзасе, Гафф. Все, закончили?» Он ждет не дожидается, когда может пойти с ребятами в студию, чтобы поиграть на своем новом Гибсоне Джуниоре и заняться песней, над которой они сейчас работают.

Люди расходятся, Реннеты бурчат себе что-то под нос, а Джулия с Амандой с гордо поднятыми головами проходят мимо них. ДжейСи, Крис, Морган, Клод и Пит уже пробираются к выходу из сарая на солнце, когда Бекки останавливает их: «Подождите, ребята. Мы должны обсудить еще пару вещей». Недовольно ворча, они возвращаются и садятся за длинный стол, во главе которого Бекки уже заняла свое место. Как раз, когда все рассаживаются, Гафф Реннет выражает свое неудовольствие.

«Это неправильно», говорит он. «Старый пикап никому не мешает».

Бекки говорит, не отрывая глаз от бумаг. «Возьми джип и оттащи машину. Пожалуйста, Гафф».

«Эти гребаные лесбиянки раскомандывались тут...»

«Эй!» говорит Иисус и поднимается. «Прекрати».

Гафф Реннет - здоровый малый: метр девяносто два ростом и весит больше ста килограммов. Он даже выше Иисуса. «Послушай, друг. Просто сделай то, о чем просит Бекки, окей?» просит Иисус. Гафф закипает и пытается испепелить его взглядом, но натывается на ауру ДжейСи, его глаза.

«Это неправильно», повторяет Гафф, поворачивается и уходит.

«Блин, придурок действует мне на нервы», говорит Морган.

«Аминь», говорит Бекки. «А теперь о деньгах».

«Опять», голова ДжейСи падает с глухим стуком на стол. «Послушай, Бекс, может, поговорим об этом как-нибудь в другой раз? Мы хотели порепетировать...».

«Эй, может, прекратишь внушать мне чувство, будто я, старая кляча, мешаю всем заниматься любимым делом? Но хоть кто-то должен позаботиться о том, чтобы мы не пошли по миру?» говорит Бекки и открывает папку с бухгалтерией. «Итак, у нас на счету в банке чуть больше полумиллиона долларов».

«Ну, и замечательно», говорит Морган.

«Правильно», говорит Бекки без эмоций в голосе. «В конце месяца надо уплатить земельный налог. Еще есть счет за ремонт водопровода. Пит увеличил заказ на брус. Помещение для школы будет стоить нам дороже, чем мы планировали, если хотим закончить строительство до наступления зимы...». Они строили классную комнату для детей. Учителя из Брантсвилля и окрестностей вели уроки в сарае. Летом это было нормально, но в ноябре будет холодно.

Бекки продолжает, делает выводы, а Иисус опять самоустраняется. Честно говоря, он просто ненавидит заниматься такими делами.

А все происходило так: приезжали поселенцы, и на первых порах жили в палатках или вагончиках из гофрированной жести. Если они решали остаться, им продавали строительные материалы по себестоимости. Тем, кто хотел остаться, но не имел достаточно средств, стройматериалы давали бесплатно. Поскольку людей приехало прилично, недостатка в рабочих руках не было. Сейчас они были практически автономны в плане электричества. И все, что они употребляли в пищу, производилось ими самими,

кроме говядины, которую они покупали со скидкой на воскресном рынке в Брантсвилле. Но эксплуатация такого большого хозяйства влетала в копеечку. Для некоторых ремонтных или профилактических работ приглашались специалисты, нередко приходилось брать в аренду машины и оборудование, которых у них не было, а это стоило денег. Кроме этого, были расходы на средства гигиены, текстиль и такие продукты питания, как растительное масло, специи, рис и другие, которые они не могли произвести или вырастить сами, а также алкоголь и так далее. Правда, Клод полагал, что уже в следующем году они соберут урожай винограда, пригодного для изготовления вина. В статье доходов были деньги, которые время от времени зарабатывал ДжейСи, давая интервью, при этом отказавшись от многомиллионных контрактов на рекламу. А если бы была, наконец, закончена работа над альбомом или, что правильнее, Стелфокс принял бы у них альбом, они получили бы еще изрядный куш за пластинку и издательские права.

«В итоге», говорит Бекки, «мы должны тратить в месяц почти тридцать тысяч долларов, чтобы поддерживать наше хозяйство на плаву. И это, не считая нашего решения предоставлять стройматериалы людям, которые не могут их купить, бесплатно, а также без учета возможных крупных аварий, вроде трещины в котле или природных катаклизмов. Если мы возьмем эту информацию за основу, у нас есть все основания предполагать, что мы продержимся еще минимум год. Ферма принесет, благодаря Клоду, дополнительные средства за счет продажи излишков овощей. Но я не знаю, сколько это будет точно...»

«Окей», говорит ДжейСи, «я поговорю с прессой и все такое. Мы пригласим сюда пару газет, и они напишут о нас какую-нибудь ерунду. И...».

«О, простите меня, что перебиваю, Ваше превосходительство», говорит Пит, «но я на твоём месте не был бы столь оптимистичным. Гонорар вряд ли будет таким же высоким, как в прошлом году».

«Да?» говорит Иисус.

«Он прав», говорит Бекки. «Ты уже не сенсация. Америка давно смеется над другими идиотами. Начинается новый конкурс».

«Проклятье», говорит Иисус. «Я – отработанный материал?»

«Прошлогодний снег», смеется Морган.

«Блин».

«Окей, я просто хочу сказать: давайте затянем потуже пояса?» говорит Бекки. «Нам необходимо снизить издержки и увеличить доходную часть. Это не так уж сложно».

«Да я почему знаю?» говорит Иисус и надувает губы. «Я же прошлогодний снег».

«Ладно», говорит Крис. «Пошли в студию».

«Эй, эй», перебивает Клод. «Прошлогодний снег» и ты должны отработать смену на ферме».

«Блин», говорит Иисус.

«Независимость стоит денег», говорит Бекки. «И вы их сейчас отработаете».

«На прополке грядок», добавляет Клод и бьет ребят по плечам.

«Блин», повторяет Иисус.

Глава 4

Музыка? Только не в чистой, американской машине пастора. На бирюзовом дисплее радиоприемника все еще наклеена защитная пленка. Иногда он включает радио, если едет – как сегодня – по горной дороге и может поймать радиостанцию в Эль Пасо с передачей «Час Ветхого Завета», которую ведет его кузен Уильям Ломакс. Он любит слушать наставления Вилли радиослушателям, которые звонят ему, как правило, домохозяйки, беспокоящиеся за своих детей и все такое. Время от времени кузен приглашает Чарли к себе в студию в качестве гостя. Не передать словами, как это приятно! Это ощущение власти, когда передающая станция транслирует твои слова в эфир, и ты можешь буквально уничтожать звонящих в студию людей: девушек, которые хотят сделать аборт, молодых людей, ищущих свою половую «идентификацию» и тому подобных.

«И...и я не знаю, что еще, Ваше преподобие. В этом баре, куда она ходит со своими приятелями...», потрескивает голос домохозяйки на ультракоротких волнах.

«Грешники», отвечает Его Преподобие.

«Великий Боже, я знаю, Ваше Преподобие».

«Вы читаете своей дочери из Священного Писания, мэм?»

«Я...ей семнадцать, она меня не...»

«Слушайте меня...Ваша дочь будет вечно предаваться греху», гремит голос Вилли, «если не покается! В Библии написано...»

Пастор Гласс улыбается, слушая, как его кузен гнобит женщину. Ему кажется, что передача является неплохой подготовкой к тому, что ему предстоит, и сворачивает с 184 автострады направо на узкую асфальтовую дорогу, спускающуюся с горы на юго-запад. Он откидывает щиток для защиты от утреннего солнца, которое слепит его сквозь деревья.

«Мне так жаль, я слаба духом. Я не способна...», всхлипывает женщина.

Слабость. Везде. Вроде этого старого дурака, шерифа. Улыбается, кивает, жует свой поганый торт и говорит ему – ему, пастору Чарли Глассу - чтобы он, точнее не выразить, отъебался. Ну, это мы еще посмотрим, думает он и сворачивает на гравийную дорогу мимо таблички «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ», которая стоит еще с тех времен, когда здесь жили Хаусманы. На табличке кто-то – вот идиотизм – намалевал белой краской «ВСЕМ ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ». Он тормозит и объезжает двух пешеходов, которые идут, взявшись за руки по обочине. Парень и девушка в обрезанных джинсовых шортах, обрезанных так, что видна белая попка там, где заканчиваются ее загорелые ноги, прямо под лохмотьями.

Пастор смотрит в зеркало заднего вида, чтобы рассмотреть малышку спереди. Как он и предполагал: ее груди болтаются в маленьком топике с глубоким V-образным вырезом, открывающим загорелое тело. Парень смеется над чем-то, сказанным девушкой. И скоро, очень скоро оба окажутся на грязном матрасе, она на нем, раскачиваясь, или перед ним на коленках, уткнувшись лицом в матрас, и пастор представляет себя на месте этого парня...

Он резко трясет головой, как будто хочет избавиться от страшного видения, жмет на газ, и парочка быстро уменьшается в размерах. Он громко говорит, заглушая радио: «Огради меня, Отец! Защити от власти дьявола!» Кажется, это ему помогает, потому, что голова снова становится ясной. Болезненный пульс внизу живота затихает, когда он видит впереди деревянные ворота, останавливается перед ними, выходит из машины и нажимает кнопку переговорного устройства.

«Я не знаю, где он, господин священник», объясняет ему Пит уже в усадьбе.

«Пастор».

«О, прошу прощения, пастор. Кажется, он был там, в поле. Вам нужно от него что-то конкретное? Кстати, у Вас *безумно* красивые очки. Шикарная вещь».

«Нет, я заехал просто по-соседски». Он скупно улыбается худому аффектированному молодому человеку в лиловой рубашечке.

«Ну, тогда я побегу и попробую его найти. Пожалуйста, подождите здесь немного на веранде. Мне так не хочется Вас покидать...», заливаясь соловьем Пит и бегом бросается за угол.

«Доброе утро», говорит пастор и садится на веранде рядом с огромным типом в грязной армейской парке, который чистит горох. Из кухни доносятся запахи еды и музыка – рок-музыка.

«Дрек», дергает лицом Боб. «Дрек», и показывает на солнце.

Гомо и идиот, думает пастор, отвечает на улыбку Боба и снимает пылинку с брюк.

«Эй, на веранде», раздается женский голос из кухни, «как там с горохом?» Голос звучит громче, и на пороге появляется женщина. Ей за сорок и на его вкус она жутко непривлекательна: коротконогая и толстая, с ежиком волос на голове, в джинсах и тяжелых мотоциклетных сапогах. Идиот протягивает ей миску с горохом. «Спасибо, Боб», говорит она и замечает пастора, когда поворачивается, чтобы снова войти в дом.

«О, здравствуйте, священник», говорит Джулия. Он пропускает ее слова мимо ушей. «Вы...Вами кто-нибудь занимается?»

«Определенно», отвечает он и натужно улыбается, как если бы задерживал дыхание, проходя через вонючее булькающее болото.

«Я могу Вам что-нибудь предложить? Кофе? Или что-нибудь прохладительное?»
«О, нет. Тем не менее, спасибо за предложение».

Он смотрит ей вслед, как она возвращается на кухню, проходит через нее наискосок к плите, у которой стоит еще одна женщина - меньше, стройнее, одетая так же – и мешает что-то в большой кастрюле. Толстая обнимает кухарку, передавая миску, и целует ее в щеку. Пастор снова подставляет лицо прохладному октябрьскому солнцу.

Гомо, умственно отсталый и богопротивная лесбийская парочка. Каждый выстрел в десятку, успевает он подумать, когда из-за угла снова появляется педик в сопровождении нечесаного блондина, которого он узнает по фотографиям из газет и своим поискам в интернете.

«Нашел», кричит гомосексуалист, заходя на веранду. Пастор поднимается, все еще изображая улыбку, когда блондин протягивает ему руку и говорит: «Хай, я – ДжейСи. Чем могу?»

«Нам предстоит еще много работы, пастор, но сделано уже немало. Здесь могут учиться тридцать детей. Пит думает, что к Рождеству все будет готово». Они пересекают классную комнату, так как Иисус проводит для пастора небольшую экскурсию. Осенний ветерок дует в полиэтиленовую пленку, закрывающую большие прямоугольные отверстия в деревянных стенах, в которые должны быть вставлены стеклопакеты. Их шаги отдаются гулким эхом в пустом помещении. Иисус обут в растоптанные конверсы с надписью MODEST MOUSE, а служитель церкви в туфли из крокодиловой кожи за шестьсот долларов. У верстаков лежат доски, серые кабели торчат из отверстий и каналов в стенах. Тут же стоят ведра с краской и мешки с цементом.

«Пит?» спрашивает пастор.

«Наш плотник. Парень, который открыл Вам ворота. Мы выбрали Пита там, э-э-э... кажется, в Канзасе. У него СПИД, а некоторые Ваши, как бы это выразиться, братья по вере поступили с ним, мягко говоря, не по-христиански». Пастор Гласс кивает, с ужасом вспоминая, что пожал тому парню руку, и опасается, что далее не сможет удерживать на своем лице замороженную улыбку. «Ну, ладно», говорит Иисус, «теперь сюда...», пастор идет за ним по узкому кривому коридору, «и мы по этому переходу, который сами пристроили, снова попадаем в усадьбу. Здесь у нас что-то вроде офиса...». Они останавливаются и смотрят: письменный стол с компьютером, за которым, как правило, работает Бекки, и пара старых и рваных постеров Моррисси и Шеллак на стене. И там, в углу пастор замечает оружейный шкаф: добротный массив дуба с металлической сеткой в двери, а за ней тяжелый черный оружейный металл.

«Я вижу», говорит он и заходит в помещение, «что, несмотря на все заявления о мире и любви, у Вас тут целый арсенал».

Что смешного в мире, любви и сочувствии? спрашивает себя Иисус и следует за пастором. «Это нельзя назвать арсеналом. У нас есть охотничьи ружья, а пистолеты и тому подобное...», Иисус указывает на нижнюю полку в шкафу, где в беспорядке лежит с десяток пистолетов. Пастор, большой любитель оружия, узнает большинство: «Сиг Сауэр», «Смит и Вессон», «Глок». Револьверы и полуавтоматическое оружие с калибром 9 мм и 38-е, «Сэтердэй Найт Спешиалс» и немецкий «Вальтер» за восемьсот долларов. Там же лежит полуавтоматическая винтовка, которую они отобрали у братьев Реннетов и коробки с патронами различных калибров. «Да, люди приезжают к нам с оружием. Мы конфискуем его. Никто не имеет право носить личное оружие, а если кто-то захочет уехать, они получают его назад. Оружие находится под замком день и ночь. Только...» Иисус ищет слова, смотрит на страшную кучу черного и хромированного металла. «Зачем? Для чего все это? Вы понимаете? Я ясно выражаюсь?»

«Конституция дает нам право на защиту», говорит пастор. «И как Вы знаете, Библия учит нас тому же. Охраняй крепость, сторожи дорогу, укрепи...».

«Да, да. Укрепи себя, соберись с силой», говорит Иисус, заканчивая цитату. «Книга пророка Наума, стих 1».

«Вы хорошо знаете Ветхий Завет, сын м...»

«Наум? При чем здесь Наум? Я Вас умоляю! Речь идет о паре тысяч среди почти миллиона слов, а уроды из Национальной Стрелковой Ассоциации выдергивают именно эти фразы и используют их в качестве предлога, чтобы вооружаться до зубов. А тысячи

детей гибнут каждый год из-за неосторожного обращения с этим блядским оружием. Извините меня за мои не совсем изящные выражения. Пройдемте дальше...».

Пастор не сразу идет за Иисусом, ему нужно время, чтобы приглушить свой гнев. При этом он еще раз бросает взгляд на шкаф с оружием.

«И вот мы снова вернулись туда, откуда ушли». Он нагоняет ДжейСи, когда тот уже бредет на кухню. Рядом с лесбиянками у плиты двое молодых парней, потя, моют посуду в раковине, тут же носятся несколько детишек. Перекрывая запах еды в воздухе висит тяжелый, сладкий аромат травы, и пастор замечает, что один из ребят у раковины, не стесняясь, курит сигарету с марихуаной. «ИИИИИСУУУУС!» пронзительно кричит в восторге маленькая девочка и на всех парах мчится к нему: Матильда, дочка Гаффа Реннета, восьми или девяти лет. Иисус подхватывает малышку и крутит ее навесу, а та визжит от удовольствия. Он опрокидывает ее на спину, задирает майку, прижимает лицо к ее загорелому животу и дует в него. Девочка задыхается от радостного смеха. Пастору стыдно на это смотреть, и он выбивает пальцами дробь в карманах брюк. «У Вас есть дети?» спрашивает Иисус, лежа на полу.

«ЕЕЕЕЩЕЕЕЕ!» визжит девочка.

«Двое», отвечает пастор.

«С ними так весело, правда?»

«Воистину», отвечает пастор и отворачивается.

ДжейСи сразу понимает, что рядом с ним стоит человек, который ни разу по-настоящему не играл со своими детьми, не опрокидывал их на спину и не прижимал свое лицо к их животикам. Человек, чей отец, наверное, был готов скорее пробежаться нагишом по главной улице города, чем войти в тесный контакт со своими детьми. Человек-калека на эмоциональном уровне. «Это...», спрашивает пастор, «Ваша дочь?».

«Нет, черт возьми», отвечает Иисус. «Это Матильда. Поздоровайся с нашим гостем, Матти».

«НЕТ!» кричит Матти. Дети инстинктивно чувствуют тех, кто не умеет с ними общаться.

«У Вас есть время остаться с нами пообедать? Что у нас сегодня, девчонки?»

«Овощное карри», говорит Джулия, не оборачиваясь.

«К сожалению, нет», отвечает пастор.

В кухню энергичным шагом заходит Гафф Реннет. Это не предвещает ничего хорошего. «Привет, Гафф», говорит Иисус. «Это пастор Гласс. Пастор, это Гафф Реннет...».

Ты посмотри, какая собралась веселая компания», начинает Гафф, замечая на кухне Джулию, Аманду и ДжейСи. «Иди сюда, Матти. Мы уезжаем».

«Мы играем!» говорит Матти и прячется за ногу ДжейСи.

«Вы едете в Брантсвилль?» спрашивает Иисус.

«Мы едем домой. Хватит с нас», говорит Гафф.

Маленькая Матти начинает плакать.

«Послушай, старик. Ладно тебе...может, мы и не...», говорит ДжейСи.

«Матти, пошевеливайся!» орет Гафф, игнорируя Иисуса.

Медленной, неохотной походкой плачущего ребенка, шаркая ногами, Матти бредет через кухню к отцу. Иисус борется с желанием подхватить малышку на руки и сказать ей, что все будет хорошо. «Гафф», говорит он вместо этого, «может быть, мы еще раз все обсудим?»

«Отвали, придурок», говорит Гафф. «Мои братья останутся здесь еще на какое-то время, продадут пикап и все такое. А мы сваливаем». Он перекидывает рыдающую дочку через плечо и уходит.

Наступает тишина. Джулия помешивает карри. Пастор откашливается. Иисус вздыхает. «Видите? Никакая это не утопия».

«М-да», произносит пастор.

«Ну, ладно, пойдёмте», говорит Иисус. «Я покажу Вам ферму, прежде чем Вы уедете».

Стоя на склоне с видом на ферму и усадьбу с ее многочисленными пристройками и флигелями, Иисус рассказывает гостю о планах по дальнейшему расширению фермы следующей весной. Он говорит о ветряках, солнечных батареях и тому подобном.

«В практическом плане Вы очень хорошо оснащены», начинает пастор. «Но меня подвигла на этот – как я уже говорил, давно запланированный визит – духовная сторона вопроса».

«Духовная?»

«Вы показали мне ветряные генераторы и ферму, Ваши дома и солнечные батареи, резервуары для воды и школу. Но где...», он останавливается и поворачивается к ДжейСи, «...где Ваша церковь?»

«Да, бросьте, пастор», говорит Иисус и задумчиво поигрывает веточкой розмарина, которую он поднял с земли. «При всем уважении, я понимаю, для Вас это очень серьезно, э-э-э, чем Вы занимаетесь, но для чего мне, то есть, нам нужна церковь?»

«Для спасения души, сын мой».

Иисус смеется. «Вы действительно верите – и простите мне заранее мой вокабуляр - что Богу интересно, молитесь Вы ему или нет? Для него мокрый собачий бздежь интереснее. В принципе, это, как с Роллинг Стоунз. Во время турне Роллинг Стоунз с ними работают *сотни* людей: водители, дизайнеры, столяры, электрики, повара, настройщики гитар, тур-менеджеры, личные ассистенты, инженеры по звуку и свету. Вы думаете, Мика Джаггера трогает, что думает о нем тип, тащивший на сцену в Филадельфии колонку? Или парень, убиравший мусор после концерта в Лондоне? Вы серьезно думаете, что Мику это интересно?»

«Я...говорить подобное - значит насмеяться над всем, во что я верю».

«Если Вы верите в кучу дерьма, почему бы людям над этим и не посмеяться?»

«Вы должны уважать верования других».

«Почему?»

«Почему?»

«Да, почему я должен уважать эту Вашу кучу дерьма? Потому, что Вы так считаете? Я Вас умоляю, если Вы действительно верите, Вам должно быть все равно, что я об этом думаю».

«Атеист...»

«У Вас с головой все в порядке?» прерывает его Иисус. «Я – не атеист! Я целовал Лик Божий. И...»

«Бласфемия».

«И я скажу Вам кое-что еще: даже за половину того дерьма, в которое Вы верите, Он дал бы Вам такого пинка под зад».

«Что еще за *дерьмо*?» Пастор вот-вот потеряет самообладание.

«Знаете, чем я иногда занимаюсь, так, для удовольствия? Иисус подходит к пастору, изо всех сил стараясь держать себя в руках. Тот чувствуют сладковатый и терпкий запах одежды ДжейСи. «Я сижу у радиоприемника и слушаю эти христианские станции, которые здесь прямо кишат на ультракоротких волнах. Блин, их очень много, правда?» Иисус еще ближе подходит к пастору, который неожиданно чувствует себя затянутым в биополе намного более сильной личности. «Я слышал в передаче этой сволочи Ломакса, как Вы наезжали на гомосексуалистов и призывали к расправе над врачами, делающими аборт, как Вы кричали о запрете абортов даже в случае изнасилования. Весь этот клинический бред. Ты что себе думаешь, мужик? У тебя не все дома? Ты не знаешь, что Бог любит гомиков? Прекрати заниматься этой херней и сеять повсюду ненависть и страх, а то попадешь прямиком в ад, дружок. Знаешь, что делает там внизу этот коротышка с такими людьми, как ты? С лжепророками и религиозными фанатиками? Мальчик, ты будешь вечно крутить педали велотренажера и загонять себе в зад трехметровый чугунный, опутанный колючей проволокой фаллос».

«Вы...», пастор настолько взбешен, что слова застревают у него в горле.

«И поверьте мне, это – не абстрактная картина. Это правда. Я сам видел».

«Вы воздвигли здесь храм греха».

«О, да, я не буду Вас задерживать, если Вы решите унести отсюда свою жалкую, зажатую, убогую, упрямую, бессердечную, слушающую христианский рок, гомофобную, сексистскую жопу».

Уже спустя несколько секунд после того, как он покинул ферму, пастор нарушает закон, доставая во время управления автомобилем, мобильник. Дрожащими пальцами ищет он в памяти смартфона номер своего племянника Даниэла.

Насрать на шерифа Айка.

Глава 6

ФБР уже вело досье на Иисуса. Знаменитость с экстремистскими левыми взглядами? Человек, пригвоздивший в прямом эфире Америку к позорному столбу и основавший большую коммуны в тexasской глуши? Было бы чудом, если бы оно не велось.

В великие, давно минувшие времена Дж. Эдгара Гувера это досье состояло бы из нескольких толстых папок, забитых распечатками телефонных прослушек и забрызганными чернилами отчетами агентов вперемешку с нечеткими черно-белыми глянцевыми фотографиями, сделанными с помощью огромных телеобъективов. Сегодня досье состояло из единственного цифрового файла на центральном сервере штаб-квартиры ФБР в Лэнгли, штат Вирджиния, доступное любому агенту, имеющему соответствующий допуск.

Специальный агент Мелани Брукхаймер сидит за своим письменным столом в офисе ФБР в Остине, заканчивает телефонный разговор с Техасским рейнджером по имени Даниэл Гласс, вводит код доступа и выводит досье на экран компьютера. Она открывает различные файлы в Word и JPEG, среди которых находятся короткая биография и резюме, фотографии Иисуса во время проведения конкурса *АМЕРИКЭН ПОП СТАР* и на прогулке по Мелроуз авеню в Эл. Эй. Файл «Ближайшее окружение» включает в себя фотографии Криса, лежащего у бассейна в «Шато», и Боба, снятого в полицейском участке Нью-Йорка, с мрачной физиономией. Еще тут есть фото участка земли, снятые этим летом во время нескольких облетов территории с воздуха. Эти снимки вызывают ее особый интерес. Она пишет мейл своему другу Джерри Колдуэллу в Бюро по контролю оборота алкоголя, табака и огнестрельного оружия в Хьюстон и прикрепляет снимки с воздуха. Она заканчивает мейл словами «позвони», а в окошечко «тема» пишет «АРЕАЛ БРАНТСВИЛЛЬ».

Она первая, употребившая это определение.

Глава 7

В определенных условиях некоторые сорта марихуаны растут, как и задумал Бог при ее сотворении, не нуждаясь в постороннем уходе. Их поле располагалось на склоне у южной границы участка. Укрытое от ветра обступающими его скалами и выходящее на юг, согреваемое почти целый день теплым тexasским солнцем, оно находилось в пятнадцати минутах ходьбы от усадьбы: приятная прогулка сначала вдоль ручья, а потом вверх по склону через дубовую рощицу, деревья в которой в последние октябрьские дни почти полностью лишились листвы.

«October, the trees are stripped bare...», снова начинает петь Иисус, пробираясь с Морганом через валежник с джутовыми мешками через плечо.

«Старик, я ненавижу U2, говорит Морган. Теперь у меня целый день в голове будет звучать это дерьмо».

«Вот видишь?» говорит ДжейСи, «значит, песня хорошая».

«Кстати о мессиианском комплексе. Этот тип страдает им тоже в полной мере».

«Черт тебя возьми, Моргс. Знаешь, иногда ты бываешь абсолютно невыносимым инди».

«Это я инди? У кого из нас двоих полная коллекция The Field Mice?»

«Классная группа, чувак», говорит Иисус, пробираясь сквозь скалы к маленькой лужайке, откуда им открывается их поле с марихуаной: около двадцати пяти квадратных метров стоящих плотно растений, которые начинает постепенно желтеть из-за

наступающих холодов. «Окей, я начну слева, а ты берешь на себя правую сторону. Встретимся в середине».

«Мы сейчас здесь из-за этого мерзкого пастора, который пару дней назад все разноживал?» Ветер доносит до них монотонный шум мотора маленького самолета с пропеллером на носу, медленно летящего в небе и бросающего тень на поля.

«Итак», говорит Иисус, нагибается и начинает сбор. Он обрывает только зеленые листочки, которые имеет смысл сушить. «Скажем так, мне пришла в голову неплохая, я считаю, идея немного, это... прибраться...»

Глава 8

Зеленый папортник в кадках между шкафами с документами и серыми пчелиными сотами столов в офисе Бюро по контролю оборота алкоголя, табака и оружия (БАТО) удивительно напоминает марихуану. В кондиционированном воздухе конференц-зала специальный агент Джерри Колдуэлл, двадцативосьмилетний и энергичный, наблюдает, как его шеф, начальник отдела Дон Гербер, сорока трех лет от роду и скорее недоверчивый, изучает с заметным интересом снимки с воздуха и пояснительную записку, покусывая время от времени дужку своих очков для чтения в черной оправе.

«И кто это все замутил?» спрашивает Гербер.

«Какой-то пастор доложил своему племяннику, который служит в Техасских рейнджерах. Рейнджер переправил это Мел Брукхаймер в ФБР в Остине. Мел позвонила мне по поводу оружия. У меня здесь записано, что сказал пастор». Он роется в своей папке и достает три скрепленных между собой листа бумаги.

«А что с пастором? Может, не поделил чего с этими людьми? Что-то личное?»

«Ну, не считая того, что он человек церкви, а мы имеем дело с длинноволосым гитаристом, заявляющим, что он Сын Божий».

«Хммм», говорит Гербер, читает и снова покусывает дужку очков. «А этот его племянник? Рейнджер?»

«Прекрасные характеристики».

Гербер присвистывает. «Здесь прилично набирается... Наркотики... тайный склад оружия... развратные действия в отношении детей?»

«Вот именно, я тоже об этом подумал. Если мы...»

«Но для нас это не представляет особого интереса, Джерри. Что касается оружия... десяток полуавтоматических пистолетов, два карабина, пара охотничьих ружей. Блин, в половине подвалов домов в Техасе ты найдешь более солидные арсеналы. Этот тип явно не Рэмбо».

«Согласен, но это не его оружие, а значит, он владеет им нелегально».

«Объективно, да, но...»

«Я знаю, что Вы хотите сказать, шеф. Но ФБР тоже присматривается к этому типу. Он несколько раз открыто высказывался за легализацию марихуаны и признался, что сам ее употребляет. А если Вы посмотрите на эти снимки с воздуха...». Колдуэлл нагибается и показывает ручкой место на карте, «... вот видите, здесь отмечено, вполне возможно, что это плантация марихуаны. Правда, ФБР это не особенно волнует. А вот обвинения в развратных действиях в отношении малолетних их заинтересовали. Поэтому я подумал...»

«Совместная акция?»

«Абсолютно верно».

«Агенство по борьбе с наркотиками расследует историю с марихуаной, ФБР позаботится о детях, а мы возьмем на себя оружие?» говорит Гербер и откидывается на спинку кресла.

«Приблизительно, так».

«А Техасские рейнджеры... они ведь тоже захотят получить свой кусок пирога?»

«Об этом я тоже думал».

«Хммм». Гербер кладет ноги на стол и закидывает одну на другую. «Я полагаю, ФБР нужно получить конкретные доказательства развратных действий в отношении детей. Но...»

Герберу нужно было подумать. Перед его письменным столом сидел умный, горящий на работе двадцативосьмилетний специальный агент, мечтающий сделать себе имя. А его не сделаешь, занимаясь рутинной работой и задерживая грузовик с контрабандистами, пробирающимися через границу из Хуареса с парой сотен коробок «Кэмела». Поэтому Дону интерес его подчиненного к этому делу казался довольно подозрительным. А с другой стороны: в Вашингтоне предстояли слушания по бюджету БАТО, на которых прижимистые конгрессмены неоднократно поднимут вопрос о целесообразности финансирования Бюро. Дело против знаменитости, связанной с наркотиками и оружием, которое будет широко осещаться СМИ? Знаменитости, публично выступающей за наркотики и аборт, но против ядерного оружия и церкви? Для которой, судя по тому, что читал Дон, было делом чести оклеветать и заклеить позором практически все, что является символом Америки? Такое дело, став достоянием общественности, могло бы, скорее всего, принести пользу. Кроме этого, как верно подметил малыш, ответственность легла бы не только на его плечи. Ладно, это же рок-н-ролл, как любим говорить его сын.

«А что там за народ обитает в этом ареале?»

«Женщины, дети, где-то человек сто. Все живут вместе, коммуной. Ну, Вы же понимаете, наверное, религиозные фанатики».

Взвешивая «за» и «против», Гербер, спортсмен по натуре, оценил свои шансы на успех. За последние три года БАТО использовало свой спецназ пятьсот семьдесят восемь раз, как правило, против наркодилеров, конфискуя по ходу имеющееся у них оружие. За время проведения сотен операций только два раза они сталкивались с вооруженным сопротивлением, жертвами которого стали три человека, все – наркодилеры. По сути дела, за последние десять лет они потеряли при исполнении всего одного агента, какого-то идиота из Калифорнии, который подорвал сам себя при обезвреживании взрывного устройства. Когда люди видели его приближающийся, одетый в черные комбинезоны и тяжелые ботинки, вооруженный до зубов отряд с M16 наперевес, они в девяти случаях из десяти не оказывали сопротивления. Просто бросали оружие и становились, расставив ноги, лицом к ближайшей стене. А сейчас речь идет о паре наркош, у которых было что-то около двадцати стволов, а среди них – насколько ему известно – ни одного автоматического. Все это выглядело легкой прогулкой. Пришел – ушел. Быстрые деньги.

«Окей», говорит Дон, наконец, и убирает ноги со стола. «Обратитесь в АБН и поговорите с ФБР. Как я уже говорил, им, вероятно, понадобятся дополнительные доказательства развратных действий, но...думаю, я поднимусь с этим делом к Сэму».

«Босс, Вам нет равных», говорит Колдуэлл и захлопывает папку.

Политика. Деньги. Тщеславие. Паблисити. Эго.

Обычные вещи, из-за которых все и происходит.

Глава 9

«Вы можете хоть чуть-чуть помолчать, спиногрызы?» кричит Гафф, просовывая голову в дверь между двумя комнатами в снятом ими мотеле: дети в одной комнате, Кэрол и он в другой. Два телевизора включены на полную громкость, дети орут, а в ванной завывает фен. *Блин, тут свои собственные мысли не услышишь*, думает он и открывает третью банку пива. Два дня в пути, а они еще даже не выехали из Техаса. Это будет длинная поездка, да еще лоботрясы постоянно ссорятся и ноют, что хотят назад. Его собственные, блин, дети, любят этого козла больше, чем родного отца. Да, дорогая вышла поездочка, один бензин сколько стоил, а в итоге получился дурацкий отпуск, в котором он еще и вкалывал. Хорошо хоть, вернули им деньги за стройматериалы. Этот ублюдок. Говорит с ним, как будто он...

«Гафф», раздается голос Кэрол, пытающейся перекричать фен.

«Что?»

«Кто-то стучит в дверь!»

«Черт бы вас всех побрал!»

С банкой пива в руке он рвет дверь на себя, предполагая увидеть менеджера или какого-нибудь соседа, который сейчас начнет жаловаться на слишком громкий звук

телевизора. Однако вместо соседа он видит костюмы, галстуки, белые сорочки и ламинированное удостоверение, которое ему предъявляют. Тип с удостоверением в руке говорит: «Мистер Реннет?» а Гафф знает по опыту, что такое обращение не сулит ничего хорошего.

«Да?» отвечает он, пытаясь придать своему голосу смесь озабоченности и агрессивного неудовольствия.

«ФБР».

Глава 10

Ночи становятся все холоднее, думает шериф Айк, переходя через главную улицу и надвигая поглубже шляпу, чтобы укрыться от ветра. Он должен по дороге домой купить две баночки сладкой кукурузы потому, что его сын с невесткой придут сегодня ужинать. Направляясь в маленький супермаркет, он замечает машину, припаркованную в тридцати метрах ниже у хозяйственного магазина Франклина: большой новый лимузин, ни пылинки, остинские номера. Шофер тоже привлекает его внимание: молодой человек в темных очках ранним зимним вечером, темном костюме и темном галстуке. Айк держит дверь перед выходящей из магазина Мэри Фландерс и видит, как из хозяйственного выходит целеустремленной, надменной походкой второй молодой человек: тоже в темных очках, темном костюме и темном галстуке. Айк делает вид, что читает маленькие объявления, выставленные в витрине супермаркета – «Горничная ищет работу», «Отдам котят в хорошие руки» - а машина трогается вниз по главной улице по направлению из города в сторону горного перевала, безупречно соблюдая скоростной режим.

Айк идет тридцать метров к магазину Франклина и заходит внутрь.

«Добрый вечер, Рик».

«Привет, Айк. Ты чуть-чуть разминулся с коллегой».

«Я заметил. И чего хотят эти типы из ФБР? Ничего, что я задаю тебе этот вопрос?»

«А как ты узнал, что они из ФБР?»

«Ну, знаешь, они с таким же успехом могли бы повесить на своей машине неоновую вывеску»

«Ну, да, они спрашивали о хиппи, которые живут на ферме старого Хаусмана, и этом парне, которого показывали по телевизору. Спрашивали, продаю ли я им что-нибудь в кредит. Не понимаю, как они узнали, что я вообще им что-то продаю».

«Я думаю, потому, что они из ФБР, Рик. А о чем они еще спрашивали?»

«Не покупали ли те что-то необычное. Аммиак. Гвозди. Стиральный порошок. Вроде того».

«Ага».

«Йеп. Честно говоря, я думал, что они сначала зайдут к тебе, если у них дело в округе. Профессиональная этика и все такое».

«Да, ладно, наверное, они очень заняты. Знаешь, дай мне вот этот шоколадный батончик с орехами, вон у тебя на кассе, и я пойду». Шериф ищет в кошельке мелочь, смотрит на медные и серебряные монеты в слабом свете старого пыльного магазина.

«Не ищи, Айк. Это бесплатно. Хорошего тебе вечера и передай от меня привет Мардж».

«Спасибо большое».

«Думаешь, эти хиппи что-то затевают? Тут ребята были на охоте поблизости. Они мне рассказали, что видели, как у них там в озере купаются голышом». Рик смеется скрипучим смехом, как старая машина, которая не хочет заводиться.

«Озеро принадлежит им. Запретить купаться в нем никто не может. Хорошего вечера, Рик».

С шоколадным батончиком во рту шериф снова направляется к супермаркету, оглядываясь на восток, где видны горы. На небе одновременно стоят луна и солнце. Шериф думает об этом автомобиле, об аммиаке и гвоздях и о фургоне телефонной компании, который вчера, по словам Чипа, целый день стоял у столба на обочине 112 дороги, идущей параллельно к южной границе старой фермы Хаусмана.

Межведомственное совещание в офисе БАТО: серебряные термосы с кофе и тарелки с кексами, кувшины с ледяной водой и файлы на столе. На большой белый, занимающий почти всю стену экран проецируется в высоком разрешении снимок с воздуха того, что теперь официально именуется «ареалом Брантсвилль». Ниже, на менее четком, сделанном с большим приближением снимке изображен фрагмент участка, что-то вроде небольшой, зажатой скалами поляны с расплывчатыми силуэтами двух мужчин.

За столом собрались восемь человек, шесть мужчин и две женщины. Джерри Колдуэлл, Дон Гербер и агент Брайан Brent из срецназа представляют БАТО. Мелани Брукхаймер и ее шеф, начальник отдела Стэнли Тоуз, представляют ФБР. Коннор Рифкинд и Ширли Бласс прибыли из Сан-Антонио по делам АБН. А в углу сидит, жующий датское печенье, капитан Крейг Кинмэн от Техасских рейнджеров, который чувствует себя неуютно среди всех этих правительственных бейджей.

Благодаря новым данным и позитивной реакции на возможную операцию, которую начальник Дона шеф БАТО Сэм Родман получил из Вашингтона, дело наконец-то закрутилось. «Этот человек», сказала Барбара Маллер, генеральный прокурор, Родману, «в любом случае настроен явно антиамерикански».

«Ширли, Коннор», говорит Дон, председательствуя на совещании, поскольку именно БАТО затеяло эту вечеринку, «кто-нибудь может нам объяснить, что Агенство по борьбе с наркотиками видит на маленьком снимке?»

«С удовольствием», говорит Рифкинд, выходит к экрану и берет лазерную указку. «Снимок был сделан на прошлой неделе во время облета территории. Речь идет об изолированном участке на южной границе ранчо. Мы абсолютно уверены, что это – плантация марихуаны. Не меньше восьмидесяти квадратных метров. Взрослые растения. Здесь можно собрать неплохой урожай, где-то килограммов пятьдесят – шестьдесят».

«Есть ли аргументы...», вмешивается Тоуз, «извините, Коннор – есть ли аргументы с правовой точки зрения, что это количество может быть предназначено исключительно для личного пользования?»

«Шестьдесят килограммов?», отвечает Ширли Бласс. «Не для того числа людей, которые там проживают. Если только речь не идет о личном пользовании в течение ближайших двух лет».

«Следовательно, мы имеем дело с умыслом продажи наркотика?» спрашивает Колдуэлл.

«Верно», говорит Рифкинд. «По этим снимкам мы не можем сказать, какой сорт марихуаны они выращивают. Но велика вероятность, что применяется гидропоника. Я говорю об этой супертраве, о которой Вы уже так много слышали, леди и джентльмены».

«Спасибо, Коннор», говорит Дон. «Я думаю, у ФБР для нас тоже есть новости, так?»

«Однозначно», говорит Хоуз и протягивает руку к ближайшему кофейнику. «Давайте, Мел».

«Мы обнаружили семью, которая, по оперативным данным, недавно покинула ареал Брантсвилль, и опросили ее». Мелани Брукхаймер встает и распределяет по ореховому полированному столу, купленному на деньги налогоплательщиков США, копии допроса. «Реннеты. Они жили на ферме больше трех месяцев, пока не решили уехать. Агенты разыскали их в мотеле на границе Техаса и Оклахомы. Отец, некий Гафф Реннет, утверждает, что причиной отъезда, по его мнению, было недостойное поведение этого Иисуса по отношению к его восьмилетней дочери».

«А что говорит дочь?», спрашивает Дон, не отрываясь от протокола допроса.

«Мы еще не общались с ней», отвечает Брукхаймер. «Мы доставим семью сюда, чтобы дочерью занялись детские психологи».

«Еще один вопрос, который мы обязаны поставить», говорит Тоуз, «что происходит с остальными детьми, а их там пятьдесят или шестьдесят? Они не ходят в обычную школу и не покидают территорию фермы».

«Точно», говорит Колдуэлл. «Мы думаем, что в плане пиара эта история принесет хорошие плоды. Религиозный фанатик с ярко выраженными антиамериканскими заявлениями заперся на частной ферме с большим числом детей и арсеналом

огнестрельного оружия, который к тому же, как нам известно, выращивает там наркотики».

«Что касается этого оружия... У них действительно есть что-нибудь серьезное?», спрашивает Тоуз.

«Брайан?». Дон Гербер указывает на Брайана Брента из спецназа.

«Я разговаривал с пастором Глассом, от которого поступила первая информация и который утверждает, что видел этот *арсенал*. Он разбирается в оружии. Я показал ему фотографии, и по тому, что услышал, могу сказать, что там находится несколько крупнокалиберных охотничьих ружей, некоторые с оптическим прицелом, с десяток пистолетов и, кроме этого, полуавтоматическое оружие, также крупнокалиберное: девять и сорок пять, пара револьверов, но больше всего меня беспокоят AP-15, которые, как вы знаете, являются гражданским аналогом наших M16...»

«Вполне вероятно, они были переделаны в автоматическое оружие», перебивает Джерри.

«Да, многие AP-15, которые мы конфискуем на улицах, переделаны», продолжает Brent. «Правда, после того, что мне рассказал пастор, я не могу с уверенностью это утверждать. Однако, достоверно известно, что у них имеется около двадцати стволов, многие из которых полуавтоматические... и в зависимости от количества боеприпасов... они вполне могут доставить нам неприятности».

«У меня создается впечатление, что в БАТО уже сложилось определенное мнение о характере возможных действий», говорит Тоуз с легкой улыбкой, глядя на Гербера.

«Ну, Стэн», отвечает Дон Гербер, «принимая во внимание размер территории – а мы говорим здесь о нескольких тысячах гектаров - разбросанные по всему участку строения, наркотики и оружие, обычный обыск предоставил бы им достаточно времени, чтобы уничтожить улики и замести следы. И как Вы знаете, наша статистика проведения подобных акций выглядит превосходно».

«Я должен сказать», говорит Рифкинд, «что с точки зрения АБН мы однозначно бы предпочли элемент неожиданности».

«Что Вы можете сказать о возможной тактике?», спрашивает Тоуз и дует на кофе.

«Три группы», говорит Brent, встает и указывает лазерной точкой на экран. «Первая группа занимает позицию здесь, на юго-западной границе, проходит через лес здесь и берет под контроль плантацию марихуаны здесь». Лазерная указка щелкает каждый раз при слове «здесь». «Вторая группа проходит здесь через проволочную ограду и выходит непосредственно к главной усадьбе с целью конфискации оружия. Третья группа остается в резерве и – если необходимо – десантируется здесь с вертолета, в центре участка за главной усадьбой. Всего от пятидесяти до шестидесяти бойцов. Техасская национальная гвардия выделит нам «черных ястребов» и один или два танка».

«Гмм... Неслабо, принимая во внимание большое количество женщин и детей там внутри», говорит Тоуз.

«Знаете», говорит Дон Гербер. «Я исхожу из того, что до выстрелов дело вообще не дойдет...»

«Вашиими устами да мед пить, Дон», перебивает его Тоуз. «Но ситуация на самом деле такова: как правило, Вы проводите подобные акции против наркодилеров, людей, которые знают, что совершили преступление, и которые понимают, в какой момент следует сдаться властям. Поведение таких людей в соответствующей ситуации можно спрогнозировать. А эти типы...», он берет со стола фотографию, снятую с большого расстояния, на которой Иисус, Морган и Пит над чем-то смеются, «эти считают себя невиновными и не видят ничего предосудительного в том, чем они занимаются. Мы не можем с уверенностью предсказать их реакцию, когда они увидят бегущих на них из леса солдат в боевой экипировке с автоматами наперевес».

«Вы хотите сказать, что ФБР выступает за более... мягкое решение?», спрашивает Колдуэлл.

«Нет», говорит Тоуз, «совсем не обязательно. Тактика силового захвата, безусловно, является предпочтительной. Я просто хотел высказать свои соображения, ребята».

«Мы принимаем их к сведению», говорит Гербер.

«А что с временными рамками?», спрашивает Бласс из АБН.

«Подразделение агента Брента уже тренируется в Форт Ригге», говорит Гербер.

«Это всего в шестидесяти милях южнее Брантсвилля», кивает Brent. «Через три, четыре недели мы будем готовы к удару».

Обсуждают даты, стратегию, тактику, логистику и тыловую поддержку, и ни слова - об этике или морали.

Когда машина закрутилась, вопрос «Почему?» уступает место вопросу «Как?»

Позже – во время внутреннего расследования и в суде – будет отмечено, что Стэнли Тоуз из ФБР на данном совещании выразил «озабоченность» возможной реакцией «обитателей ареала» на «потенциальное использование огнестрельного оружия». Это не спасет его, однако, от увольнения.

Глава 12

Сеть из пятнадцати ресторанов «БАРБЕКЬЮ БОББИ ДЕНВЕРА: КУРОЧКА И РЕБРЫШКИ» разбросанная по всему центральному Техасу, была основана в конце восьмидесятых известным певцом «кантри» - у него были неприятности с Налоговым управлением США - как машина для отмывания денег. Впоследствии рестораны позиционировали себя, как предлагающие «настоящую кухню штата Одинокой Звезды по честным ценам»: целые курицы и поджаренные на гриле до черноты свиные ребра, плавающие в темном соусе, салат, густой гороховый суп и очень неплохой кукурузный хлеб. Интерьер везде был один и тот же: приглушенный свет, тихая музыка «кантри» и удобные диваны, обитые искусственной кожей. Разрешение на торговлю алкоголем тоже имелось. Майлс и Дэнни очень любили ресторан, расположенный немного в стороне от 122 дороги примерно посередине между фермой и Брантсвиллем. Сюда и привел ДжейСи своих друзей, чтобы отметить День Благодарения.

И вот они сидят здесь за одним из длинных деревянных столов в дальнем зале у туалетов: Бекки, Майлс и Дэнни, Морган, Крис и Биг Боб, Гус и Дотти, Клод и Пит, Джулия и Аманда. А в центре сидит Иисус Христос, расслабленно облокотившийся на стену, скрестив руки под головой и улыбаясь.

Правильно прочитано, их числом тринадцать.

Третья кружка пива уже возымела свое действие, и ДжейСи наблюдает за тем, как Бекки пытается что-то сказать, но сидящие с ней рядом Морган и Крис без умолку громко спорят о какой-то ерунде.

«Эй, жопы с ручкой, может, все-таки заткнетесь?», кричит Бекки.

«Господи, какие выражения при собственных детях...», говорит Морган.

«Кошмар какой-то», говорит Крис и качает головой, а Майлс и Дэнни хихикают.

«Я только хочу сказать...», Бекки поднимает кружку с пивом, «что я думаю, принимая во внимание, как прошел сбор урожая, и перспективы продаж излишков овощей и, в первую очередь, благодаря Клоду...»

Клод смущенно улыбается.

«...наше финансовое положение значительно лучше, чем я оценивала его ранее. Все хорошо поработали!»

Раздается свист, крики, звон кружек, и тут приносят еду: «Кому острую курочку?». Все лезут вилками в блюдо с дымящейся печеной картошкой, кладут себе на тарелки салат и бобы. Все разом говорят, весело и радостно, протягивая друг другу блюда с едой.

Иисус поднимает вилку с сочным салатом, но не доносит ее до рта, а смотрит на собравшихся за столом: больной СПИДом, хохочущий над чем-то вместе с бедным молодым фермером, лесбиянками и изломанным ветераном Вьетнама, пожилые алкоголики, чистые и нарядные по случаю трапезы, мать-одиночка – бывшая проститутка и бывшая наркоманка -, передающая тарелки своим детям, бывшему жиртресту и чернокожему ударнику. Неимущий сброд, презираемый обществом, униженный, забытый, выброшенный из жизни и никогда не плативший налоги. Если не считать поспрингстиновски наивной веры в силу и значение рок-н-ролла, Иисуса не назовешь сентиментальным человеком, но в этот момент, когда он смотрит на их лица, как в слезливом телевизионном фильме, свет становится мягче, и кадры замедляются на фоне нежного звука фортепьяно. Это – здесь и сейчас – его люди.

Дарить надежду безнадежным.

Эта мысль вызывает улыбку на его лице, он осматривается в ресторане и замечает парочку средних лет. Мужчина уже несколько раз бросал взгляд в направлении их компании, но затем быстро опускал глаза, глядя в тарелку. Кажется, он постоянно что-то бормочет и качает головой, разрезая свой стейк. Через два стола от парочки сидит компания из четырех молодых людей, один из которых шепчет что-то своему приятелю. Приятель ухмыляется, и Иисус, проследив за его взглядом, замечает, как Джулия нежно стирает что-то с лица Аманды: обе женщины одеты в тяжелые сапоги, рабочие штаны и коротко стрижены. Такой взгляд у молодых людей с тяжелыми цепями на шеях, в майках с названиями металлических групп и джинсовых куртках с оторванными рукавами всегда означает одно и то же. Все это проносится в голове Иисуса за доли секунды, когда он с горечью понимает, что сказал этот парень своему приятелю, сразу за мыслью «*Дарить надежду безнадежным*». Эта мысль тянет за собой другую, мрачную, заглушающую светлую: «*Время мое близко*». Жить с друзьями в мире, любви и гармонии? Немного работать, курить травку, зависать и быть счастливыми? Это не может кончиться добром, так ведь?

Писклявый голосок отрывает его от мрачных видений. Маленький кулачок бьет его по ноге. «Ой, больно! Майлс, в чем дело, малыш?»

«Я сказал: мы знаем что-то, чего ты не знаешь!»

«Правда?»

«Да», говорит Дэнни и обнимает младшего брата. «Мы знаем».

«У тебя скоро день рождения», шепчет Майлс и улыбается от уха до уха.

«Майлс!», грозит ему пальцем Бекки, чьи материнские уши слышат все.

Иисус смеется и смотрит на Бекки. «Никаких сюрпризов. Окей, Бекс?», говорит он.

Никаких сюрпризов. Это он серьезно. 25 декабря ему должно исполниться тридцать три года. В прошлый раз в тридцать три года все было не очень здорово.

Дэнни и Майлс ухмыляются друг другу. «Ах, вам смешно, да?», говорит Иисус, хватая Майлса за ляжку и нажимает большим пальцем на мышцу. Малыш истерически хохочет, визжит от радости и пытается сказать «Нет, не надо!». Чистый, искренний детский смех, такой же непредсказуемый, как чих: настоящая Божественная музыка. Иисус играет эту музыку, отдаваясь ей всем сердцем, щекочет и ворочает мальчишку, сжимает Майлса и царапает его нежную шею своей щетиной. Дэнни, который тоже хочет так поиграть, бьет Иисуса по руке кулаком. Иисус протягивает руку, хватая его за живот, щекочет, и из-за криков мальчишек уже не слышно Кенни Роджерса из колонок, а все больше посетителей смотрят на их стол.

«Извини меня, пожалуйста». Иисус поднимает взгляд - Майлс лежит у него животом поперек на коленях - и видит вначале рукоятку пистолета в черной кожаной кобуре, затем золотую звезду и над ней - серебристую бородку. «Мне жаль, что беспокою тебя во время еды, но может быть, у тебя найдется для меня минутка?»

«Конечно, шериф».

Они берут свои напитки и идут к бару, а гости ресторана уже не просто смотрят, а таращатся на Иисуса, следующего за шерифом в своих застиранных джинсах, конверсах и майке Melvins.

«Это что еще такое?», спрашивает Пит у Бекки, наблюдая, как Иисус и шериф со своими напитками - у ДжейСи в руке кружка с пивом, наполненным из кувшина, стоящего на столе, а у шерифа - бутылка «Будвайзера» - непринужденно облокотились на стойку бара красного дерева.

«Кто знает?», вздыхает Бекки и успокаивающе гладит по руке Боба, который автоматически начинает нервничать, когда с его боссом случается что-то непредвиденное.

«Да, иногда нам нужны гвозди», говорит, как раз Иисус и поднимает руку, сигнализируя Бобу, что все хорошо. «Но аммиак? Чем они думают, мы там у себя занимаемся?».

«Я думаю, они полагают, что вы делаете бомбы». Шериф говорит тихо и смотрит Иисусу прямо в глаза.

«Бомбы?». Иисус выговаривает это слово, как будто слышит его в первый раз в жизни. Слово просто повисает в воздухе. «То есть, *бомбы*? Как они могут, во имя всего святого, такое предполагать?».

«Видишь ли...». Шериф делает большой глоток пива. «Это же ФБР. После того, что произошло в Нью-Йорке пару лет тому назад, после принятия этого проклятого Патриотического Акта, я иногда думаю, что если перед домом не развеваются звезды и полосы, и твоя семья ежедневно перед ужином не читает хором Клятву верности американскому флагу, они полагают, что ты просто *должен* замышлять какое-то злодейство». Он качает головой и подхватывает ногтем катящуюся по горлышку бутылки капельку пива. «И вот еще что, мой мальчик. Многие люди, похоже, не понимают, зачем ты делаешь то, что ты делаешь. Знаешь, я сам – христианин. Моя жена и я ходим в церковь каждое воскресенье, в дождь и снег. И, только между нами...». Шериф заговорщицки наклоняется к Иисусу, «...я думаю, что ты в такой же степени Сын Божий, как я – Христофор Колумб. Просто...большинство молодых людей, которые зарабатывают на телевидении большие деньги и чьи фотографии мелькают во всех газетах, идут по проторенной дорожке. Они ждут - не дождутся, когда переедут в Лос-Анджелес, купят себе виллу и станут отрываться в ночных клубах или где там еще. Насколько я знаю, ты уехал из Лос-Анджелеса, купил старую запущенную ферму в жопе мира и принимаешь у себя любого, кто только постучится в твою дверь. Мне кажется, это не самый простой путь, которым можно идти по жизни. Я думаю, у тебя была веская причина, чтобы выбрать себе такую дорогу».

«Знаете», улыбается Иисус, «иногда не столь тяжела сама дорога, как дорога к причине, по которой ты ее выбрал».

Шериф кивает, опирается локтем на стойку бара и поддвигается ближе к Иисусу. «Раз уж мы вот так с тобой сейчас болтаем: вы ни с кем не ссорились в последнее время? Я имею в виду: по-серьезному?»

«Ну, да, одна семья съехала от нас, но такое происходило и раньше. Гммм...постойте. Пару недель тому назад мы, скажем так...разошлись во взглядах с этим пастором».

«Пастором Глассом? Чарли Глассом?»

«Да. Точно, с ним. Он Ваш друг, шериф?»

«Нет. Но я никому не пожелал бы иметь его врагом».

«Черт возьми, у меня как будто вообще не может быть врагов, так ведь?». Оба смеются. Иисус вздыхает и смотрит в свою кружку. «Вы говорите, что Вы христианин. Но Вы не такой, как этот пастор».

«Видишь ли, многие люди склонны все усложнять, не так ли? Я не считаю себя семи пядей во лбу, поэтому держусь такого правила: «Относись к другим так, как хотел бы, чтобы они относились к тебе». Как-то так...»

«Вы бы подружились с моим отцом».

Шериф смеется и смотрит на компанию Иисуса за столом, вокруг которого носятся Майлс и Дэнни. «Вы хорошо проводите время, так?»

«Конечно», говорит ДжейСи. «Счастливого Дня Благодарения, шериф».

«И тебе, сынок», отвечает тот, чокаясь пивом: горлышко «Будвайзера» звенит о запотевшую кружку Иисуса.

В тот самый момент, когда пиво касается пива, приходит сообщение из Вашингтона. Директо БАТО Сэм Хоукс получает «добро» от Генерального прокурора. Дон Гербер получает «добро» от Хоукса. Он весьма доволен этим сообщением. Так же, как и Джерри Колдуэлл, который немедленно звонит специальному агенту Брайану Бренту в Форт Ригг, который тоже доволен.

Еще две недели: суббота, 8 декабря.

Брент выходит на террасу офицерской столовой в холодную техасскую ночь, бросает взгляд на учебный полигон и прислушивается к командам и выкрикам бойцов, отрабатывающих силовой захват объекта, преодолевающих заграждения из колючей проволоки и тренирующих маневры прикрытия. Ветер доносит до него в сумерках приятное шуршание сосновых иголок под тяжелыми армейскими ботинками.

Глава 13

Невероятно, что такой день мог иметь наглость вообще начаться. Что солнце осмелилось взойти над занявшими свои позиции виновниками катастрофы, которую один из адвокатов назовет позже «идеальным штормом».

ДжейСи против обыкновения встал этим декабрьским утром очень рано: Морган и Боб убедили его, наконец, составить им компанию на рыбалке, где в заводи на дальнем конце Большого озера они надеялись поймать парочку этих огромных сомов. Когда они отправились туда на старом джипе, в главной усадьбе было еще темно, не считая света красных, желтых и голубых лампочек на большой Рождественской елке в холле. ДжейСи действительно ненавидел всю эту суету вокруг своего дня рождения, но вынужден был согласиться на елку из-за детей. Сейчас он сидел на заднем сиденье джипа, тер глаза и возился с крышкой термоса, который Морган перед отъездом наполнил кофе. Иисус плохо спал этой ночью, провел ее, скорее, в забытьи, постоянно просыпаясь от гула, похожего на отдаленные раскаты грома. У него было ощущение, что что-то непонятное кружит по лесу.

Когда специальный агент Энрико Пело из спецназа БАТО в 7:22 утра перерезал ржавую проволоку ограды на южной границе участка, его двадцатичетырехлетнее сердце громко стучало, и он с трудом пытался сдержать улыбку восторга из-за того, что спустя почти два года службы в подразделении не только участвует в настоящей операции, но и входит в состав ее руководства. В это же время ДжейСи, Морган и Боб в полутора милях от главной усадьбы забросили свои удочки в холодную, темную воду.

Бекки и мальчики еще спали. Дверь в комнату Майлса и Дэнни была приоткрыта, потому, что Майлс боялся спать в темноте, и ему нравился мягкий свет большой Рождественской елки, падающий на его кровать и напоминающий о том, что скоро придет Санта-Клаус.

Братья Реннеты тоже встали этим утром ни свет, ни заря и находились в импровизированном гараже, в который они все-таки перетащили свой пикап. Дик раздобыл новую коробку передач, и если им удастся установить ее сегодня до обеда, он поедет в Остин на пикапе в сопровождении Пэта на додже. Они рассчитывали продать его за приличную сумму и вернуться бы завтрашним вечером назад, заработав к Рождеству неплохие деньги. В свете фонарика Пэт застегнул молнии на комбинезоне, поживаясь от холода и зевая, а Дик, лежа под машиной, искал отвертку, предварительно бросив на заднее сиденье большой «Ремингтон .306». Они всегда брали с собой охотничье ружье, когда шли работать. Никогда не знаешь, какая дичь перебежит вдруг через дорогу.

Здравомыслящие люди далеко на озере.

Горячие, молодые люди в военной форме, готовые к удару.

Дети, спящие в деревянном доме.

Двое неотесанных мужиков с ружьем, по венам которых еще течет вчерашнее пиво. Воистину, «идеальный шторм».

Перебежками следует Пело за своим начальником сержантом Энтони Берковицем, выдвигаясь на исходную позицию на опушке леса. Пятнадцать спецназовцев в черном камуфляже, с М16 наперевес, с готовыми к бою 9-мм пистолетами на бедрах и ослепляющими гранатами на поясе – все закуплено на деньги американских налогоплательщиков, людей, на которых они собираются напасть. Коричневая листва и маленькие ветки тихо хрустят под их подошвами. Пело и другие бойцы задерживаются ненадолго на опушке и бросаются на землю, когда сержант беззвучно поднимает вверх кулак в перчатке. Недалеко от леса, в нескольких сотнях метров от них, что-то происходит. Они видят свет, слышат шорохи. Пело смотрит на часы – они преодолели полмили по лесу всего за десять с небольшим минут. Все по плану. Группа «Б» должна находиться сейчас у главных ворот.

«Блин!», ругается Пэт Реннет из-под фургона, когда ему удается со стоном вывернуть последний болт и вынуть старое сцепление. Он передает его Дик, который нагнулся, чтобы лучше рассмотреть его с помощью налобной лампы. «Йеп», говорит Дик, «штуковина отслужила свое».

«Дай-ка мне тряпку, хорошо?», говорит его брат. «Здесь все в масле». Дик обходит фургон, чтобы достать тряпку из ящика, стоящего у правого переднего колеса, и вдруг замирает, всматриваясь в темный лес.

«Фак», шепчет он.

В двух милях от них Морган, смеясь, говорит: «А помнишь, эту историю в Денвере? Когда какой-то придурок насрал в душе?»

«Ой, блин», говорит Иисус и тоже смеется. «Промоутер еще подумал, что это кто-то из нас насрал».

«А с кем мы тогда вечером играли? Scud Mountain Boys?»

«Не-е-т. Это были Slint?».

«Точно, Slint».

«Дрек», говорит Боб тихо, прикладывает палец к губам и кивает на воду.

«Извини, Боб», шепчет Иисус.

«Эх, блин», тихо говорит Морган, «ты ведь тоже скучашь по турне, старик?».

«Придет время, и мы обязательно снова отправимся в турне», говорит Иисус.

«Однозначно отправимся. Нальешь мне кофе, Моргс?...»

Бекки зевает и поворачивается на другой бок. Она еще полусонная, но уже прислушивается одним ухом, зная, что мальчики скоро проснутся. Она любит это время по утрам, ведь раньше часто было по-другому. Пару лет тому назад, когда она еще не познакомилась с ДжейСи и его друзьями, когда она еще пила и курила крэк, она иногда просыпалась на полу в кухне от того, что Дэнни осторожно бил ее по щекам. Когда Майлс это видел, он пугался и прятался. Как будто думал, что она умерла. Она почти потеряла своих детей. От мысли, что оба могли оказаться в приюте, ее и сегодня бросает в холодный пот. Не выразить словами, как много означает для нее трезвое пробуждение и близость ее мальчиков. Она бросает взгляд на часы у изголовья кровати: 7:33. Сегодня утром нужно съездить в Брантсвилль и зайти в банк, а потом с Клодом и Питом купить подарки к Рождеству. В комнате холодно. Поспать еще только десять минут. Она снова втягивает ступню под теплое одеяло.

«Где?», Пэт ползет по-пластунски между старыми шинами. Дик сидит на корточках рядом с фонарем и показывает на лес.

«Там!», говорит Дик.

Братья вглядываются в темноту и смотрят на опушку. «Наверное, просто косуля», шепчет Пэт.

«Это была не косуля».

«Да кто, черт возьми, может быть зд...». Пэт умолкает на полуслове, завидев, как черная фигура перебегает от дерева к дереву, держа в руке что-то блестящее. «Фак», шипит он. «Фак. Быстрее, принеси ...».

«Уже», говорит Дик, вынырнув рядом с братом и держа ружье, как ребенка на руках, открывает с масляным кликом затвор, вставляет патрон и пробирается к двери машины.

«Осторожно», говорит Пэт. «Блин! Их много!». Еще одна фигура бежит в утренней темноте.

«Охотничье ружье», шепчет сержант.

«Я его вижу», рапортует Пело, удерживая в перекрестье инфракрасного прицела голову Дика Реннета.

«Не стрелять, пока не окажетесь под обстрелом», шепчет сержант. «Робертсон, попытайтесь обойти их сзади...»

«Эй!», раздается громкий голос Дика. «Кто бы вы, уроды, ни были... выходите из леса, быстро!»

«Проклятье», шепчет сержант. На принятие решения у него доли секунды: отключить обоих и преодолеть несколько сотен метров до главной усадьбы, пожертвовав эффектом неожиданности? Возвратиться в лес и попросить группу «Б» начать штурм? Прервать операцию?

«Сделай предупредительный выстрел», шепчет Пэт своему брату.

Дик наводит ружье на верхушки деревьев и – **БУММ!** – грохот выстрела из крупнокалиберного ружья взрывает утреннюю тишину. И тут начинается светопреставление.

Лес отвечает ураганным автоматным огнем, пули дробят кирпичи стены импровизированной автомастерской, и Дик ищет укрытия за фургоном. Туда же пробирается и Пэт, пули свистят у них над головами и дырявят пикап, который они почти починили.

«ГОСПОДИ БОЖЕ!», орет Пэт.

«Что это, блин, такое?», кричит Иисус. Одновременно с ним вскакивает Морган. Боб уже бежит со всех ног к джипу, ведь он точно знает, какой звук издадут с десятков стреляющих одновременно автоматических винтовок.

Бекки выпрыгивает из кровати и бежит в комнату к мальчикам.

В поле Клод недоуменно застывает на грядке с поздними тыквами.

Повсюду в страхе просыпаются люди в своих домах, вагончиках из гофрированной жести и юртах.

«Давай, бегом!», говорит Дик и берет своего брата за локоть. Оба бросаются к задней двери и дальше по небольшому склону вниз, где находят укрытие. Оттуда они бегут к главной усадьбе, а позади них гараж превращается под градом пуль в решето.

«Давай в оружейную комнату», кричит Дик вслед своему брату Пэту, который на пару лет младше и опережает его на несколько метров. После этого он оборачивается, встает на одно колено и стреляет в направлении леса.

«Ворон, я – Сокол», рычит Берковиц в рацию - свист в ушах, запах кордита в носу – «Мы под обстрелом! Повторяю: мы под обстрелом! Выдвигайтесь! Выдвигайтесь!»

Танк «Брэдли» - гребаный *танк* – проламывает ограду в двухстах метрах к северу от главной усадьбы. Бойцы спецназа бегут через пролом, бросаются на землю и ищут укрытие, а Клод, не веря своим глазам, наблюдает за этим.

ДжейСи и Морган держатся друг за друга, когда Боб мчится по скользкой ухабистой дороге со скоростью под сто километров в час, а ревуший мотор немного приглушает звук стрельбы. Но они отчетливо слышат его, когда Боб ненадолго отпускает педаль газа, чтобы переключить скорость. Усадьбы, расположенной за ближайшим холмом, пока не видно.

Группа «А» Берковица выдвигается с юга и открывает второй фронт. Заспанный подросток, вышедший из жестяного вагончика и оказавшийся у них на пути, получает прикладом в живот. Его укладывают лицом в грязь и приказывают не двигаться.

Дик и Пэт Реннеты находятся в оружейной комнате. Дик разбивает окно прикладом и наводит Ремингтон на одну из черных фигур, ползущих по-пластунски среди небольших кустов у главных ворот, а Пэт пытается ломом отжать металлическую дверь оружейного шкафа. «Проклятье, быстрее!», кричит Дик. «Их здесь сотни!»

«Сэр! Оружие на два часа», говорит боец, заметивший из своего укрытия за танком длинный ствол и Дика, нажимающего на курок. Дик стреляет и промахивается. Через полсекунды несколько десятков автоматов открывают огонь по оружейной комнате. 5.56-мм пули дырявят деревянную стену и брызжут по шлакоблокам.

Бекки кричит, а Майлс плачет, когда она приказывает детям забраться под кровать. «Оставайтесь здесь!», говорит она и ползет навстречу выстрелам.

«Мама! Мама!»

Клод бежит навстречу солдатам, все еще держа в руке вилы для навоза. В отчаянии пытается он перекричать звуки выстрелов и рев дизельного мотора: «Эй! Эй! В чем дело? В чем дело?» Он всего в сотне метров от солдат, когда один из них видит вилы – мужчину, движущегося им навстречу с «длинным, похожим на винтовку предметом» в руке, как он позже сформулирует в своих показаниях на процессе. Он поднимает свою M16 и выпускает короткую очередь в грудь Клоду, который умирает, не успев упасть на землю, с тремя дырами диаметром с апельсин в легких.

Берковиц кричит в рацию: «Многочисленные стрелки! Высылайте «орлов»! Повторяю: высылайте «орлов»!»

Джип заносит на последнем повороте, и Иисус с Морганом в ужасе смотрят на поле сражения: танк маневрирует во дворе усадьбы, в утреннем воздухе висит серебристый, похожий на порошок, дым, трещат автоматные очереди, и пули глухо – «дум», «дум», «дум» - впиваются в деревянные стены дома.

«Что здесь происходит?», говорит Иисус, когда Боб выжимает до предела педаль газа и мчится вниз по холму со скоростью сто тридцать километров в час.

Бекки доползает по-пластунски до оружейной комнаты в тот момент, когда Пэт взламывает оружейный шкаф, а Дик, стоя за ним, непрерывно стреляет и перезаряжает Ремингтон, держа его просто над головой.

«ЧТО ЭТО ЗА ХЕРНЯ?», кричит Бекки.

Пэт игнорирует ее, достает конфискованный карабин AP-15 и устанавливает дрожащими пальцами переключатель на полуавтоматическую стрельбу. Бекки слышит, как что-то разбилось рядом с ее головой, понимает, что в полуметре справа пуля разнесла стеклянную дверь, и бросается на Пэта, пытаясь отобрать у него оружие. «Положи оружие! *Вы нас всех погубите!*».

«Леди, на нас напали», кричит Реннет, пытаясь вырвать винтовку из рук Бекки.

«Дай сюда проклятую пушку!», визжит Бекки.

Пэт вырывает у нее карабин и жестко бьет ее прикладом в лицо, ломает нос, и Бекки падает навзничь на осколки стекла и патронные гильзы. Он бросается к окну, кричит «Я-ХУ-У! НУ, ИДИТЕ, ИДИТЕ СЮДА!», и начинает палить.

Иисус, Морган и Боб выпрыгивают из джипа и бросаются на землю, когда видят Бекки, которая, спотыкаясь, выходит через заднюю дверь с окровавленным лицом, а над усадьбой с адским ревом пролетают два огромных, наводящих ужас, боевых вертолета.

Этого не может быть, думает Иисус. Этого просто не может быть.

Он хватается за Бекки. «Бекс! Что...», кричит он сквозь шум несущих винтов, выстрелы и рев танка.

«Реннеты», говорит она и зажимает окровавленный нос. «Оружейный шкаф, они...»

В этот момент из дома выбегает тип, которого они совсем не знают, который, насколько может вспомнить Иисус, живет здесь всего недели две, с ружьем в руках и начинает стрелять по вертолетам. Он стреляет, даже не пытаясь найти укрытие. Под градом пуль одного из вертолетов он падает, и оба страшных черных чудовища направляют свои рыла на землю и летят в сторону поля, а вихрь, поднятый винтами, почти сбивает людей с ног. Боец спецназа выбегает из-за угла и наводит на них оружие, когда позади него раздается стакато автоматной очереди, и он падает на землю. Они оборачиваются и видят, как голова Пэта Реннета мелькнула в окне на втором этаже.

«О, нет. Фак, фак, фак!», говорит Иисус и чувствует невыносимый жар, рев моторов и лязг металла. Танк «Брэдли» появляется из-за угла, струя пламени вырывается из его башенного орудия, облизывает стену, и дом вспыхивает, как спичка.

«Мальчики!», кричит Бекки.

Морган сидит на бетонном цоколе водонапорной башни и плачет, обхватив голову руками.

«ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ?», кричит Иисус танку и идет ему навстречу, разведя руки широко в стороны, а вокруг него повсюду свистят пули. Справа от огнемета «Брэдли» в их сторону поворачиваются стволы пулемета.

Нет, думает Боб, это неправильное решение. Боб очень хорошо знает, что его друг во всем полагается на силу разума, знает его непоколебимую готовность отвечать на ненависть и злобу любовью и добротой. Но Боб знает также хорошо, что происходит во время таких перестрелок, этой адской манифестации, когда люди отключают разум и следуют своим звериным инстинктам. У него нет сомнений – эти люди хотят их убить. В тот самый момент, когда пулемет танка – калибр 7.62-мм, как сразу же определяет Боб – открывает стрельбу и вырывает из стены мастерской куски бетона величиной с кулак, Боб кидается к ДжейСи и Бекки и бросает их вместе с Морганом в сточную канаву, которая проходит вдоль стены дома. Иисус стучается головой о бетон и теряет сознание. После этого он оттаскивает Бекки и своих любимых в надежное укрытие за водонапорной башней.

Наступает время Боба.

В какой-то степени вся его предыдущая жизнь была лишь прелюдией к этому моменту.

Воюющие лопасти, едкие клубы кордита, треск автоматов и пулеметов, жар огня, крики испуганных и раненых.

Это мой мир.

Шестидесятилетний Боб передвигается с поразительной быстротой, бежит, согнувшись, и уже скоро находится так близко от танка, что пулемет не может его достать. Его мозг молниеносно переключается на старые стандарты. В поисках укрытия, путей отступления и непростреливаемых участков старый солдат инстинктивно пробирается вдоль стены дома, которая пылает в огне, слышит автоматную очередь, выпущенную где-то совсем рядом, и бросается в сточную канаву, тянет к себе труп убитого Пэтом Реннетом солдата, берет его M16 и запасные рожки. Он выглядывает из

канавы и видит бегущих к нему двух спецназовцев, один из которых целится в него, а второй вставляет новый магазин. Он выпускает две короткие контролируемые очереди, и солдаты падают на землю. Но Боб уже не смотрит на них, потому, что спешит назад к дому. Он прыгает сквозь разбитое окно, получает несколько приличных порезов и приземляется на спину в задней части галереи, которая соединяет классную комнату с главной усадьбой. Здесь ужасно жарко, и кто-то кричит. Тяжелые шаги доносятся до него сквозь дым и огонь: Пэт Реннет мечется, как тигр, с карабином в руках, непрерывно стреляет и орет: «ВОТ ТАК! Я ВАС ВСЕХ ДОСТАНУ!». Его глаза убийцы безумно блестят. Боб видел такое выражение лица в последний раз почти сорок лет тому назад у реки вблизи камбоджийской границы. Боб падает на одно колено и стреляет ему с пятнадцати метров прямо в лицо. Красный дождь, и Пэта не стало.

Согнувшись под пулями, которые впиваются в дерево прямо у него над головой, он бежит дальше, в холл, где стоит большая Рождественская елка – десятиметровое вертикальное пламя, от которого даже на этом расстоянии у Боба, потрескивая, начинают гореть борода и брови. Он замечает на полу труп, и у Боба сжимается горло, когда он видит, что это Пит, который лежит с широко открытыми глазами и огромной раной на шее. Там просто дыра с сырым мясом. «Дрек», говорит он нежно, закрывает ему глаза и разрывает белую футболку Пита на две части. Перекатившись в ванную комнату, Боб находит Крису, который сидит в углу и, дрожа всем телом, со стоном прижимает левую руку к правому плечу. Кровь течет сквозь его пальцы. Боб быстро осматривает рану, говорит Крису «Дрек», что должно означать «оставайся здесь», окунает футболку в унитаз и оборачивает ее вокруг своей головы. Посмотрев влево, он замечает оранжевые и красные огни, которые бесшумно пролетают за окном. Короткая мысль: *трассирующие пули, они стреляют трассирующими пулями по дому, полному женщин и детей.* Потом он снова перекачивается по коридору, и видит перед собой спецназовца, которому Боб дважды с коротким промежутком стреляет в грудь. Он ползет через тело солдата, который, хрипя, пытается что-то ему сказать, в направлении двери в пылающий холл.

ДжейСи приходит в себя от грохота выстрелов прямо у его правого уха, несколько раз подряд, и глохнет. Слева от себя он видит Моргана, прижимающего к себе Бекки, которая плачет и вырывается, пытаясь выскочить под град пуль, и все время что-то говорит, чего ДжейСи не слышит. Но он знает, что она кричит «мои мальчики, мои мальчики». Он поворачивает голову вправо и видит длинный ствол карабина, торчащий из окна, не дальше, чем в полуметре от себя. Это Дик Реннет, который продолжает стрелять с ужасной гримасой на лице. *Ребята. Я должен был послушаться ребят и выгнать братьев. Простите меня.* Внезапно выстрелы прекращаются. Карабин исчезает, когда Дик хочет вставить в него новый магазин, но Иисус рыбой бросается к окну, хватается за ствол, тянет его на себя и вырывает оружие, которое падает на землю. Иисус поднимает его и отбрасывает как можно дальше в сторону. Он снова падает в канаву и видит Дика, который что-то кричит ему из окна и оттягивает затвор хромированного пистолета. *Бекки. Я должен был послушаться Бекки и выбросить все оружие в озеро. Прости меня.* Дик направляет пистолет на Иисуса. Но в это мгновение откуда-то сзади и сверху обрушивается ураганный огонь. Кажется, Дик Реннет превращается в розовый туман, когда прямо над ними с грохотом пролетает вертолет, все еще стреляющий из своих пулеметов. Радуга из трассирующих снарядов превращает здание в руины, а вертолет пролетает над крышей вперед и вверх в тexasское небо, где на его фоне равнодушно вращаются большие лопасти ветряных генераторов.

Боб доползает до двери, ведущей в холл. Тут просто ад. Горящие балки падают вниз, Рождественская елка лежит на боку, языки пламени поднимаются от пола до потолка. *Наплевать.* Боб бросается в присподнюю – нет времени, чтобы ползти или искать укрытие, только отчаянный рывок - прижимает мокрую майку к лицу и чувствует, как огонь обжигает ему руки. Он летит к двери, кричит, когда две, три пули впиваются ему в тело с левой стороны – в бедро, нижнюю часть живота, в предплечье - и надеется, что ему хватит сил. Он выбивает дверь и бросается на пол. Дым такой густой, что он видит не больше, чем на полметра перед собой. Но Боб ползет дальше, его левая нога уже отнялась, и ботинок наполняется кровью. И тут он их видит: Майлс и Дэнни, все еще под кроватью. Послушные маленькие мальчики, которые делают то, что сказала им мама. Дэнни плачет, обнимает своего маленького брата, потерявшего сознание, его голова

лежит у него на плече, синие губы выделяются на белом лице. Боб вытаскивает обоих из-под кровати, простыни на которой уже дымятся.

Время уходит, во всех смыслах.

Стена с окном. Забудь. Окно плавится, комната превратилась в печь.

Через холл не выбраться, он и сюда попал чудом.

Задняя стена спальни, она из дерева, за ней – двор.

Боб прицеливается из M16 и разряжает целый магазин в стену в надежде, что на той стороне не окажутся под огнем близкие ему люди. Он вставляет в винтовку второй магазин и снова разряжает его в стену, потом еще один. Он всаживает в деревянную стену почти сто пуль, одну очередь за другой, с расстояния в полметра. Адская боль во всей левой стороне его тела, жидкость – кровь – хлюпает в легких, когда он берет мальчиков на руки и встает, опираясь на правую ногу, потому, что левая не работает. Он собирается с силами и прыгает, поворачиваясь в воздухе, на стену. Дэнни кричит «Мама!», Боб тоже кричит, ударяя правым плечом в дымящийся, продырывленный брус всей массой своего стокилограммового тела.

Бекки и Морган снаружи, не веря своим глазам, наблюдают, как задняя стена дома буквально взрывается, и из нее вылетает Боб, прижимающий к своей груди мальчиков.

Испытывая какое-то нереальное чувство мгновенного перемещения из черного, пылающего ада в светлый солнечный день, Боб пролетает два метра, все еще прижимая к себе детей, сквозь холодный зимний воздух и падает, ломая бедро, на бетонную дорожку. Майлс разбивает себе лоб, но, кашляя и давясь, приходит в сознание. Дети хотят подняться и бежать, но Боб не отпускает их, зная, что кругом еще стреляют. Потом он видит Бекки, которая, рыдая, ползет к ним, и разжимает объятия.

Над ним появляется лицо ДжейСи, которое, кажется, светится изнутри, и черный вертолет неподалеку закладывает очередной вираж. Боб пытается говорить, но чувствует в горле вязкую, с медным привкусом кровь. ДжейСи нежно гладит его лицо, убирает волосы с глаз Боба. Он улыбается. Тут же появляется и лицо Бекки, она плачет и что-то говорит, нагибаясь, чтобы поцеловать его. Но Боб уже плохо слышит, у него в ушах стоит шум, как от ракушки, которую дети прикладывают к уху, когда им говорят, что они услышат шум моря. Вертолет, развернувшись, идет на них, теперь гораздо ниже, закрывает собой солнце позади ДжейСи, и его несущий винт лениво вращается, как в замедленной съемке. Боб чувствует холод, о котором он слышал от многих своих однополчан. Он должен что-то сказать, обязательно сказать ДжейСи что-то очень важное, только одно слово, которое он должен выдать из себя сквозь кровь, свинец и боль в груди. Его губы шевелятся, верхние зубы касаются нижней губы, когда он ищет согласную. Иисус наклоняется над ним, сияющие голубые глаза излучают абсолютное спокойствие среди этого ада.

«Др...», говорит Боб с огромным трудом. Иисус берет его за руку.

«Др...». Иисус нежно целует его в губы, испачкав кровью свое лицо.

«Друг», говорит Боб в первый раз за тридцать восемь лет.

И в последний.

И когда начинает темнеть в глазах, а холод, который он чувствует, постепенно уступает место ощущению тепла, о котором Боб никогда не слышал, когда он замечает, как его тело расщепляется на атомы, он видит, что по правой щеке ДжейСи катится одна единственная слеза. Потом у его левого виска появляется ствол автомата и черные силуэты солдат позади. Последним перед смертью Боб видит Иисуса, поднимающего руки вверх.

Часть шестая

После смерти

«Я – за смертную казнь. Тот, кто совершает плохие поступки, должен быть наказан. Чтобы в следующий раз неповадно было».

Бритни Спирс

Глава 1

Он пытается сочинить в голове песню, над которой работал уже несколько месяцев. Первая строфа была готова: «I know you won't be coming back again, sketch a smiling face in the misted windowpane», и он знал, как вначале будут звучать аккорды – от А-мажор через С-бемоль к F-мажор, почти, как у Wire в “Outdoor Miner”. Но он не знал пока, как песня будет звучать дальше. На аккорд вверх к H и начать сначала? Или сначала E, и перейти к припеву? Без гитары в руках это было тяжело, хотя он слышал о музыкантах, которые сочиняют песни от начала до конца в голове, и записывают их тогда, когда под рукой оказывается инструмент.

Он сел на нары и посмотрел на крошечное зарешеченное окошко: официально уже наступила весна, но небо все еще было серым, как корпус военного корабля, серым-серым, даже облака были серыми, солнца не было, и резкий ветер дул в Полк Каунти, завывал вдали в проволочном заборе, бил в лицо охранникам на вышках и гремел большой металлической вывеской на входе, вывеской, которую ДжейСи мог видеть только с обратной стороны, но знал, что на ней написано: «ТРАКТ АЛЛАНА Б. ПОЛАНСКИ», а снизу «Государственное учреждение криминальной юстиции штата Техас».

Это была предпоследняя инстанция судебной системы: два десятка грязно-серых корпусов на усиленно охраняемой огороженной территории в двести гектар.

Он зевнул и соскользнул с верхних нар на бетонный пол. Камера была предоставлена ему одному, как и всем остальным в этом блоке. Жаль, он был бы рад соседству. Правда, как ему объяснил с кривой улыбкой один из охранников, остальные заключенные здесь были не в себе. ДжейСи слышал по ночам, как они плакали и разговаривали сами с собой. В большинстве случаев они обращались к Богу или своим матерям.

Босым большим пальцем ноги – ему выдали пластиковые шлепанцы, но ДжейСи не нравилось, как они липли к ногам – он притянул к себе пару газет, которые в большом количестве были разбросаны по полу камеры. Блин, эти статьи за несколько последних месяцев. Он не мог понять, что газеты хотели сказать своими заголовками: «УБИЙЦА ПОЛИЦЕЙСКИХ! ПРЕДВОДИТЕЛЬ СЕКТЫ УСТРАИВАЕТ РЕЗНЮ! ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВЫ ПРИ ОБЫСКЕ! МЕССИЯ ИЛИ УБИЙЦА? ФИНАЛИСТ АМЕРИКЭН ПОП СТАР УСТРАИВАЕТ КРОВАВУЮ БАНЮ! СЛУЧАИ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ! ТОРГОВЕЦ ОРУЖИЕМ! НАРКОДИЛЕР!» И так далее. Ему редко удавалось прочесть больше одного абзаца из этих статей. Во всех было написано примерно одно и то же:

«Музыкант и самозванный «Сын Божий», 32 года, получил известность, благодаря выступлению в конкурсе *АМЕРИКЭН ПОП СТАР* на канале АВН в прошлом году. На полученный за выступление в шоу гонорар, составляющий по оценкам около двух миллионов долларов, он основал в Техасе коммуну, так называемую «Современную утопию». Бойцы подразделений БАТО, ФБР и АБН предприняли 8 декабря попытку захвата коммуны в Брантсвилле, получив информацию о выращивании наркотиков, арсенале автоматического оружия и, самое главное, случаях развратных действий в отношении малолетних детей. Группа захвата столкнулась с ожесточенным вооруженным сопротивлением. Во время перестрелки погибли шестеро бойцов спецназа и восемь сектантов. Еще восемнадцать человек, включая детей, получили ранения».

А еще там был этот снимок, который печатался снова и снова – расплывчатое изображение Иисуса с карабином в руке, который он как раз отбрал у Дика Реннета. На снимке был запечатлен именно тот момент, который длился десятую долю секунды, снятый с вертолета, когда он рванул оружие на себя, чтобы выбросить. На процессе ему, конечно, никто не поверил. Привлеченные прокуратурой эксперты по баллистике установили связь между двумя убитыми солдатами и этим карабином, объяснив, что пули, убившие бойцов, были выпущены точно с того места, где находился ДжейСи.

«Абсолютно неопровержимая улика», сказал обвинитель. «Мы взяли его буквально с дымящимся стволом в руках».

«Ох, блин», сказал Иисус.

Хотя никто из детей не подтвердил факта развратных действий, сделать уже ничего было нельзя: Иисус откровенно признался, что они выращивали марихуану, заверив, правда, что исключительно для личного употребления. Но судья не поверил, что такое количество было предназначено только для личного пользования, и оставил обвинение в силе. Обвинение в итоге свелось к развратным действиям в отношении несовершеннолетних, торговле наркотиками и, не в последнюю очередь, к преднамеренному убийству государственных служащих. Техасским присяжным понадобилось всего четыре часа, чтобы признать его виновным в торговле наркотиками и убийстве. «Убийство государственного служащего при исполнении им своих обязанностей» - так сформулировал судья, а это – тяжкое преступление.

Несмотря на это, многие «серьезные» издания – *Вашингтон Пост*, *Нью-Йорк Таймс*, а также *Гардиан* и *Индепендент* в Англии – ставили в своих статьях под сомнение мотивы и способы проведения операции спецслужбами и даже утверждали, что ответственность за трагические события 8 декабря лежит на них. ДжейСи хранил эти газеты не потому, что надеялся найти в них какие-то смягчающие обстоятельства, которые позволили бы ему рассчитывать на помилование. Нет, просто в этих газетах были фотографии его друзей: снимок Бекки, которую выводят из зала в наручниках, хорошая фотография Моргана, с ухмылкой бьющего по тарелке, сделанная пару лет тому назад на сцене (*Где это, черт возьми, было?* спрашивает себя Иисус), фото Криса рядом с Иисусом у бассейна в Эл. Эй. Снимок еще молодого Боба в полной форме, стоящего со сложенными на груди руками на фоне вертолета. Даже фотография Гуса и Дотти, которые задохнулись во сне, когда дым просочился к ним в комнату под дверью и лишил их сознания еще до того, как они узнали, что произошло. Фото Стивена Стелфокса в качестве иллюстрации целого ряда данных им интервью, в которых он называл Иисуса «безумным, больным человеком» и обещал общественности «из уважения к погибшим» никогда не опубликовывать музыку, записанную ДжейСи и его группой.

Все это имело и положительную сторону: во время процесса ДжейСи удалось убедить всех, что он один несет ответственность за произошедшее, что Бекки, Крис и Морган стали жертвами его «исключительной харизмы» по формулировке их адвокатов и соответственно не могли быть привлечены к суду за совершенные ими поступки. Конечно, это было нелегко, и понадобились значительные усилия и мастерство адвокатов, прежде, чем Бекки, Крис и Морган согласились играть в эту игру. Тем не менее, Крис получил шесть месяцев срока за неуважение к суду, после того, как назвал судью «вонючим праворадикальным нацистским ублюдком». Он отсидивал свой срок в другой тюрьме, где-то к северу отсюда. Иисус надеялся, что у него все хорошо, и, несмотря на ранение в плечо, он снова скоро будет играть на басу. А вот Морган продал свою историю о жизни в «секте» бульварной газете, где утверждал, что его заставляли принимать участие в «ритуалах инициации», «промывали» ему мозги и все такое. Чуваки, это было весело! Хорошо бы старый добрый Морган огреб за это кучу денег и был счастлив там, где сейчас находится. Может, все-таки лучше бы подняться до Н, чем переходить на Е...

«Эй, ты».

Иисус поднимает взгляд от газет. Это Томми, охранник, который сначала третировал его и сообщил с противной усмешкой, что здешние узники обычно сходят с ума. Томми не был исключением: охранники верили тому, что читали в газетах. Сейчас Томми относится ДжейСи хорошо. И большинство других охранников тоже. Если долго находишься вблизи Иисуса...

«Как дела?»

«Хорошо, Томми. Как у тебя? Как твоя малышка? У нее же была ветрянка».

«Она уже выздоравливает. Слушай, к тебе пришли...»

«Пришли? Мне же запрещены свидания, так?»

«Так. Но в последний момент пришло разрешение. Это противоречит инструкции, но губернатор решил приподзакрывать глаза, учитывая твою предстоящую...ну, ты знаешь, что я имею в виду».

«Вау. И кто это? Нет, не говори. Пусть это будет небольшим сюрпризом».

Он идет в наручниках по голому коридору в комнату свиданий. Дверь открывается, и широкая улыбка освещает лицо Иисуса, когда он видит девушку, бегущую к нему с распростертыми объятиями.

«Бекки», говорит он.

Глава 2

«Они вели себя со мной, как с преступницей, постоянно допрашивали. И мальчиков тоже – детские психологи и Бог знает, кто еще, испробовали все, что только можно, чтобы вытянуть из малышей, что к ним плохо относились. Свиньи. Три месяца я не видела детей, сначала их поместили в детский дом, а потом отдали приемным родителям. Дэнни говорит, что в приюте было ужасно, а в приемной семье к ним относились хорошо. Просто... все эти годы, когда я пила и принимала наркотики... дети оставались со мной. А потом, когда ты трезвая и чистая, работаешь и ведешь здоровый образ жизни, они вдруг приходят и... твое собственное правительство. Понимаешь?»

«О да, я понимаю», Иисус улыбается. Бекки смотрит на него заплаканными красными глазами, на его оранжевый тюремный комбинезон, и тоже пытается улыбнуться. Она снова сморкается.

«На следующей неделе я навещу Криса».

«Да? Передай толстяку привет от меня. Черт, ведь он так похудел. Я надеюсь, он снова не наберет вес».

«Я бы раньше к нему поехала, но это далеко, а у меня денег на бензин не было. Ты знаешь, что все наши счета еще заморожены?»

«Послушай, Бекки, ты же слышала, что Морган продал свою историю...»

«Этот подонок. Если я...»

«Почему бы тебе не сделать то же самое?»

«Ты с ума сошел? Этот лживый...»

«Нет, серьезно. Попробуй. Если тебе нужны деньги, бери их там, где возможно».

«Чтобы они все переврали и выставили тебя психопатом и...»

«Бекки... ну, и что? В газетах пишут только полную ерунду. Не будь так строга к Моргану. Наверное, ему были нужны деньги. Послушай... я хочу, чтобы ты с ним встретила и...»

«Никогда в жизни я с ним рядом даже срать не сяду...»

«Найди его и скажи, что между нами все в порядке. И что я его люблю. Обещай мне, Бекс».

«Фак. Я... хорошо. Обещаю».

«Хорошая девочка».

Пауза. Бекки теревит бумажный платок, не смотрит на него и говорит: «Я хочу спросить тебя кое что, ДжейСи. Почему мы никогда не были вместе?»

«А?»

«Ты никогда не приставал ко мне».

«Ну, мы же были друзья».

«Да ладно. Ты даже в самом начале не пытался, когда мы друг друга почти не знали».

«Ну, тогда ты была не в лучшей форме. И ты всегда мне слишком нравилась, понимаешь?» Он смотрит на нее, улыбаясь. «А для меня всегда было ясно, что все закончится приблизительно вот так. Было бы нечестно с моей стороны затевать с тобой что-то серьезное. А еще я должен был думать о детях. Для них было бы еще тяжелее, если бы мы...»

«Ты думаешь, им сейчас легче?»

«Что ты им рассказала?»

«Майлсу я сказала немного. Он думает, что ты просто уехал. А Дэнни... Дэнни уже большой, чтобы читать газеты. Он знает. Он ничего не сказал. Но он знает. Оба ждут меня у входа».

«У входа? Почему ты не взяла их сюда с собой?»

«За все время, которое я тебя знаю, у меня, по-моему, не было и пяти минут, когда я была бы с тобой наедине. Девочка не имеет права на пару прекрасных минут?»

Они держат друг друга за руки и сидят, молча, рядышком на скамейке, а охранник Томми читает на тактичном расстоянии в другом конце комнаты под большими часами газету. Проходят минуты. Иисус чувствует, что дыхание Бекки учащается, и она старается сжать его руку немного крепче, пытаясь что-то сказать. Они закончили обмен новостями, все обговорили. Они молчат. Наступает время самой важной темы.

«Тебе страшно?», спрашивает, наконец, Бекки.

«Нет, Бекс».

«Но что будет, когда...когда...я...» Она плачет.

«Шшшш...не надо».

«О, Боже. Я не могу вынести мысли, что они сделают тебе больно». Она теряет силы и опускает голову ему на колени, сотрясаясь в рыданиях. Он берет ее голову в руки, гладит мокрое лицо, светлые волосы падают на нее, Бекки вдыхает его запах, хочет забрать в легкие как можно больше воздуха, чтобы сохранить в себе навсегда его частичку. Ее воспаленные глаза и блестящие щеки прекрасны даже в холодном неоновом свете.

«Послушай, Бекки, в ту же секунду, когда это произойдет, все, из чего я состою, полетит через вселенную, и я снова окажусь дома».

«Господи. Как бы я хотела верить, чтобы все будет именно так».

«Ах, моя прелесть», смеется Иисус. «Как же хорошо, что Отца совершенно не интересует, верит в Него кто-то или нет».

«Осталось пять минут, ребята», тихо говорит Томми.

«Хорошо, хорошо, хорошо». Бекки вытирает слезу и еще раз сморкается. «Я приведу их. Послушай, давай мы...»

«Да, мы ничего не будем им говорить».

Глава 3

В тот же день вечером они приходят к нему в камеру: Томми и молодой охранник, кажется, Фил. У Фила в руках ручка и блокнот. «Что случилось, ребята?», спрашивает Иисус.

«Мы должны принять у тебя заказ», говорит Томми, «на твой...э-э-э...обед».

«Ох, правда». Он понимает, что ситуация для обоих не очень комфортная. «Знаете, что, чуваки, мне ничего не надо. Почему бы просто не заказать столько еды, сколько мне полагается – пиццу, цыпленка, все равно, что - а кто-нибудь пойдет и раздаст все это бездомным, которых найдет?»

Томми и Фил смотрят на него. «Серьезно?», говорит Томми. «Я не думаю, что это разрешат».

«Окей». Он долго размышляет, скребет себе подбородок. «В этом случае...я хотел бы баба гануш».

«Что?», спрашивает Фил.

Иисус повторяет. Фил смотрит на Томми, ничего не понимая.

«Я произнесу по буквам», говорит Иисус. «Б-А-Б-А-Г-А...»

«Бабагануш?», повторяет Фил и медленно записывает.

«Точно. Это арабская еда. С питой и, может быть, немного оливок? Это было бы здорово».

«Блин, ни разу о такой еде не слышал», говорит Фил. «Большинство заказывают цыпленка или бургер и все такое».

«Да? А что, многие вообще способны есть в таком состоянии?», говорит Иисус с нескрываемым интересом и расслабленно облокачивается на решетку двери. Он разговаривает с ними, как будто его вообще ничего не касается, а охранники просто зашли поболтать. *Блин, думает Томми, он либо абсолютный чемпион мира по самообладанию, либо пытается отодвинуть от себя страшные мысли. Но, когда в итоге до него дойдет, он слетит с катушек.* Правда, Томми надеется, что ДжейСи будет держаться до конца с таким же достоинством, как и до этого.

«Они пытаются», говорит Фил. «Однажды я видел одного, детоубийцу, да еще и мерзавца, каких мало...»

Томми бросает на него строгий взгляд, и парень закрывает рот. Но ДжейСи улыбается и говорит: «Нет, нет, продолжай. Мне интересно. Все в порядке, Томми».

Томми кивает, и Фил рассказывает дальше. «Ну, вот, это тип заказывает стейк медиум с шашлычным соусом, жареного цыпленка, ребрышки на гриле, картошку фри, луковые колечки, жареную картошку с луком, нарезанные помидоры, салат с тexasским соусом, два охеренных гамбургера, пирог с персиками, молоко, кофе и чай со льдом». Фил смеется, а Томми, ухмыляясь, качает головой.

«Блин», говорит ДжейСи и смеется вместе с ними.

«Ну, вот, он успел сожрать половину, когда...уаааа-аааа-а! - из него забил настоящий фонтан».

«И все-таки», говорит Томми, чтобы сменить тему. «Эта арабская хрень не кажется мне таким уж лакомым кусочком. Ты уверен, что больше ничего не хочешь?».

«Знаешь, Томми, есть одна вещь, о которой я действительно мечтаю...»

Глава 4

На следующий день после обеда светит солнце. Начало апреля, первый по-настоящему весенний день, который в этом году переживает Техас. ДжейСи и два охранника, Алан и Герман, сидят в другой камере другой тюрьмы, третьей, которую он видит за последние четыре месяца изнутри. Они проехали сорок миль сегодня утром, ДжейСи в наручниках, в бронированном автобусе, снова с крошечным зарешеченным окошком, через которое был виден кусочек грязного неба, которое за время полуторачасовой поездки поглубело. Он понимает, почему они все делают так, как делают: снова новые охранники. Охранники, у которых еще не было возможности поближе с ним познакомиться.

Это Хантсвилль.

Самая старая тюрьма штата, построенная в 1849 году.

Последняя инстанция тexasского правосудия.

Солнце бросает большой прямоугольник света на бетонный пол между Иисусом и охранниками. Кажется, добрый старый Томми сумел для него здесь кое-что организовать, потому что Иисус положил босые ноги на стол и брэнчит на старой дешевой акустической гитаре. Он попросил их оставить его ненадолго одного, чтобы дописать свою песню. Но они отказали ему из-за струн. «Ведь ты можешь воспользоваться ими по-другому и лишить налогоплательщика его неотъемлемого права, сам понимаешь, на что», сказал Герман.

Баба гануш была большей проблемой, чем казалась на первый взгляд. Она не входила в репертуар кухни Хантсвилля. На двадцать миль в округе не было никого, кто мог бы ее приготовить. Поэтому ДжейСи спросил охранников, какую еду они предпочитают. Конечно, они возражали. Но Иисус заметил, что хорошим ребятам из Техаса не повредит немного барбекью, и заказал огромную кастрюлю с жареными крылышками и свиными ребрышками со всеми возможными соусами и гарнирами.

«Вы уверены, что ничего не хотите?», спрашивает, как раз, один из охранников и берет себе еще один кусок цыпленка. ДжейСи только качает, улыбаясь, головой и говорит: «Эй, ребята, а это вы знаете?» Он ударяет по струнам А-мажор и играет “Johnny 99” Спрингстина. Оба охранника слушают. Они жуют, засунув салфетки за воротники формы, и слушают маленький приватный концерт. ДжейСи наслаждается игрой на гитаре, которую столько месяцев не держал в руках. Его Мартин они так и не выкупили из ломбарда в Демократии – он надеется, что гитара попадет в хорошие руки и доставит радость новому владельцу - а эта гитара – дешевка из супермаркета. «Для туристов у костра», сказал бы Крис, «потому, что горит хорошо». Струны уродины лежат слишком высоко, но сыграть что-нибудь несложное можно. А акустика здесь из-за голых стен будь здоров! Странное это дело – игра на гитаре: если долго не играть, наступает настоящая ломка. Иисус поет последнюю строфу про то, как они обрили его наголо, прежде чем казнить. Он берет последний аккорд и почти дает ему затихнуть самому по себе, в последний момент заглушая его всей ладонью. Алан и Герман таращат глаза. Шашлычный соус блестит у них на губах.

«Вот блин», говорит Алан.

За спиной Иисуса раздается тихий шорох и бряцание ключей в замке. Он оборачивается и видит директора тюрьмы в сопровождении двух других охранников и

мужчины с чемоданчиком, которого ДжейСи принимает за врача. Рядом с ним стоит капеллан.

«Пора», говорит директор.

Глава 5

Шесть часов.

Последняя инстанция.

Дом смерти.

Меньше по размеру, чем он думал, а народу больше. Он заходит туда вслед за директором. Три на четыре метра, меньше камеры, которую он только что покинул. Посередине стоят носилки, занимающие почти всю комнату. Они большие: серебристый металл, белый вспененный коврик и толстые коричневые ремни с серебристыми застежками. Пять человек стоят вокруг носилок, одни смотрят на Иисуса, другие отворачиваются, смотрят в пол или возятся с застежками. Иисус понимает, что каждый из них отвечает за определенную часть носилок, которые соответствуют частям его тела: рукам, ногам, голове. Все думают только об одном: только бы этот тип не сопротивлялся, и все бы прошло гладко.

Директор занимает свое место у изголовья носилок, а другой мужчина рядом с ним – постарше, плотного телосложения с серебристыми волосами – говорит ДжейСи: «Садись сюда, сынок, головой к этому концу, а ногами – туда».

«Понятно», говорит ДжейСи.

Большинство сотрудников в этой комнате принимали участие, наверное, в сотне казней. Они видели людей, которые плакали. Видели людей, несущих полный бред или горланящих песни. Людей, у которых сердце билось так сильно, что его можно было увидеть под рубашкой. Но еще никогда они не видели настолько спокойного человека. Им нужно всего тридцать секунд, чтобы привязать его, разведя руки широко в стороны. Иисус вспоминает, что ему однажды уже приходилось принимать похожую позу, тогда, на этом холме, еще не так давно. *Ну, что ж, думает он, по крайней мере, я лежу на мягком коврике. Прогресс, как ни крути, хотя по сути ничего не изменилось. Атавизм.* «Спасибо», говорит он мужчине, который пристегивает его левую ногу. Охранник пытается улыбнуться и даже обозначает легкий поклон, когда выходит со своими коллегами из комнаты. Всю оставшуюся жизнь этот мужчина будет вспоминать Иисуса, поблагодарившего его за то, что он привязал его к носилкам для казни.

Люди, пристегнувшие его, уходят из комнаты, а им на смену приходят двое других, которые быстро берут его за руки и протирают спиртом сгибы на локтях. Врачи. Как-то наркоманы сказали Иисусу, что у него «хорошие» вены, поэтому врачам нужно всего две минуты, чтобы вставить два катетера, по одному в руку. Прозрачные пластиковые шланги идут вдоль носилок и исчезают в стене справа от него. На стене, куда уходят шланги, висит большое зеркало. Иисус представляет себе этого бедного малого, который сидит там внутри, разминает пальцы и готовится открыть краны. *Интересно, у него руки дрожат?* спрашивает себя Иисус. *Или для него это обычный день?* Ему трудно повернуть голову. Но он чуть-чуть поворачивается к зеркалу и улыбается в надежде дать понять этому мужчине, что не держит на него зла. В конце концов, как пел Дилан – «он всего лишь пешка в игре». Как и те солдаты, что убивали и умирали в холодной тexasской грязи.

Потом он смотрит через свои ступни на большое окно из плексигласа, за которым находится комната для зрителей. «Господин директор...», говорит Иисус. Сейчас в комнате остались только ДжейСи, директор тюрьмы и капеллан. «Могу я узнать, кто эти люди?»

«Вдовы и родители трех убитых солдат, пресса и представители ФБР и БАТО», тихо отвечает директор.

Иисус смотрит, как они занимают места, и некоторые пододвигают стулья поближе к окну. Журналисты держат в руках блокноты. Одна из женщин – молодая симпатичная блондинка – смотрит на него с нескрываемой ненавистью. Пожилая пара плачет, держась за руки. Позади в дорогих черных костюмах и галстуках стоят с серьезными лицами Стэн Тоуз и Дон Гербер. Иисус вспоминает их высказывания на процессе, фразы о

«достаточности оснований», «поводах предположить» и «необходимости применения силы». И вот слово берет директор, чей голос звучит громче и официальнее, чем раньше: «Вы желаете сказать последнее слово?».

ДжейСи видит, как на шнуре опускается микрофон. Он смотрит на настенные часы стене: 6 :11. Не прошло и десяти минут, как они вошли в эту комнату. Он размышляет довольно долго о несправедливости, жестокости и всемогущем долларе. О религиозном фанатизме и балладах. Об эго, тщеславии и политике. Об обычных вещах, из-за чего здесь подобное и происходит. Иисус смотрит на скорбящие и полные ненависти лица и говорит спокойным голосом: «Когда истина в этом деле будет установлена, не корите себя слишком сильно. Вы...знаете...в Библии по большому счету написана полная ерунда, но сейчас я не могу сказать по-другому: Люди... не ведаете, что творите. Постарайтесь...», он улыбается, «просто, *быть хорошими!*». Он смотрит на директора и кивает.

Директор смотрит на зеркало и снимает очки.

Знак.

За зеркалом открывается первый кран и пентонал натрия течет по прозрачному шлангу в направлении левой руки ДжейСи. Когда тяжелый седатив начинает действовать, он вспоминает, как пару раз в своей жизни пробовал героин. Это было в номере гостиницы, кажется, в Сан-Франциско. В этой гостинице, где обычно останавливаются все группы. «Феникс»? Он сидел на корточках с каким-то басистом в душевой кабине, и тот сказал ему: «Если Бог создал что-то лучше героина, то, наверное, припас это только для себя». И ДжейСи подумал, что в этом что-то есть, но, с другой стороны, не совсем верно, ведь героин – это производное морфина, а морфин – болеутоляющее. А зачем нужно болеутоляющее там, где нет боли? Опять же, с другой стороны, даже если тебе не надо употреблять что-то по прямому назначению, это совсем не означает, что ты не можешь с его помощью попытаться расширить сознание. И кто, кстати, сказал как-то, что Бог оставил на планете наркотики, чтобы ускорить эволюцию? И вообще, слетали бы мы без них на Луну? Обрывки миллионов фраз из бесед, которые он вел здесь внизу за время своего пребывания, заполняют его мозг, а тело готовится к смерти. Остальные краны уже открыты, и два других компонента этого смертельного коктейля текут в его правую руку: сначала бромид хрома, мышечный релаксант, отключающий легкие и диафрагму, и, наконец, хлорид кальция, яд, останавливающий сердце. А потом приходит что-то, нет – не избитое клише, что вокруг тебя в комнате собираются люди, которых ты когда-то знал: это ощущение...погодите, это просто *боль*.

Господи, *какая боль*. Даже оглушенный седативом, он чувствует, как соль брома разъедает его легкие, сердце, селезенку. Все разрушается, разжижается, как будто его тело превратилось в желчный пузырь. Кислота. Такое ощущение, что кислотой накачали каждую щелочку ткани. Он пробует кричать, но не может, все еще в сознании, чтобы чувствовать свою агонию и вместе с тем слишком глубоко в колоде с седативом, чтобы иметь возможность что-то предпринять – как будто это - кошмарный сон, когда видишь себя спящим в комнате и не можешь проснуться. Он чувствует, что в его животе что-то рвется, разрушается, растворяется в самом себе. И вдруг он понимает – это чувство было ему незнакомо – что хочет жить, хватаясь за последнюю соломинку своего бытия. Яркий свет ламп, опущенная голова директора тюрьмы и черный микрофон, как отвратительное насекомое – он пытается кричать, но чувствует, как бронхи наполняются кровью и жидкими тканями. Он вдыхает свои собственные разъеденные легкие и чувствует страшную, страшную боль. И вдруг, он распадается на миллиарды атомов, каждый атом – крошечная копия его самого, и...

Глава 6

...и эти миллиарды крошечных частиц летят через пространство и время. И очень скоро они снова соединяются, как металлическая стружка, летящая к магниту. Такое ощущение, будто он пришел в себя после короткого обморока. Он кричит, падая в объятия своего Отца, который говорит: «Спокойно, сын мой, ты со мной». Он произносит эти слова довольно громко, чтобы его было слышно сквозь шум аплодисментов, восторженные выкрики и свист.

«Фак!», говорит ДжейСи. «Проклятье».

«Добро пожаловать домой», шепчет ему на ухо отец и прижимает его к себе, а аплодисменты, ликование и свист не утихают. Они – в большом конференц-зале, украшенном для банкета. Тяжело дыша и потея, как будто только что проснулся после ночного кошмара, Иисус видит Джинни и Лэнса, и Джими, и Петра, и Андрея, и всех остальных святых, и других. И вот тебе раз: в самой середине толпы стоят Пит, Клод и Боб, одетые в какие-то дурацкие *тоги*.

«Блин», говорит Иисус и гладит себе грудь, «как это было *больно*, старик».

«Кончай причитать», говорит Бог и нежно похлопывает его ладонью по щеке. «Смертельная инъекция – просто легкая прогулка. Блин, тебе повезло, что они не казнили тебя в Вирджинии или Алабаме. Там до сих пор используют электрический стул. И вот, что я тебе скажу...у тебя волосы на мошонке встали бы дыбом. А ты жалуешься на какой-то укольчик. Что подумает твой друг? Человек получил три автоматных очереди в жопу, но вошел сюда, как мужчина...».

«Ах, дай малышу отдышаться», говорит Боб и выходит вперед.

Приблизительно в это самое время, секунд тридцать спустя после его возвращения на небо, один из сотрудников в Хантсвилле с листком бумаги в руке заходит в тюремный морг. Он держит свидетельство о смерти ДжейСи. В графе «ПРИЧИНА СМЕРТИ» записано: «Смертная казнь в связи с вынесенным приговором». Сотрудник по имени Джим Бейкер – человек, которому придется провести остаток недели, давая показания полиции и отвечая на вопросы журналистов – берет за ручку металлического ящика и тянет его на себя. Но в ящике, где должен был находиться трехдневный труп Иисуса Христа, на момент смерти снова тридцати трех лет от роду, ничего нет.

«Боб», говорит ДжейСи и обнимает его. «Что за хрень с этой тогой?»

«Вы только послушайте победителя конкурса красоты среди заключенных 1982!», кричит Лэнс и с отвращением ощупывает тюремный комбинезон ДжейСи.

«Я решил устроить вечеринку в тогах по поводу твоего возвращения», говорит Бог и протягивает Иисусу большой кусок белого полотна. Тот снимает комбинезон и под свист собравшихся облачается в тогу.

«А мне нравится, старик», говорит Боб, оглаживая свой наряд. «Все эти годы там внизу в М-65...»

Странно, и вместе с тем, так замечательно слышать Боба, когда он говорит целыми предложениями.

«Эй, завсегда таи вечеринок, понеслась!», кричит Андрей и стреляет пробкой довоенного шампанского. Иисус замечает, что в серебряных ведерках со льдом, на длинном столе для переговоров таких бутылок еще до хрена. Тут же накрыт и шведский стол во всем изобилии: деликатесы, среди которых огромный лосось на блюде с огурцами, нарезанными так, что выглядят, как рыба чешуя, и много фруктов – дыни, манго, ананасы и персики. А в центре стола стоит большой медный таз с чем-то, напоминающем клубничный пунш. *Блин, фрукты на Небе, ну, вы понимаете.*

«И...какая программа?», спрашивает Иисус.

«Ну, сначала...», говорит Бог, выдыхая и протягивая Своему сыну огромный косяк, который Он как раз прикурил, а Андрей передает запотевший бокал ледяного шампанского, «...давай жажнем».

«Да?», говорит Иисус, и тут врубают музыку. За пультом в углу он видит Петра, который ставит на вертушку что-то из хип-хопа.

Вечеринка набирает обороты, музыка становится громче. Все танцуют, когда к Иисусу подходит Пит и обнимает его. «Я чуть с ума не сошел, когда наблюдал за процессом», говорит он.

«Тебе что, не был по барабану этот отвратительный спектакль?», спрашивает Иисус.

«Нет», говорит Пит. «Нет, не так, я просто не могу понять, что никто из вас, идиотов, не додумался до этого».

«Не додумался до чего?»

Пит объясняет ему. Иисус бьет себя рукой по лбу, и начинает пробивать дорогу сквозь толпу гостей к Богу. «Слушай, пап, поддержи. Мне нужно кое-что доделать там, внизу. Вернусь через пять–шесть секунд нашего времени». Иисус смотрит на свое запястье, но часов там нет. «Сколько прошло с момента моего возвращения?»

Бог зажимает зубами косяк во рту и бутылку шампанского подмышкой. Он бросает короткий взгляд на свой «Таймекс». «Так, ты здесь минуты две... Я не знаю. Пара недель?»

«Блин. Окей. Я скоро буду».

«Не задерживайся», говорит Бог.

Все хлопают его по плечу, когда он пробирается через толпу, какая-то девица ущипнула его за зад. Он видит две пары ног, которые торчат из-под стола с закусками и, проходя, приподнимает скатерть: Гус и Дотти, без сознания, в окружении пустых бутылок из-под шампанского. Рано начали.

Глава 7

Маленький город в Огайо. Ранним утром улицы пусты, за исключением двух мальчишек, которые едут на велосипедах, зажав удочки подмышками. Их беззаботная болтовня затихает, когда они замечают незнакомца, идущего им навстречу по дороге в странном прикиде.

«Привет, ребята», говорит Иисус. «Андерсоны живут на этой улице?»

«Э-э-э, кто?»

«Андерсоны. Пожилая пара, у которых сейчас живут двое мальчиков». Один из мальчишек внимательно смотрит на ДжейСи и о чем-то размышляет. «Майлс и Дэнни», говорит Иисус. «Дэнни примерно одного с вами возраста».

«Ах, Дэнни», говорит мальчик. «Да, мистер. Отсюда это третий дом по левой стороне. Там еще стоит красный пикап».

«Спасибо», говорит ДжейСи. «Пока».

«Извините, мистер», говорит другой мальчик, и Иисус поворачивается к нему. «Мне кажется, я видел Вас по телевизору».

«Да, раньше меня показывали», усмехается Иисус.

Двое мальчуганов тоже несколько недель подряд будут отвечать на вопросы журналистов.

Дэнни трет кулаками глаза, просыпаясь. Инстинктивно он говорит «мама?», но потом узнает Иисуса, сидящего у него в ногах на кровати. Его рот превращается в маленькую букву «о».

«Привет, дружище», шепчет Иисус. Он заметил внизу на кухонном столе газеты: все с его фотографиями.

Дэнни не издает ни звука.

«Все в порядке, Дэнни. Ты не должен бояться».

«Я не боюсь», говорит Дэнни.

Иисус не торопит события, просто сидит, улыбаясь, и молчит. «Как у тебя дела, старший брат?»

«Нормально».

«Да? А как в школе?»

«У нас строгая учительница, миссис Дуглас».

«Напрягает вас?»

Что-то шевелится в детской кроватке в другом конце комнаты, и к ДжейСи подходит маленький, теплый, заспанный малыш. «Дядя Иисус?», спрашивает Майлс. ДжейСи поднимает его и сажает себе на колени. «Ты одет в платье!»

«Ну, да, похоже. Это называется тогой. Потому, что я как раз с вечеринки. Сбежал оттуда ненадолго, чтобы с вами повидаться».

«Но ведь ты умер», говорит серьезно Майлс.

«Майлс!», говорит Дэнни.

«Ой...», говорит Майлс, догадываясь, что сказал что-то не совсем удачное.

«Я...просто...ты же больше не живешь».

Иисус смеется над таким эвфемизмом. «Правильно. Я больше не живу здесь внизу с вами. Я живу на небе. Прямо как вы с мамой у бабушки и дедушки. Как вы с ними ладите?»

«Дедушка берет нас с собой играть в боулинг!», говорит Майлс.

«И все время покупает нам сладости», добавляет Дэнни. «Слишком много, говорит мама».

«Как дела у мамы?»

Мальчики смотрят друг на друга. «Она часто плачет», говорит Дэнни.

«Все время», добавляет Майлс, кивая головой.

«Правда?», говорит Иисус. «Ну, давайте посмотрим, что мы можем сделать...»

Дети воспринимают невероятные вещи гораздо проще, чем взрослые, и, естественно, первая реакция Бекки – закричать. Он нежно прикрывает ей рот ладонью.

«Шшшш... Бекки, все хорошо. Это я». Она прерывисто дышит и широко раскрывает заспанные глаза, забившись в угол своей кровати в комнате, в которой, как предполагает Иисус, провела свое детство. На выцветших обоях – прямоугольники с дырками по краям, где раньше висели постеры. Стопка постеров лежит на полу, сверху – плакат с первого диска группы Hole, рядом старые фотографии и CD: Lemonheads, Smashing Pumpkins, Mudhoney. Она разбирала старые вещи. *Признак депрессии*, думает Иисус.

«Бекс», шепчет он, «сейчас я уберу руку, хорошо? Не бойся, окей? Доверься мне». Он медленно убирает руку.

«Я сплю», говорит она.

ДжейСи качает головой. «Это я. Здесь...». Он берет ее руку и кладет себе на грудь. Она чувствует теплое тело под тонким льняным полотном и спокойное биение его сердца.

«Как это возможно?», говорит Бекки.

«Э-э-э... с технической точки зрения? Это сложная вещь. Я сам все до конца не понимаю. Как у тебя дела, Бекс?». Он гладит, улыбаясь, ее лицо.

«Я...не особенно». Она улыбается через силу. «Я почти начала пить снова». Она борется со слезами. Иисус кивает. «Нет, я не пью, но...просто...те несколько лет, когда мы все были вместе... то, что мы делали, нет, не после шоу, а раньше, там, в Нью-Йорке? У меня было чувство, мне казалось, что...»

«Что у тебя был смысл жизни?»

Она кивает, и по щеке катится слеза.

«Он есть у тебя и сейчас». Он придвигается ближе, берет ее лицо в ладони. «У меня есть кое-что, что тебе поможет. Задание».

«Задание?», переспрашивает она и вытирает слезы.

«Да, я встретил Пита и...»

«Пита?»

«Дома. Ну, ты понимаешь...». Он показывает подбородком на потолок. «Неважно, помнишь, Бекс, когда мы установили на ферме ветряки? Ты знаешь, у нас были проблемы, и этот тип с фирмы, которая нам их поставила, хотел обязательно получить полную информацию о вращении лопастей, чтобы понять, когда они вырабатывают энергию? Помнишь? Пит тогда этим всем занимался».

«Да». Бекки задумывается, ее мозг работает медленно, как те самые лопасти жарким безветренным летним днем. Она вспоминает, как стояла рядом с Питом и этим фирмачом у цоколя огромного ветряка. Фирмач установил там...»

«Дошло», говорит ДжейСи с широкой ухмылкой на лице.

«Блин, я – полная идиотка!», говорит Бекки. «Как я могла такое...?»

«Эй, хватит наговаривать на себя», говорит ДжейСи. «У тебя была душевная травма. Рано или поздно ты бы вспомнила. Да, кстати, с Моргсом ты, конечно, не встречалась, так?»

«Нет, я...»

«Блин, Бекс. Ты мне обещала. Он понимает, что совершил ошибку, опубликовав эту историю. Но я уже говорил тебе, он не подумал, и ему, наверное, были нужны деньги и все такое».

«Как будто бы мне деньги помешали», говорит Бекки и показывает на свою комнату.

«Постарайся, Бекс. Прости ему. Как я ему простил. Блин, да здесь и прощать нечего. Съезди к Моргану и скажи, что ты меня видела...»

«Он мне никогда в жизни не поверит».

«Я мог прийти только к одному из вас. Тебе это нужнее. Скажи ему, что видела меня. Поезжайте туда, взломайте ворота, если необходимо. Кстати, это может быть очень денежным проектом...»

«Я сплю», снова говорит Бекки.

«Ну, а теперь», говорит Иисус, «пододвинь свою красивую попку сюда, и мы посмотрим...»

Глава 8

На Небе гуляли до утра. И Вы, конечно, понимаете, что никто не празднует так широко, как Бог. Большой медный таз с клубничным пуншем оказался на поверку натуральным суперсильным MDMA из личных запасов шефа. Этот «экстази» был настолько хорош, что Он действительно оставил его для себя. Штуковина за полчаса отправляла всех желающих на Луну и оставляла там часов на шесть с гарантией мягкой посадки. Они танцевали на столах, опустошали бар, который волшебным образом восполнялся сам собой, ведь на Небе никому и в голову не придет бежать в ночной магазин, и пели до хрипоты. В итоге Иисуса носили на руках под «I Am The Resurrection» группы The Stone Roses, и все клялись друг другу в любви.

На рассвете Иисус лежит на мешке для сидения и ведет беседу о смысле жизни с довольно разномастной публикой: Биг Боб, Джон Белуши, Ганди, таксист по имени Макс, бывший британский премьер Невилль Чемберлен, сестры Бронте (класные, класные телки, старик) и Дин Мартин. Мартин как раз рассказывает о какой-то оргии, в которой принимал участие. А Чемберлен, у которого не пошел «клубничный пунш», говорит: «У меня в глазах темнеет...», когда к ним подходит Бог и берет Своего сына под руку.

«Есть минутка?»

Они идут, покачиваясь, по коридору в офис Бога, где сквозь щелки в плотных занавесках тут и там пробивается солнечный свет. На одном из шезлонгов перекачивается парочка.

«Ребята», говорит Бог, «другого места не нашлось?»

Иисус падает в кресло напротив письменного стола Бога – зевая от усталости, но счастливый - а его отец подходит к маленькому шкафчику за Своим креслом и достает бутылку хорошего скотча. *Очень* хорошего скотча. Разлива 1889 года.

«Что случилось, пап?»

«Я подумал, что мы можем выпить с тобой по последней и обсудить текущие дела», говорит Бог и протягивает ДжейСи хрустальный бокал со столетним односолодовым виски. Он закуривает гигантскую «Кохибу», садится рядом со Своим сыном и нажимает на пульт дистанционного управления. Вспыхивают экраны мониторов на стене. Оба откидываются на спинки кресел, чтобы посмотреть последние земные новости, ведь с начала вчерашней вечеринки на земле минуло около тридцати лет.

История раскрутилась по-настоящему, когда пропал труп Иисуса из подвала в Хантсвилле. Теория заговора и все такое. Коллапс в интернете. Все по полной программе.

И его друзья внесли свою посильную лепту.

Бекки и Моргс проникли на заброшенную, сожженную ферму недалеко от Брантсвилля и забрали жесткий диск из цоколя ветряка с записями цифровой камеры, установленной в центре ротора. Как Пит и предполагал, камера была направлена прямо на усадьбу и запечатлела все это свинство. Запись была безупречного качества и вносила полную ясность в произошедшее: был снят вертолет, стреляющий из крупнокалиберного пулемета и превращающий усадьбу в руины, ДжейСи, разоружающий Реннета и отбрасывающий в сторону карабин, танк, плюющий пламенем из огнемета в деревянный дом, где укрылись женщины и дети. Эти кадры непрерывно показывали каналы новостей по всему миру, завершая сюжеты интервью с директорами ФБР и БАТО. Стэнли Тоуз из ФБР сказал: «Я категорически не принимаю обвинений в превышении пределов»

необходимой обороны». Дон Гербер из БАТО заявил: «Мы ни в коем случае не поджигали это здание».

Первым ушел в отставку Гербер.

Некоторое время спустя сложил с себя полномочия и Тоуз, а впоследствии покончил жизнь самоубийством.

Генерального прокурора уволили и возбудили уголовное дело для выяснения ее роли в поддержке преступной операции.

Бекки, Морган и Крис непрерывно давали интервью, участвовали в ток-шоу и были гостями в программе «Завтрак с Америкой». Бекки написала книгу воспоминаний о жизни с ДжейСи, которая стала бестселлером.

Повсюду продавались майки с надписью «БУДЬТЕ ХОРОШИМИ!» и наклейки на автомобили с тем же девизом.

Реакция Стивена Стелфокса была настолько поразительной в своей наглости, что Бог с сыном лишились дара речи. Он издал записанные в Техасе демо-версии, назвал Иисуса «современным народным героем Америки» и заявил, что в глубине души никогда не сомневался в его невиновности и гениальности. Он символично назвал альбом «The Vindication» – «Реабилитация». Пластинка занимала первое место в чартах тридцать две недели - только в Америке было продано пятнадцать миллионов альбомов – и стала одной из самых продаваемых в истории, что существенно увеличило и без того немалое состояние Стелфокса.

Просмотр сюжетов заканчивается, когда Бог вдруг восклицает: «Мать твою, ты только посмотри на это!». Он нажимает на паузу, увеличивает изображение Таймс Сквер и приближает зумом толстую женщину, спешащую куда-то во время обеденного перерыва. Иисус сначала не понимает, что так заинтересовало отца, пока не замечает у женщины цепочки на шее.

На цепочке висит кулон в виде шприца.

«Блин, ни хрена себе...»

И вот они уже корчатся от хохота, бьют себя по ляжкам, падают на пол и хватают ртами воздух, пока не появляется Лэнс со стопкой бумаг подмышкой. «Блин», говорит Бог и вытирает слезы. «Это нереально здорово. Честно, парень, было бы прикольно, если бы они убили тебя током. Тогда эта глупая корова носила бы на шее гребаный стул».

«Спасибо, дорогой!»

«О чем это вы раскудахтались, наседки?»

«Ах, эти люди. Им постоянно нужен кто-то, кому бы они молились, правда? Спасибо, Лэнс», говорит Бог и берет у него бумаги.

«Статистика на сегодняшнюю ночь», говорит Лэнс. «Если она Вам не понравится, ну, тогда я не знаю. Малыш поработал на совесть. Ну, пока, девушки. Я пошел в свою уютную постельку. К сожалению, один».

«Пока, чувак», говорит ДжейСи Лэнсу, который закрывает за собой тяжелые двери.

Бог, на самом деле, обрадован и счастлив. Он любит статистику, ведь в душе он спортсмен. «Ну, что ж», говорит Он. «Число вновь прибывших увеличилось за последние полдня на 22,8 процента». Уместно напомнить, что полдня соответствуют приблизительно двадцати восьми годам на земле. «По оценкам Петра, этот показатель увеличится в ближайшие двадцать четыре часа еще на семь или восемь процентов. Кажется, маленькие засранцы действительно стали немного лучше...»

«Приятно слышать, что моя миссия не была потерянными временем».

«Нет, черт возьми, нет, мой мальчик». Бог смотрит на часы. «Рановато еще, чтобы... да, хрен с ним, давай позвоним коротышке».

Джинни взяла выходной, чтобы отдохнуть от вечеринки, как, собственно, и все остальные работники приемной. Поэтому Бог сам набирает три цифры, и огромный экран для видеоконференций вспыхивает, едва он нажимает на последнюю шестерку.

Раздаются гудки, и на экране появляется заспанный Сатана. Он одет в кимоно и сидит на краю кровати. «С добрым утром, дружище!», радостно приветствует его Бог. «Надеюсь, мы тебя не разбудили?»

«Отъебись», говорит Сатана. Что-то лежит у него в кровати, лошадь, вроде. «Что тебе нужно в такую рань?»

«Грех никогда не спит, дружище. Как у тебя с показателями?»

«Да, пошел ты...», говорит Сатана и зевает.

«С моей высоты я вижу, что дела у тебя идут не очень, твоя кривая идет вниз, вниз, вниз...»

«Да, да. Смейся, смейся, дурачок. Ничего еще не ясно. Это – марафон, а не спринт. В общем, я иду спать. Да, и почему бы вам не трахнуть друг друга в задницу? Тогда мы увидимся в аду».

«Да, ладно, не злись», говорит Бог. «Поднимешься к нам сегодня поужинать?»

«Может быть», говорит Сатана. «Я тебе перезвоню. А сейчас оставь меня в покое».

Экран становится черным. «Ах...», говорит Бог и радостно потирает руки. «Вот такие маленькие радости и делают жизнь счастливой».

«Окей, пап. Я пойду, прилягу».

«Конечно, отдохни. Твои друзья скоро появятся».

Черт возьми, конечно – Бекки, Морган, Крис. Им всем уже за шестьдесят. Они придут, когда он проснется.

«Спокойной ночи, папа. Тебе тоже пора спать».

«Да, я недолго. Спокойной ночи, сын мой».

Бог улыбается, наблюдая, как Его сын уходит к себе. Тогда он берет виски и сигару и подходит к стеклянной двери за Его письменным столом, выходящей в сад, где играют души маленьких детей. Он смотрит, как они резвятся и кувыркаются среди цветов в свете утреннего солнца, визжа от радости. Многие из них умерли насильственной смертью: сгорели заживо в пожарах, были забиты до смерти, так, что ломались их нежные позвонки и ребра, утоплены в смрадных клоаках и мутных реках, задушены волосатыми татуированными пальцами. Некоторых сожгли в газовых печах, других расстреляли из автоматов в упор или разрубили на куски мачете. Здесь они, конечно, все целые и невредимые. Самые счастливые из них – младенцы, растущие на Небе и не знающие ничего другого. Почему новорожденные на земле плачут? Думая об этом, Бог вспоминает строки из Апдайка, чьи книги он недавно с большим удовольствием прочитал. Классный тип – скромный, честный, да еще и в гольф играет. Один из тех, кто ни о чем не просит и не выходит из себя, даже если не попадает клюшкой по мячу. Бог наслаждается утренним солнцем, последними каплями скотча и последними затяжками кубинской сигары, думая об этих строках:

Все души плачут, просыпаясь в телах новорожденных потому, что понимают: они уже не на небесах.

Литература. Шикарная вещь, никаких вопросов.
Вот за это он был им действительно благодарен.

